

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 22 ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

Издательство Московского университета

№ 1 • 2010 • ЯНВАРЬ–МАРТ

Выходит один раз в три месяца

Содержание

Общая теория перевода

- Бойко Б.Л. Проблемы непереводимости (на материале военных текстов) 3
Горикова В.Е. Перевод кинодиалога в свете концепции Жиля Делёза . . 16

История перевода и переводческих учений

- Шабага И.Ю. Трактат Леонардо Бруни «О правильном переводе» 27

Методология перевода

- Богатикова Ю.А. «Биография Лондона» П. Акройда: Выбор стратегии перевода диалекта кокни 66
Гасек Б.Г. Специфика лексико-семантической интерференции при переводе на родной язык (на материале русского и польского языков) 75
Жантурина Б.Н. Цветовые термины при переводе 85
Малинина Р.А. Опыт перевода лексических единиц широкой семантики (на материале немецкого и русского языков) 95
Палажченко М.Ю. О некоторых способах и особенностях перевода политкорректной лексики. 103

Перевод и лингвистика

- Кожанова Е.А. Экстралингвистические факторы процесса метафоризации (на материале английских метафор-неологизмов) 114
Манерко Л.А. Английская научная речь: этапы формирования 122
Немонежная В.Ю. Иноязычные вкрапления и стиль произведения (на материале исторического романа А. Конан Дойля «Белый отряд») 139

Вопросы терминологии

- Алексеева М.О. Изучение терминологии православия как один из аспектов подготовки иностранных студентов-переводчиков (теоретические предпосылки) 144

Хроника научной жизни

- Глобальное управление и межкультурный диалог 156

Contents

General Translation Theory

- Boiko, B.L.*: Untranslatability Issues (Based on Military Texts) 3
Gorchkova, V.E.: Film Dialogue Translation in the Light of Gilles Deleuze's
Conception 16

History of Translation Studies

- Shabaga, I.Yu.*: The Treatise "On Correct Translation" by Leonardo Bruni . . 27

Translation Methodology

- Bogatikova, Yu.A.*: London: The Biography by P. Ackroyd: Translating
Cockney 66
Gasek, B.G.: Specific Character of Lexical and Semantic Interference
in Translation into Native Language (Based on Russian and Polish
Examples) 75
Zhanturina, B.N.: Colour Terms in Translation 85
Malinina, R.A.: Experiment of Translation of Lexical Units with Large
Semantics (Based on German and Russian Examples) 95
Palazhchenko, M.Yu.: On Certain Ways of Translating Politically Correct
Lexemes 103

Translation and Linguistics

- Kozhanova, Ye.A.*: Extralinguistic Factors of Metaphoric Process in the
Modern English Language 114
Manerko, L.A.: English Scientific Discourse: Steps of Shaping the Subject . . 122
Nemonezhnaya, V.Yu.: Foreign Disseminations and the Style of Narration
(Based on the Historical Novel "The White Company" by Arthur Conan
Doyle) 139

Terminology Issues

- Alekseyeva, M.O.*: Studying Orthodox Terminology as One of the Aspects
of Teaching Translation to Foreign Students (Theoretical Premises) . . . 144

Chronicle of Scientific Life

- Global Governance and Intercultural Dialogue 156

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

Б.Л. Бойко,

доктор филологических наук, профессор Военного университета МО РФ.
E-mail: borisboiko@gmail.com

ПРОБЛЕМЫ НЕПЕРЕВОДИМОСТИ (на материале военных текстов)

Понятие непереводимости не означает тупиковых случаев в переводе. За ним стоят многочисленные решения по передаче языкового и этнического своеобразия слова на исходном языке на язык перевода. Лексический материал военных текстов, будь то художественные или лексикографические, столь же репрезентативен, что и материал текстов любого иного типа, относящегося к политике, науке, культуре и другим отраслям социальной жизни.

Ключевые слова: переводимость, непереводимость, интерпретация, семантизация слова в словаре, военный жаргон.

Boris L. Boiko,

Dr. Sc. (Philology), Professor at the Military University, Moscow, Russia. E-mail: borisboiko@gmail.com

Untranslatability Issues (based on military texts)

There are no blind alleys in translation. Each interpreter knows how to transfer some tongue and ethnic singularity from one language into another. The lexical units of military text belonging to belles-lettres or to lexicography can be expressed or interpreted in the same manner as a political, scientific text or a text from any other walk of social life.

Key words: translatability, untranslatability, interpretation, semantization of words in the dictionary, military slang.

Наше сообщение мы должны предварить необходимым пояснением, касающимся предмета наших рассуждений. Мы далеки от мысли оставить категорию непереводимости без ее противопоставления категории переводимости. С помощью приставки “не” в языке выражаются оппозиции категорий бытия и мышления: *приемлемый — неприемлемый, верный — неверный, прочный — непрочный*. Лексические единицы с приставкой “не” могут выражать наличие противоположных качеств, что и слова с внутренней семантикой противопоставления: *добрый — скупой, мягкий — твердый, робкий — смелый* и им подобные. Непереводимость как категория перевода предполагает существование своего антипода — категории переводимости. Более того, случаи непереводимости, располагаясь на переводческой периферии, утверждают количественное превосходство категории переводимости — об этом убедительно свидетельствует опыт перевода. Таким образом, наше первое пред-

варительное замечание имеет целью подчеркнуть условность, некатегоричность использования нами понятия «непереводимость». Далеко не просто, рассуждая о проблемах непереводимости, находить убедительные примеры правомерности применения данной категории к результатам переводческого труда. Часть того, что ещё вчера казалось непереводимым, сегодня находит эквиваленты в языке перевода. Взаимодействие культур ведёт к освоению всё новых и новых культурных реалий, пусть даже в форме вкраплений, транслитераций, транскрипций, калькирования. В принимающем языке, в языке перевода постоянно расширяется лексический и фразеологический фонд, именующий этнические реалии культуры исходного языка. Примером могут служить транслитерированные наименования вооружённых сил Германии на различных этапах её истории — рейхсвер, вермахт, бундесвер.

Наше вынужденное второе предварительное замечание касается понятия «военные тексты». Это понятие мы не противопоставляем понятию «невоенные тексты». Военные тексты — всего лишь тексты, тематически относящиеся к сфере человеческой деятельности, связанной с функционированием вооружённых сил в мирное и военное время. В понятии «военный текст» присутствует та же мера условности, что и в понятиях «технический текст», «медицинский текст» и им подобных. В определениях «военный», «технический», «медицинский» выражена принадлежность текста определённой сфере социальной деятельности. Текст, содержащий описание деталей орудия, может показаться более «военным» по своей тематике, нежели текст, в котором приводятся математические расчёты стрельбы из орудия, скорости и иных баллистических качеств на различных участках траектории его полёта. В одинаковой мере «военным» является и текст, в котором излагаются основы полевой хирургии, или текст, посвящённый проблемам выпечки хлеба в полевых условиях для его распределения по войсковым частям и подразделениям.

Военное дело тематически необозримо: всё невоенное в условиях готовности к участию в войне превращается в военное. Так, рыбацкая лодка или бревно, за которое можно ухватиться, переплывая реку, обобщаются в понятии «подручные переправочные средства», а погреб под жилым домом, где хранятся домашние заготовки, — пусть в примитивное, но всё же убежище, предоставляющее человеку защиту от стрелкового оружия и осколков.

Условно военными можно назвать, на наш взгляд, художественные тексты о войне и армии — они военные ровно настолько, насколько обобщаются в понятии «военная литература». Авторы художественных текстов о войне видят своего читателя не исключительно как профессионального военного. Воюет не армия, а на-

род. Но даже в достаточно пространных фрагментах текста, содержащих описание военной техники или поля боя, наименования военной техники и реалий военного быта ограничены теми, которые не нуждаются в специальных пояснениях.

На материале лексикографических текстов мы попытаемся установить меру неперевода на уровне слова или фразеологизма, на материале художественных — показать те случаи несоответствий оригинала и перевода, какие могут подтверждать обоснованность использования переводческой категории неперевода. И в случае как лексикографических текстов, так и художественных нас будет интересовать всё то, что относится к сфере устно-речевого общения военнослужащих, где, как показывает теория и практика перевода, в наибольшей мере проявляются те реалии иноязычной культуры, которые не имеют аналогов в культуре и языке перевода, следовательно, безэквивалентны.

Приступая к исследованию случаев неперевода военной лексики и фразеологии с позиций неперевода, исследуем выводы, к которым пришел Р.Р. Чайковский на основе анализа научных текстов по данной проблематике [Чайковский, 2008]. В этой книге третья глава целиком посвящена проблемам перевода/неперевода, и она предваряет главную, четвёртую, главу, в которой неперевода трактуется как преодоление сопротивления исходного текста переводу.

Подвергнув тщательному анализу существующие в теории перевода и в переводческой профессиональной среде точки зрения на проблему неперевода и перевода, Р.Р. Чайковский посвящает отдельный раздел главы сведению воедино непротиворечивых и всё же контрастирующих точек зрения на природу перевода/неперевода. Воспроизведём выводы, к которым пришёл автор в форме кратких тезисов:

— противоречивые высказывания писателей, переводчиков и филологов о перевода/неперевода обусловлены прежде всего противоречивостью самих этих двух взаимосвязанных явлений. Признание диалектического единства и вместе с тем противопоставленности друг другу категорий перевода и неперевода позволяет отказаться от альтернирующего подхода, выраженного союзами «или... или», и принять подход к этим категориям как к членам соположенности, выраженных союзами «и... и»;

— сфера перевода и сфера неперевода по своим объёмам несопоставимы. В то время как перевода является качеством, присущим подавляющему большинству имеющихся или создаваемых художественных текстов, неперевода покрывает лишь отдельные фрагменты или элементы тех или иных исходных текстов. Обычно к таким элементам относят средства,

традиционно составляющие предмет риторики и стилистики — палиндромы, каламбуры, звуковую символику, реалии, сложные слова, игру слов, аллюзии и другие, значения отдельных грамматических категорий (например, род имён существительных). К экстралингвистическим факторам неперевода относятся так называемые «тёмные» места текста;

— непереводаемость — реальность переводческой практики, которая подтверждается всеобщим признанием того, что всякий перевод представляет собой лишь некоторое приближение к оригиналу, но никогда не покрывает полностью все аспекты содержания и формы оригинала;

— непереводаемость — это проявление максимальной степени сопротивления исходного текста переводу, еще одно проявление динамического характера переводаемости. Непереводаемость способна преобразоваться в переводаемость, когда человек, не желающий смириться с фактом непереводаемости или неудовлетворённый, добавим мы, степенью достигнутого в процессе перевода, стремится минимизировать случаи непереводаемости.

Обогатившись пониманием относительности, заложенной в категорию непереводаемости, осознавая её бинарную сущность, и, следовательно, рассматривая её в единстве с категорией переводаемости, попытаемся верифицировать эти выводы на материале перевода военных текстов. К военным текстам мы относим и тексты художественные на том основании, что в них повествуется о войне и армии (тематическая принадлежность) и используется военная лексика, т.е. лексика, именуемая реалии войны и армии. На том же основании к военным отнесём и тексты лексикографические, тексты одноязычных и двуязычных словарей и энциклопедий. Мы вынуждены будем также оговориться, что о переводе отдельного слова в словаре мы должны говорить с той мерой условности, за какой скрывается процедура подбора эквивалента на основании сопоставления объема значения данного слова, включая его этнокультурные коннотации.

Если сосредоточиться на проблемах лексикографии, то уже на уровне одноязычной лексикографии мы столкнёмся с трудностью выражения на литературном языке тех лексических единиц, которые выражают реалии военной службы профессионализмами и военным жаргоном. Проблемы, не получившие решения в лексикографии одноязычной, вряд ли получат однозначное решение в лексикографии двуязычной. Для установления типологии лексикографических описаний обратимся к словарям. Здесь обнаружим два типа словарей: первый тип относится к научной лексикографии — это словари, составляемые профессиональными лексикографами; второй — к лексикографии самодеятельной. Самодеятельная лек-

сикография включает словарные списки военного жаргона, размещаемые на сайтах Интернета бывшими военнослужащими. К самостоятельной лексикографии мы отнесём также те словарные списки, которые авторы художественных, публицистических, мемуарных текстов помещают в качестве приложения, с тем чтобы облегчить восприятие этих текстов читателями, не имевшими опыта военной службы. Часть такой лексики поясняется авторами непосредственно в текстах или постраничных сносках.

Анализ словарей военного жаргона показывает, что далеко не все профессионализмы и еще реже жаргонизмы имеют эквиваленты в литературном языке. Для их семантизации автор/составитель словаря вынужденно прибегает к описанию значения жаргонизма, часто многословному. Приведём выписки из словарей русского военного и военно-морского жаргона [Каланов, 2002; Коровушкин, 2000]: **правак**, -á, *м.* Второй пилот. ВВС и ВДВ: оф[ицерский жаргон]: 1970—1980 гг. по наст. время (так как сидит в правом кресле); **капуста**, -ы, *ж.* металлическая фурнитура на козырьке авиационной фуражки офицеров и генералов; **краб**, -á, *м.* Вышитый или металлический значок (эмблема) на морском форменном головном уборе (фуражке или шапке).

Аналогичный материал находим в словарях немецкого военного жаргона [Küpper, 1986]: **Kaffeemühle** *f* *Hubschrauber*. Wegen der Horizontalbewegung der Drehflügel. 1938 ff. Жаргонное наименование вертолёта по ассоциации наименования в связи с горизонтальным вращением лопастей вертолета; **Kaleu** *m* *Kapitänleutnant*; *Unterseebootskommandant*. Neutrale Abk. 1939ff. Наименование воинского звания «капитан-лейтенант». Слово образовано за счёт сокращения компонентов сложного слова. В русском военно-морском жаргоне имеется схожий аналог — *канлей*; **Lametta** *n* *sichtbar auf der Uniform getragene Orden u. Ehrenzeichen*; *Silber-, Goldlützen, -ressen* usw. Nach dem Weihnachtsbaumschmuck. 1935ff. Ассоциация значков и наград с ёлочными украшениями. В русском военном жаргоне имеется аналог — иконостас.

Анализ лексикографического описания приведённых слов показывает, что составитель немецко-немецкого словаря военного жаргона нашёл в четырех случаях из пяти однословные эквиваленты, подчас состоящие в силу немецкого словосложения из двух-, трёх- и четырёхсложных слов, и только интерпретация жаргонизма *Lametta* потребовала от автора словаря развёрнутого пояснения.

Специализированного русско-немецкого словаря военного жаргона мы пока не обнаружили, отдельные единицы военного жаргона приведём из русско-немецкого словаря общего жаргона [Вальтер, Мокиенко, 2007]: **тело** *с.* (воен.) *inoffizielle Bezeichnung für einen Soldaten im ersten Diensthjahr* (*с.* *салара*). Неофициальное

наименование солдата первой половины года срочной службы (см. салага); **уйти в запас** (воен. эвфем. шутл.) abmustern, sich endgültig zurückziehen, hops gehen, die Hufe hochreißen, ins Gras beißen, den Löffel wegschmeißen (abgehen), abfahren, abtreten: sterben, fallen. Семантизация фразеологизма достигается за счёт перечисления немецкой лексики и фразеологии, относящейся к военному жаргону и просторечию. В конце цепочки два глагола литературного языка — sterben, fallen (умереть, погибнуть); **записка** (воен.) Erkennungszettel: Dokument, das persönliche Angaben eines Soldaten enthält und das bei Gefechten mitgeführt wird (oft in einer Patronenhülse). Листок, на котором написаны личные данные солдата на предмет опознания его личности в случае гибели. Такой листок солдат имеет при себе (часто для сохранности листок свёртывается и помещается в гильзу от патрона).

В предисловии к словарю его составители пишут о том, что в словарных статьях они стремились к описанию семантического объёма лексикографируемых слов. Опыт перевода жаргонных слов, отмечают составители словаря, показывает два существующих направления. Первое отвечает желанию подыскать немецкий жаргонизм, аналогичный русскому. Во втором случае лексикографы идут по пути воспроизведения русской дефиниции, и этот способ семантизации жаргонного слова наиболее типичен для лексикографической практики. Коренное отличие русско-немецкого словаря жаргона и просторечий заключается в том, что семантизация имеющегося в нём материала осуществляется с помощью немецких эквивалентов.

Объективная непереваемость многих жаргонизмов адекватными иноязычными средствами заставляет лексикографов искать принципиально новые решения, и составители словаря разработали особую идеографическую систему семантического, образного и стилистического «параллелизма». В качестве *tertium comparationis* в словаре используются лексика и фразеология и соответствующие дефиниции сопоставляемых языков. На первом этапе русский жаргонизм семантически эксплицируется средствами русского языка с опорой на существующие в словарях дефиниции, или же такие дефиниции предлагаются составителями словаря. На втором этапе полученная дефиниция формулируется на языке перевода. На третьем этапе подбирается набор жаргонных немецких эквивалентов.

Как констатируют составители словаря, особую трудность для них представляла диалектная дифференцированность немецких жаргонных и просторечных элементов, заимствуемых ими из различных источников. Основным принципом отбора эквивалентов была ориентация на общий жаргон, под которым авторы понимают немецкий интержаргон. В синонимическом ряду эквивалентов

(в том случае, если таковой предлагается) эквиваленты располагаются по степени убывания семантико-стилистической маркированности слова: на первом месте располагается наиболее близкий по стилистической маркированности, семантике и образности немецкий эквивалент. Завершает синонимический ряд стилистически нейтральный и соответственно литературно-кодифицированный эквивалент, известный каждому читателю.

Словарный материал, приведённый нами выше, не всякий раз в полной мере отвечает замыслу составителей словаря, что ни в коей мере не снижает ни его лексикографическую ценность, ни теоретическую значимость высказанных тезисов. Сличение образа цели или результата некоторой деятельности должно вести или к коррекции образа цели, или к коррекции способов её достижения. Например, синонимический ряд эквивалентов к жаргонному фразеологизму *yüti в запас* завершается стилистически нейтральными единицами *sterben* и *fallen*, в то время как в пространном ряду эквивалентов к жаргонизму *слон* в значении ‘молодой солдат’ стилистически нейтральной единицы в предлагаемом ряду мы не находим. Точно так же мы не находим в синонимическом ряду немецких жаргонных эквивалентов понижающейся экспрессии единиц (или в силу недостаточного знания оттенков значений иноязычных жаргонизмов не умеем их различать).

Иной алгоритм семантизации единиц немецкого военного жаргона используется в немецко-русском словаре военного жаргона [Ауэрбах, 1941]. Словарь включает лексику немецко-немецких словарей военного жаргона, относящуюся главным образом к реалиям Первой мировой войны: **Knarre** f — винтовка; “трещотка”; **Landser** m — пехотинец (от *Land* — суша); **Schießeisen, Schießprügel** — винтовка, ружьё; “стреляющее железо”; “стреляющая палка” (ср. *der Prügel* — палка, *die Prügel* — побои). Автор первого отечественного специализированного немецко-русского словаря военного жаргона предлагает в качестве русских эквивалентов стилистически нейтральную единицу, дополняя её демонстрацией внутренней формы слова. Этот принцип семантизации допускает варианты, например одна словарная статья может содержать синонимические наименования: *Etappenbaron, Etappenheld, Etappenhengst, Etappenkommandeur, Etappenonkel, Etappenschwein* — “герой тыла”; “окопавшийся в тылу”. Для правой части словаря не всегда находится эквивалент, раскрывающий внутреннюю форму слова, основу образности и экспрессии жаргонной единицы: ср.: **Kiste** f — самолет; **Klappe** f — солдатская кровать; **Klimbim** n — военный оркестр и т.п. Для сравнения приведём словарные статьи отдельных единиц немецкого военного жаргона из краткого словаря немецко-английских военных терминов [Glossary of WWII German military terms]:

Alte Hasen — *Old hares*; slang for military veterans who survived front-line hardships; **Heldenklau** — *stealing or snatching of heroes*; slang term used to denote the practice of commandeering rear-echelon personnel for front-line service; **Kettenhund** — “chained dog”, slang for a Military Policeman (derived from the metal gorget worn on a chain around the neck).

Способы семантизации военного жаргона на материале самодеятельной солдатской лексикографии находим на немецкоязычных и русскоязычных сайтах Интернета. Среди известных нам немецко-немецких лексикографических изданий назовём проект Маркуса Ганзеля, охватывающий лексикографическое описание современной солдатской субкультуры [Gansel, 1990]: **Greni**. Es ist kein Mensch, es ist kein Tier, es ist ein Panzergrenadier. Eine besondere Gattung Soldat. G. pflegen sich besonders tief einzugraben, daher gilt: ‘Tritt nie auf einen grünen Stein, es könnte ein Greni drunter sein’; **Schiffchen**. Bootsformige Kopfbedeckung für Mäuse, die mit dem Kiel nach oben getragen wird. Hat vorn eine stilisierte Zielscheibe in Schwarz-Rot-Gold aufgenäht, um feindlichen Scharfschützen die Arbeit zu erleichtern; **Pappkamerad**. Zielscheibe in Soldatenform; **Sargbesatzung**. Panzerbesatzung.

Семантизация приведённых жаргонизмов разнообразна. Она представлена текстами различных типов. В юмористической тональности выдержаны описания значений жаргонизмов Greni и Schiffchen. Стилистически нейтральны и лапидарны правые части словарных статей Pappkamerad и Sargbesatzung.

Сопоставимый материал по русскому военному жаргону, претендующий на достаточно обширное лексикографическое описание субкультуры солдат срочной службы, находим на одном отечественном сайте: Армия России (изнутри). Семантизация лексики и фразеологии военного жаргона на этом сайте выполнена в форме пояснений на русском языке, на том тяготеющем к литературной норме варианте русского языка, которым владеет составитель словаря. Объём словарной статьи колеблется от одного слова или словосочетания (что встречается реже) до достаточно пространного изложения содержания фрагмента субкультуры солдат срочной службы, обозначаемой данной единицей военного жаргона¹: **балабас** — какая-нибудь еда (зачастую что-то вкусное, но когда хочется есть, то любая еда!); **бардак** — БРДМ (Боевая Разведывательно-Десантная Машина); **бэха** — БМП (боевая машина пехоты).

Остановимся на проблеме непереводаемого в словарных статьях. В случае одноязычных словарей военного жаргона мы сталкива-

¹ Мы вынуждены были внести в тексты словарных статей минимальные исправления, чтобы достичь соответствия литературной норме (см.: <http://rusarmia.com/publ/4-1-0-27>).

лись с примерами внутриязыкового перевода (по Р. Якобсону), когда вербальной жаргонной единице подбиралась интерпретация при помощи других знаков того же языка. В случаях **Sargbesatzung** — **Panzerbesatzung** и **бэха** — БМП (боевая машина пехоты) мы можем констатировать факт переводимости. В случаях пространственных текстов в правой части словаря, интерпретирующих значение заглавного (иные термины — заголовочное слово, вокабула), мы сталкиваемся с внутриязыковым переводом, который свидетельствует об отсутствии эквивалента в сопоставляемом языке или формы существования языка. Таким образом, внутриязыковой перевод равным образом охватывает случаи, одни из которых должны быть подведены под категорию непереводаемости, другие — под категорию переводимости. В этом втором случае в переводоведении используются понятия «передача» (в отличие от понятия «перевод»), реже — «интерпретация».

В поисках непереводаемого в художественных военных текстах достаточно репрезентативный материал находим, сопоставляя тексты романа Дитера Нолля «Приключения Вернера Хольга» на немецком и русском языках [Noll, 1972; Нолль, 2006]. Единицы военного жаргона в тексте романа встречаются в авторском повествовании и в речи персонажей. Использование единиц жаргона в этих двух функциях неоднократно исследовано и в дальнейшем обосновании не нуждается. В частности, нас интересует, к каким элементам военного жаргона прибегает автор для воссоздания атмосферы казарменного и военного быта и речевой характеристики персонажей романа. И находят ли переводчики в языке перевода адекватные средства, которые помогли бы нам лишней раз утвердиться в том, что категория непереводаемости имеет периферийный характер. В общем случае речь идёт об использовании жаргона, включённого в диалектно-окрашенное просторечие, о речевых вариантах аббревиатур, бранной и вульгарной лексике. Отдадим должное мастерству переводчиков романа: с большей или меньшей точностью они воссоздают в тексте перевода семантику используемых автором романа единиц немецкого военного жаргона. Опишем отдельные решения.

1. Перевод единиц военного жаргона, включённого в немецкую диалектно окрашенную речь.

Вчерашний крестьянин-батрак, обер-ефрейтор Шмидлинг, представлен к вчерашним школьникам, которые до наступления призывного возраста проходят военную подготовку непосредственно на позициях зенитного батальона в глубоком немецком тылу. Обер-ефрейтор старается по службе изо всех сил, только бы не быть отправленным на фронт, на зенитной батарее он единственный, кто имеет категорию *k.v.* — *kriegsverwendungsfähig* — годен

к фронтовой службе. Перевод диалектной речи крестьянина на русский язык с вкраплением сокращения *k.v.* (данное сокращение принадлежит устной речи и как субстантивированный акроним инициального типа произносится озвучиванием начальных букв *ke-fau*) и жаргонизма *schleifen* осуществляется в соответствии с рекомендациями теории и практики перевода: диалектная речь преобразуется в разговорную, жаргонная аббревиатура расшифровывается, слову «солдатского языка» *schleifen* находится эквивалент разговорной речи — ‘снимать (с кого-л.) струю’:

“Dös kenn i bei unserm Wachtmeister gar net, dass der a jemand *schleifa tuat*, in der Nacht scho gar net!” <...> Als einziger Soldat der Batterie war er *k.v.*, kriegsverwendungsfähig... (S. 132). Затем автор переходит на литературную речь, пересказывая то, что на своём деревенском диалекте сообщал о себе обер-ефрейтор юным подчинённым; курсивом пометим разговорные единицы, которые переводчики предлагают в качестве эквивалентов единицам территориальных диалектов:

— Этого я ещё от нашего вахмистра *не слыхивал*, чтобы он так с кого *стружку снимал*, а тем более ночью!.. Он единственный из всех солдат на батарее *считается годным к фронтовой службе...* (с. 138).

Непереводимость на уровне отдельной единицы обнаруживает себя в своей противоположности — переводимости на уровне фрагмента текста, представляющего собой законченное смысловое единство.

2. Перевод военных сокращений, свойственных устной речи военнослужащих.

В последующих главах романа автор откажется от воспроизведения диалектной речи персонажей, немецкое просторечие всегда в той или иной степени диалектно окрашено, разве только упомянет, что речь одного из персонажей романа имеет территориальную окраску. И вновь сокращение, которое в немецкой устной речи не расшифровывается, в данном случае это уже *g.v.H.* — *garnisonverwendungsfähig in der Heimat* — в переводе даётся в расшифрованном виде:

“Stabsgefreiter Kindchen”, sagte er. “Könnt, du’ zu mir sagen. Bloß wenn ich mal dienstlich werden muss, dann lieber, Sie’. Bin hier Stubenältester. Außerdem Schießunteroffizier.” Er gab ihnen die Hand. “Ich hab ausgesorgt”, erzählte er in leicht sächsischer Mundart, “wunderbar steifes Knie, hält ewig, *g.v.H.* bis ans Ende dieser Welt! Bin seit achtund-dreißig Soldat” (S. 408).

— Штабс-ефрейтор Киндхен, — представился он. — Можешь говорить мне «ты». Но когда я буду обращаться к тебе по службе, то лучше на «вы». Я здесь старший по спальне. А также инструктор

по стрельбе. — И протянул Хольгу руку. — Я-то отвоевался, — рассказывал он с лёгким саксонским акцентом, — Анкилоз коленного сустава первый сорт, прочность гарантирована! Годен для гарнизонной службы в тылу до скончания века! В армии трубку с тридцать восьмого (с. 435).

Синтаксис немецкой «рубленной» разговорной речи с нарушением порядка слов, с элиминированием то подлежащего, то сказуемого передаётся на русский язык частично тем же «рубленным» синтаксисом, частично лексическими средствами. Не очень к месту, на наш взгляд, в данном фрагменте перевода использован медицинский термин *анкилоз* для *steifes Knie* (досл. ‘негнущееся колено’), слишком принадлежит русскому военному жаргону слово *трубить* на том месте, где в немецком языке всего лишь опущено подлежащее. Но оба эти случая свидетельствуют не столько о непереводимости, сколько о недостаточном размышлении над её преодолением. Исходный текст сопротивляется переводу, но это не означает, что перевод не может быть достигнут.

Размышляя о проявлении категории непереводимости относительно единиц военного жаргона, мы затронули проблемы семантизации жаргонной лексики и фразеологии в одноязычных и двуязычных переводных словарях и семантизации, или собственно перевода, этих единиц на материале военного художественного текста. Лексикографические и художественные тексты на языке оригинала и на языке перевода подтверждают право на существование категории непереводимости. Не всё, что есть в военном жаргоне, имеет однозначные эквиваленты в литературном языке. В этом случае прибегают к интерпретации, к описательному переводу и тем самым достигают переводимости. Таким образом, категория непереводимости/переводимости имеет бинарный характер. Язык развивается не сам по себе, он совершенствуется людьми, безэквивалентное обретает эквиваленты, взаимодействие культур отражается в совершенствовании лексических средств соответствующих языков. И пушкинская фраза из XXVI строфы из «Евгения Онегина»

«Но *панталоны, фрак, жилет,*

Всех этих слов на русском нет» (с. 196)

уже не звучит для нас столь убедительно. Слова эти вошли в фонд русского языка, они отражают не только реалии культуры костюма XVIII и XIX в. в Европе и дворянской России, но и реалии современной театральной костюмерной, и реалии современного отечественного быта. И если слова *панталоны* и *фрак* не стали повседневной принадлежностью современного массового костюма, то слово *жилет* является не только принадлежностью мужского и женского костюма (мужской жилет, женский жилет), но и используется в словосочетаниях, именующих армейские реалии: *спаса-*

тельный жилет, защитный жилет, разгрузочный жилет, бронированный жилет. Два последних имеют эквиваленты в русском военном жаргоне — *разгрузка* и *броник*.

Русский язык ассимилировал слова *панталоны*, *фрак*, *жилет*, они не только вполне эквивалентны французским словам *pantalon*, *gilet*, *frac*, что важно для перевода, но и отражают уже имеющиеся в русской культуре реалии, что подтверждается словарями. Слова *pantalon*, *gilet*, *frac* — *панталоны*, *жилет*, *фрак* получили русскую графику, звуковой состав, род, число, вошли в состав словосочетаний. Наряду с другими иноязычными заимствованиями они ассимилированы русской культурой, а в вариантах *разгрузка* и *броник* — военной субкультурой. Перевод этих двух жаргонных единиц на иностранный язык подтвердит реальность категории непереводимости, если в вооружённых силах переводящего языка не обнаружатся жаргонные аналоги. И если они не будут жёстко привязаны к этнической субкультуре, то смогут служить словарными эквивалентами и использоваться в переводе. В одном из писем к автору данной статьи профессор Р.Р. Чайковский заметил: «...непереводимые слова в словаре — это одно, эти же слова в живом контексте произведения (оригинала и его перевода) — это что-то чуть-чуть другое. Они несколько меняют свою природу, и нередко словарный перевод “не лезет” в переводной текст, а откуда-то выскакивает совсем неожиданное решение. Контекст — своеобразный соперник категории непереводимости, контекст — важная опора переводимости».

Список литературы

- Армия России (изнутри) <http://rusarmia.com/index/0-7>
- Ауэрбах Т.* Словарь немецкого военного жаргона / Под ред. Н.Н. Биязи. М.: Воен. факультет западн. языков, 1941. 136 с.
- Ауэрбах Т.Д.* Словарь немецкого военного жаргона. Немецко-русский словарь жаргонных слов, кличек и крепких словечек / Под ред. Н.Н. Биязи. М.: Элпис, 2005. 351 с.
- Вальтер Х., Мокиенко В.М.* Большой русско-немецкий словарь жаргона и просторечий. М.: АСТ: Восток—Запад, 2007. 827 с.
- Каланов Н.А.* Словарь морского жаргона: около 1500 слов, 1400 идиоматических выражений. М.: Азбуковник: Рус. словари, 2002. 476 с.
- Коровушкин В.П.* Словарь русского военного жаргона: нестандартная лексика и фразеология вооружённых сил и военизированных организаций Российской империи, СССР и Российской Федерации XVIII—XX веков. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. 371 с.
- Нолль Д.* Приключения Вернера Хольта: Роман / Пер. с нем. В. Курелла, Р. Гальперина. М.: Вече, 2006.
- Чайковский Р.Р.* Основы художественного перевода. Магадан: Изд-во СВГУ, 2008. 182 с.

Gansel Markus. Das Bundeswehr-Lexikon. Das Original. Erstellt 1990. Letzte Aktualisierung am 01.11.02. <http://www.unmoralische.de/bundeswehr.htm>

Glossary of WWII German military terms. <http://articles.gourt.com/en/Glossary%20of%20WWII%20German%20military%20terms>

Küpper Heinz. Von Anschiss bis Zwitschergemüse. Das Bundessoldatendeutsch von A-Z. München: Wilhelm Heyne Verlag, 1986. 229 S.

Noll D. Die Abenteuer des Werner Holt: Roman einer Jugend. 24. Auflage. Berlin; Weimar: Aufbau-Verlag, 1972.

Горшкова В.Е.,

доктор филологических наук, профессор кафедры перевода, переводоведения и межкультурной коммуникации Иркутского государственного лингвистического университета. E-mail: gorchkova_v@mail.ru; prof.gorchkova@yahoo.fr

ПЕРЕВОД КИНОДИАЛОГА В СВЕТЕ КОНЦЕПЦИИ ЖИЛЯ ДЕЛЁЗА

Оттолкнувшись от философских понятий Ж. Делёза «образ-движение» и «образ-время», автор статьи делает попытку достроить технологию образов в кино за счёт введения понятия «образ-смысл». Такая интерпретация даёт возможность, с одной стороны, создать целостное представление кинематографического образа, а с другой — учесть вербальную составляющую фильма — кинодиалог, не нашедшую отражения в концепции французского философа, но представляющую собой первостепенную важность как объект перевода в кино. Положения автора подкрепляются обширным иллюстративным материалом.

Ключевые слова: образ-движение, образ-время, образ-смысл, перевод кинодиалога.

Vera E. Gorchkova,

Dr.Sc. (Philology), Professor at the Department of Translation, Translation Studies and Cross-cultural Communication, Irkutsk State Linguistic University, Russia. E-mail: gorchkova_v@mail.ru; prof.gorchkova@yahoo.fr

Film Dialogue Translation in the light of Gilles Deleuze's conception

Relying on the philosophical notions “movement image” and “time image” proposed by G. Deleuze, the author attempts to expand the technology of film images by introducing the notion “sense image.” Such interpretation makes it possible, on the one hand, to create an integral representation of cinematographic image, and, on the other hand, to take into account a verbal component of the film — the film dialogue, which is not reflected in the French philosopher's conception but is of paramount importance as a subject-matter of cinema translation. The author's theses are instantiated by a solid body of illustrative material.

Key words: movement image, time image, sense image, film dialogue translation.

Нам бы хотелось предварить наши размышления словами Ж. Делёза, крупнейшего философа современности, занимающего особое место в ряду теоретиков кинематографа, философа, концепция которого легла в основу настоящего исследования:

«Пользу теоретических книг по вопросам кино часто ставят под сомнение. [...] Думается, это замечание не демонстрирует большого понимания того, что называется теорией. Ибо теория также творится, и не в меньшей степени, нежели её объект. [...] Она не более абстрактна, чем её объект. [...] Теория кино — это теория не «о» кино, но о концептах, вызванных кино к жизни, — и сами они

вступают в отношения с другими концептами, соответствующими иным практикам, причём практика концептов не обладает никакими привилегиями по сравнению с другими практиками, а её предмет — по сравнению с другими предметами. На уровне взаимопроникновения множества практик и возникают вещи, сущности, образы, концепты, все разновидности событий. Теория кино направлена не на кино, а на его концепты, являющиеся не менее практичными, влиятельными и действительными, чем само кино. [...] Само кино представляет собой новую практику образов и знаков, а философия должна создать теорию последней как концептуальную практику» [Делёз, 2004, с. 614].

Рассуждения наши обусловлены прежде всего стремлением разобраться в проблеме соотношения перевода и смысла, оттолкнувшись от концепции Ж. Делёза. Намерение это может показаться неожиданным и даже несколько амбициозным в силу того, что французский философ действительно о кино писал, и писал довольно много, но при этом вообще не затрагивал переводческую проблематику. Однако мы полагаем, что его идеи могут служить своего рода основанием для дальнейших изысканий в приложении как к кинематографу, искусству, которое «со всей решительностью переосмысливает проблему объекта в искусстве» [Хренов, 2006, с. 660], так и к переводоведению, постоянно расширяющему круг анализируемых объектов. Так, мы с удовлетворением констатируем возрастающий интерес исследователей к изучению переводческого аспекта кинодиалога как вербального компонента фильма, о чём свидетельствуют появившиеся совсем недавно диссертационные исследования С.С. Назмутдиновой «Гармония как переводческая категория (на материале русского, английского, французского кинодискурса)» [Назмутдинова, 2008] и Р.А. Матасова «Перевод кино/видео материалов: лингвокультурологические и дидактические аспекты» [Матасов, 2009].

Логике кино Ж. Делёз посвятил две книги: «Кино I. Образ-движение» (1983) и «Кино II. Образ-время» (1985), которые были переведены на русский язык Б. Скуратовым (2004). В представлении Ж. Делёза, кинематограф — это мощная «машина мысли», мысли, что функционирует не через действие, не через повествование, но актуализируя событие во времени. Философия совпадает с кинематографом в том, что как раз в момент его возникновения она начинает по-новому мыслить движение: в этом отношении задачи кино и философии аналогичны. Подобно Бергсону, который в «Материи и памяти» говорит об абсолютной идентичности «движения—материи—образа», кино обнаруживает, что отношения движения и времени изменились: не время определяется движением, последовательностью, длительностью, а движение проистекает из времени, представляющего собою сосуществование всех уровней

длительности, или, по выражению Феллини, мы заключаем в себе прошлое, настоящее и будущее одновременно [Фокин, 2002, с. 227].

Ж. Делёз понимает кино как технологию производства образов, как стихию движения и изменчивости. Соответственно в своём исследовании, посвящённом кино, философ выявляет два образа — образ-движение и образ-время, являющиеся неотъемлемыми составляющими кино как системы предъязыковых образов и знаков, отражающих мыслительные действия и процессы. Наряду с предъязыковыми знаками Ж. Делёз говорит о так называемых предзначающих знаках, к каковым он относит точки зрения на указанные мыслительные действия и процессы.

Поскольку философский аспект проблемы кино не входит в нашу задачу, попытаемся несколько схематизировать идеи Ж. Делёза. Прежде всего, философ считает, что восприятие зрителя строится по правилам кадрирования, панорамирования, монтажа. Эти три момента в совокупности составляют делёзовскую «педагогику перцепции», направленную на нового субъекта восприятия, каковым является масса (массовый зритель). Соответственно в чисто техническом смысле благодаря подвижной камере, монтажу и плану создаётся образ-движение, причём в основе этого образа лежит прежде всего план как органический образ, организующий нашу перцепцию.

Собственно монтаж мыслится Ж. Делёзом как целое фильма, как его идея. Такая трактовка монтажа не нова: по собственному признанию философа, она восходит к идеям С. Эйзенштейна. Однако Ж. Делёз идёт дальше и находит философское обоснование роли монтажа в кино. В свете его концепции идея становится косвенным образом-временем, вступающим с образом-движением в отношение часть-целое. При этом образ-время как бы вбирает в себя образ-движение, оказывается доминирующим (целым, абстрактным) по отношению к образу-движению (части, конкретному).

Технология образов Ж. Делёза опирается в основном на образ-движение и образ-время, рассматриваемые по умолчанию как достаточные для обеспечения выразительности кино и его художественно-эстетического воздействия на зрителя. Согласно Ж. Делёзу как философу кинематографа, выразительность кино сосредоточена в сфере виртуальности, именно там аффекты остаются действующими, а язык, несмотря на кажущуюся исчерпанность, обнаруживает себя в новом качестве, возвращаясь к нам в виде образов. Очевидно также, что, говоря о языке, Ж. Делёз имеет в виду прежде всего язык кино с его особой спецификой образной выразительности. Язык вербальный остаётся за пределами его философского осмысления кино.

Однако в наш век звукового кино, когда к тому же наблюдается появление фильмов *слова*, необходимо определиться с местом этого *слова* в технологии образов в философском их понимании, опреде-

литься с вкладом, вносимым вербальным компонентом — кинодиалогом — в обеспечение кинематографической выразительности. На наш взгляд, развитием концепции Ж. Делёза могло бы послужить введение в его технологию ещё одного образа, способного вобрать в себя и вербальную составляющую фильма. В качестве такого образа мог бы выступать образ-смысл, формирующийся исходя из предъязыковых и предозначающих знаков по Делёзу, и находящий своё относительное эксплицитное выражение в их вербальной реализации.

Почему мы говорим об относительности эксплицитного выражения образа-смысла? Поясним нашу позицию.

Проблема смысла в анализируемом труде практически не затрагивается. Но есть одно очень важное, на наш взгляд, заключение: «смыслом» оказывается сама «выразительность, возникающая из непосредственной связи со световой материей» [Делёз, 2004, с. 382].

Здесь наши рассуждения нуждаются в небольшом отступлении. Ж. Делёз известен посвящённым читателям как автор знаменитого труда «Логика смысла» [Делёз, 1995]. Напомним некоторые из его положений:

Хотя смысл и не существует вне выражающего его предложения, тем не менее он является атрибутом положения вещей, а не самого предложения. Событие наличествует в языке, но оживает в вещах. Вещи и предложения находятся не столько в ситуации радикальной двойственности, сколько на двух сторонах границы, представленной смыслом [там же, с. 41].

Смысл как выраженное не существует вне выражения [там же, с. 56].

Смысл — это *эффект*. Но эффект не только в каузальном смысле. Это также эффект в смысле «оптического эффекта» или «звукового эффекта», или, еще точнее, эффекта поверхностного, эффекта позиционного и эффекта лингвистического. Эффект — вовсе не видимость или иллюзия, а продукт, разворачивающийся по всей её протяжённости. Он строго сопresentствует со своей причиной, соразмерен ей и определяет эту причину как имманентную [там же, с. 94].

Смысл [...] принадлежит не высоте и глубине, а, скорее, поверхностному эффекту; он неотделим от поверхности, которая и есть его собственное измерение. Это вовсе не значит, что смыслу недостаёт высоты и глубины, скорее, это высоте и глубине недостаёт поверхности, недостаёт смысла, и они обладают им только благодаря «эффекту», предполагающему смысл [там же, с. 96].

Поверхность — это местоположение *смысла*: знаки остаются бес-смысленными¹ до тех пор, пока они не входят в поверхностную организацию, обеспечивающую резонанс двух серий

¹ Орфография Ж.Делёза (В.Г.).

(двух образов-знаков, двух фотографий, двух следов и т.д.). Но такой мир смысла ещё не содержит ни единства направления, ни общности органов. Для этого требуется рецептивный аппарат, способный осуществить последовательное наложение плоских поверхностей в соответствии с другим измерением [там же, с. 132—133].

В своём труде о кино французский философ ушёл от основных понятий, составивших основу его рассуждений о логике смысла. Большинство интересующих его концептов вовлечены в описание образа-движения, включающего три его разновидности: образ-перцепция, образ-действие, образ-эмоция или образ-импульс. Но ведь именно эти составляющие создают означенную философом *выразительность, эффект*, о котором он говорит, давая приводимое выше определение смысла. Именно благодаря *рецептивному аппарату* зрителя, включающему наряду со зрением и слушание, удаётся сделать «о-смысленным» (по аналогии со словотворчеством Ж. Делёза) кинематографическое действие, восприятие содержания кинодиалога и в конечном счёте достроить кинематографический образ.

Соответственно мы с полным основанием можем говорить о том, что понятие «образ-смысл» имеет право на существование. И подобно образу-времени, вбирающему в себя образ-движение, образ-смысл охватывает два предыдущих образа, расширяя и углубляя последние путём наложения визуального и вербального компонентов, создавая тем самым основу кинематографического образа.

В силу вышесказанного полагаем возможным следующее представление технологии образов в кино в развитие идей Ж. Делёза (рис. 1):

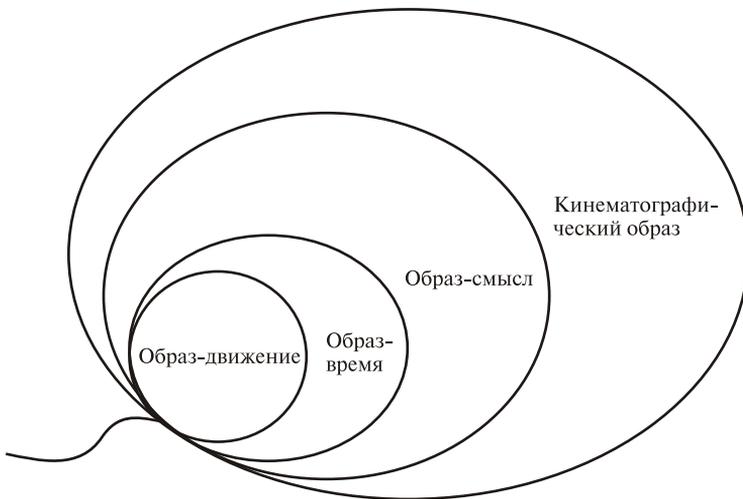

Рис. 1. Технология образов в кино

Прекрасной иллюстрацией создания образа-смысла в кино может служить фильм режиссёра Н. Агаджановой «Юбилей», получивший грамоту и специальный Приз VIII Открытого Российского фестиваля кинокомедий «Улыбнись, Россия!» (2007) — «За дерзкое и успешное освоение комедийного пространства на ТВ», премьера которого состоялась в январе 2008 г.

Как известно, Рождество — время чудес и сюрпризов. Героиня фильма, Анна Сергеевна Грановская (исп. Л. Чурсина), приготовила своим взрослым детям неожиданный подарок. Спустя много лет она вернулась из Америки, чтобы отметить свой юбилей в семейном кругу и открыть детям, актрисе Ольге (исп. К. Лаврова-Глинка), политику Николаю (исп. И. Лагутин) и продюсеру Кириллу (исп. А. Самойленко) правду, что их папа — вовсе не академик Грановский. Оказывается, они рождены от разных мужчин, встреча с которыми и есть рождественский подарок от их дорогой мамочки.

В фильме есть сцена, когда Анна Сергеевна просит детей быть скромнее и не слишком изощряться в выборе нарядов для семейного ужина по случаю Рождества. Эта просьба вызывает возражение Ольги, которая кидает реплику: «Серость нам не к лицу». Только одна произнесённая фраза, но фраза эта сопровождается мощнейшим визуальным рядом. Актриса стягивает с плеч лисью горжетку и идёт по небольшой лестнице к выходу, играя с горжеткой, как с непослушной собачкой, затем, уже у дверей, гордо встряхивает головой, с трудом накидывает горжетку на плечи и удаляется, хлопнув дверью.

Сцена примечательна, во-первых, демонстрацией яркой интертекстуальности. Мы все прекрасно помним фильм «Семнадцать мгновений весны» и сцену в кафе, когда Штирлиц никак не мог отбиться от подвыпившей посетительницы. Во-вторых, зритель убеждается, что Ольга действительно неплохая актриса. В-третьих, произнесённая реплика подкрепляет собственное мнение Ольги о своей значимости и таланте. Достаточно вспомнить первые кадры фильма, представляющие главных героев, где Ольга закатывает истерику в связи с недостаточностью внимания, оказываемого ей режиссёром театра, в котором она служит.

Как видим, относительность эксплицитного выражения образа-смысла в кинодиалоге находит объяснение в необходимости опоры на видеоряд. Мера этой относительности зависит от степени «вербализации» образа-движения и образа-времени, что необязательно соотносится с количественным аспектом последней. В данном случае произнесена всего лишь одна реплика, но именно она становится своего рода скрепой, вербальным мостиком, соединяющим два указанных образа и дополняющим общую характеристику героини фильма и её реакцию на слова матери, что в конечном счете служит завершению формирования общего образа-смысла фильма.

В подтверждение нашей позиции приведём мультфильм американского режиссера Э. Стэнтона «Валл-И» (*Andrew Stanton, Wall-E, USA, 2008*). Фильм создан на студии Пиксар (*Pixar*) и повествует о проблемах любви и выживания в условиях экологической катастрофы, делая акцент на универсальных, общечеловеческих ценностях, не требующих знания специфической культуры Другого. Главный герой фильма, Валл-И, — робот, занимающийся уборкой мусора на покинутой людьми Земле. Имя робота не имеет ничего общего с лексемой *wall* — *стена*, это сокращение, звучащее по-английски как *Waste Allocation Load Lifter Earth-Class* или по-русски *Вселенский Аннигилятор Ландшафтный Лёгкий-Интеллектуальный*.

Очень простой и доступный на первый взгляд для восприятия, фильм в действительности отличается необычайной глубиной создаваемого кинематографического образа. Во-первых, сам Валл-И очень напоминает Джонни-5 из фильма Дж. Бэдэма «Короткое замыкание» (*John Badham, Short circuit, USA, 1986*) с его знаменитым слоганом *Life is not a malfunction* (*Жизнь — это не неисправность*). Основная работа Валл-И заключается в том, что он собирает многочисленные предметы из 1960—1980-х гг., куда попадают видеокассета с фильмом «Здравствуй, Долли» (*Ernest Lehman, Hello, Dolly, USA, 1969*), Кубик Рубика и даже Атари-2600 (*Atari 2600*) с игрой Pong. Последний кусок мусора, отбрасываемый Валл-И в момент расставания с Землёй, — не что иное, как первый искусственный спутник Земли, запущенный в своё время в СССР. После зарядки солнечных батарей Валл-И издает звук, подобный тому, что издают при загрузке компьютеры Apple. Сопровождающаяся музыкой Штрауса сцена победы капитана над бортовым компьютером представляет собой откровенную аллюзию на фильм С. Кубрика «Космическая одиссея 2001» (*Stanley Kubrick, 2001: A Space Odyssey, USA, 1968*). Соответственно визуальный ряд несёт гигантскую смысловую нагрузку, расшифровка которой не каждому под силу, поскольку многие из перечисленных выше интертекстуальных элементов знакомы лишь зрителям старшего поколения. Однако фильм рассчитан на зрителей всех возрастов, что делает его универсальным для просмотра, как сказали бы французы, фильмом *tout public*.

Анализируемый фильм отличается выраженной невербальной коммуникацией, основной упор сделан на язык эмоций и жестов. Что касается собственно кинодиалога, то здесь лаконичность вербального компонента, естественная сюжетная повторяемость как отдельных реплик, так и имён собственных, произнесение которых варьируется в соответствии с эмоциональным состоянием героев, подкрепляются визуальным рядом, что позволяет адекватно идентифицировать содержание высказываний при их переводе

на русский язык. И хотя в данном фильме в основе образа-смысла лежит визуальный ряд, значимость последнего была бы недостаточной без эмоционального фона, создаваемого звуком вообще и звучащим словом в частности.

Любопытно проследить формирование образа-смысла на уровне имён собственных, фигурирующих к тому же в названии фильма. Так, российская версия американского мультфильма К. Уильямса и Б. Ховарда «Bolt» носит название «Вольт» (*Chris Williams, Byron Howard, Bolt, USA, 2008*), что представляется вполне обоснованным по следующим соображениям.

Дело в том, что герой фильма, суперпёс Вольт, спасает человечество, используя свои необычайные способности. Поскольку «визуальное мышление в кинематографических формах — это мышление, в котором ведущую роль играет сам объект, воспроизводимый в его реальных, видимых формах» [Хренов, 2006, с. 660], означенные способности подчёркнуты имиджем Вольта — на боку у него нарисована молния. В принципе русское словарное соответствие английской лексемы *bolt* — *разряд молнии*. Но, во-первых, такое имя слишком длинно и создает диссонанс с начертанным на боку собаки, во-вторых, представляется, что переводчик никак не мог прибегнуть при переводе к транслитерации, учитывая восприятие российского зрителя (вспомним здесь о делёзовской *педагогике перцепции!*), поскольку соответствие *болт* в данном контексте обросло бы ненужными ассоциациями. Представляется очевидным, что перевод имени суперпса *Bolt* как *Вольт* сохраняет сему высокого напряжения, хотя, возможно, и не столь сильного, как при разряде молнии. К тому же близость графики английского слова и его русского эквивалента также положительно воспринимается неискушённым зрителем. Тем самым герой русской версии сохранил образ-смысл, заложенный в оригинальной версии, адекватно совместив образ-движение и образ-время с вербальной составляющей фильма.

Рассмотрим теперь предозначающие знаки, к каковым Ж. Делёз относит точки зрения на имеющие место мыслительные действия и процессы и их соотношение с выводимым нами образом-смыслом.

При анализе театрального диалога некоторые исследователи говорят об «эффekte двойного сказывания», требующего учёта двух точек зрения, которые можно условно подразделить на внешнюю и внутреннюю [Горшкова, 2006]. По отношению к кино первая соотносится с видением происходящего создателями фильма, вторая «работает» непосредственно в кадре. Полагаем, что сочетание этих точек зрения и создаёт основу образа-смысла, представляющего собой не простое линейное суммирование, а некую парадигму параллельного существования визуального и вербального,

характерного для современного кино. Но, на наш взгляд, это сочетание следует дополнить понятием третьей точки зрения. В приведённой концепции не учитывается весьма немаловажная для кинематографа третья сторона. Пользуясь языком кино, «за кадром» остается зритель, на восприятие которого и должно быть направлено всё кинематографическое действо. И что бы там ни говорили признанные мастера кино о том, что «месседжем они не интересуются», что им интересно только «как фильм живёт, как он вибрирует», образ-смысл, заложенный в фильме, должен расшифровываться зрителем, и в этом огромную роль играет звуковая сторона, отличающаяся, к примеру, в мультфильме «Валл-И» глубинной интертекстуальностью, а в фильме «Вольт» являющаяся важнейшим элементом речевой характеристики главного героя.

Приведём в доказательство наших рассуждений мнения зрителей о Вольте, напомнив при этом, что в оригинальной версии фильма Вольта озвучивает Джон Траволта (*Криминальное чтиво*), актер, не нуждающийся в представлении и отличающийся узнаваемым голосом (мнения приводятся в авторских версии и графике):

- А я не разделяю всеобщих восторгов как раз из-за озвучки. Персонаж Вольта мне понравился, если бы его не озвучивал совершенно невыразительный, хрипчатый голос, да еще и с кучей жаргонных выражений. Вообще это теперь так КРУТО и КЛЁВО в текст «доброе мультика» вставлять современный уличный жаргон?

- Ходили в 3D. Фильм очень понравился и нам, и сыну! Голос Вольта (версия, которую в кинотеатре смотрели) озвучивал, кажется, Стас Пьеха — отличные фразы, и голос ему очень подходил. Когда купили диск, оказалось, что там озвучивает Вдовиченков — гораздо хуже.

Цитируемые высказывания убедительно показывают, что создание образа-смысла третьей стороной, зрителем, во многом зависит от восприятия фильма, уровня общей образованности зрителя, его воспитания, его картины мира, как принято сейчас говорить.

Соответственно в приложении к переводу приведённая выше технология образов в кино могла бы быть проинтерпретирована в несколько ином ракурсе. Очевидно, что образ-время и образ-движение зафиксированы на плёнке и не могут кардинально изменяться, за исключением случаев, когда отдельные сцены, представляющие, по мнению критиков или цензоров, угрозу идеологического или морально-этического плана, в прямом смысле вырезаются из фильма. Разумеется, эти образы не есть раз и навсегда установленная данность, их интерпретация находится в прямой зависимости от принимающей аудитории, её готовности адекватно расшифровать язык кино, проникнуть в замысел режиссёра, реализуемый

при помощи плана и монтажа, уяснить образ-смысл, заложенный среди прочего и в звучащем слове. Это означает, что границы указанных образов не являются строго фиксированными, они подвижны, но подвижны относительно, в технически заданных рамках. Иллюстрацией к сказанному может служить попытка создания «цветных» версий старых чёрно-белых фильмов, где цвет начинает играть достаточно важную роль, в какой-то степени «ломающая» стереотипы, сложившиеся у зрительской аудитории в отношении любимых им образов (*Т. Лиознова, Семнадцать мгновений весны, СССР, 1973/2009*). Трудно представить, как изменилось бы восприятие американского фильма «Аватар» (*James Cameron, Avatar, USA, 2009*), если бы с ним попытались сделать обратное!

В ситуации показа фильма в иноязычной аудитории (как, впрочем, и в рамках одной культуры, когда речь идет о неподготовленном зрителе) возникает ещё одно препятствие — языковой барьер, устранение которого и входит в задачу переводчика. И здесь усиливается роль переменной, в некотором роде «плавающей» составляющей фильма, а именно вербального компонента, в котором, как мы уже говорили, своё относительное выражение находит образ-смысл. Это единственный из трёх образов, допускающий внешнее вмешательство вплоть до полной его дефигурации, констатируемой в случаях гоблинского перевода. И если мы попытаемся схематически представить изменённый ракурс рассмотрения соотношения приведённых выше образа-действия, образа-времени и образа смысла, то можем зримо наблюдать подвижность местоположения *слова* и прямую зависимость *перцепции* зрителя от степени близости переводной версии вербального компонента тексту оригинального кинодиалога. Соответственно полнота создаваемого образа-смысла находится в прямой зависимости от адекватности перевода кинодиалога (см. рис. 2).

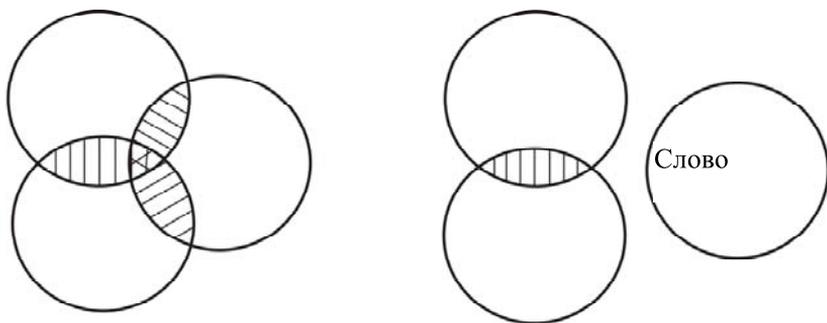

Рис. 2. Роль вербального компонента в создании образа-смысла

Сказанное обуславливает степень ответственности переводчика за адекватную передачу вербального компонента, одно неверно интерпретированное слово которого при переводе может полностью нарушить образ-смысл фильма и направить восприятие зрителя по ложному пути. Достаточно вспомнить ситуацию с переводом выражения *Your honest* как *Цезарь* в фильме Р. Скотта «Гладиатор» (*Ridley Scott, Gladiator, USA, 2000*) [Горшкова, 2006, с. 182]. Отсюда относительность промежуточного положения переводчика между создателями фильма и его зрителями, требующая, с одной стороны, максимально ориентироваться на позицию создателей фильма, на *vouloir-dire* его авторов, находящих своё выражение в образе-движении и образе-времени, с другой стороны, адекватной интерпретации кинодиалога как важной составляющей образа-смысла наряду с двумя, приведёнными выше.

Список литературы

- Горшкова В.Е. Перевод в кино. Иркутск, 2006.
- Делез Ж. Логика смысла / Пер. с фр. Я.И. Свирского. М., 1995.
- Делез Ж. Кино I. Образ-движение. Кино II. Образ-время / Пер. с фр. Б. Скуратова. М., 2004.
- Матасов Р.А. Перевод кино/видео материалов: лингвокультурологические и дидактические аспекты: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2009.
- Назмутдинова С.С. Гармония как переводческая категория (на материале русского, английского, французского кинодискурса): Дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2008.
- Фокин С.Л. Послесловие. Жиль Делёз и его «метафизические фантазии» на тему «что такое литература?» // Делёз Ж. Критика и клиника / Пер. с фр. О.Е. Волчек, С.Л. Фокина. СПб., 2002.

ИСТОРИЯ НАУКИ О ПЕРЕВОДЕ

И.Ю. Шабига,

кандидат исторических наук, доцент, преподаватель Высшей школы перевода (факультета) и исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: shabag@land.ru

ТРАКТАТ ЛЕОНАРДО БРУНИ «О ПРАВИЛЬНОМ ПЕРЕВОДЕ»

Вниманию читателей предлагается предваряемый небольшим вступлением комментированный перевод написанного на латинском языке критического трактата “De interpretatione recta” (1420), принадлежащий перу известного итальянского гуманиста Леонардо Бруни. Основываясь на анализе чужих переводческих ошибок и на собственном многолетнем опыте перевода с древнегреческого языка на латинский, Л. Бруни излагает своё понимание того, какой перевод является «правильным».

Ключевые слова: Л. Бруни, трактат «О правильном переводе», перевод с латинского языка, комментарии.

Irina Y. Shabaga,

Cand.Sc. (History), Ass. Professor, Teacher at the Higher School of Translation and Interpretation and the Department of History, Lomonosov MSU, Russia.

The Treatise “On Correct Translation” by Leonardo Bruni

Translation of the critical treatise “De interpretatione recta” (1420), written in Latin by the famous Italian humanist Leonardo Bruni, is analysed in this article. Some criteria of “correct” translation, based on the analysis of mistakes made by many other translators and on his own experience of translation from ancient Greek into Latin, are suggested in his work.

Key words: Leonardo Bruni, treatise, translation from Latin into Russian, commentary.

Предлагаемый ниже вниманию читателей неоконченный критический трактат «О правильном переводе» принадлежит перу известного итальянского гуманиста, государственного деятеля, историка, филолога и писателя Леонардо Бруни (прибл. 1370—1444 гг.).

Л. Бруни был уроженцем города Ареццо: отсюда произошло его прозвище «Аретинский» (Aretino). Родился он в уважаемой семье, принадлежавшей к партии гвельфов¹, что сыграло свою роль в его карьере. В 1386/87 гг. после смерти отца Л. Бруни переехал во Флоренцию, где был усыновлён Колуччо Салютати — выдающимся деятелем итальянского Возрождения, канцлером Флорентийской республики; Л. Бруни считал его своим духовным отцом. Во Фло-

¹ Политическое движение, выступавшее за ограничение власти императора Священной Римской империи и усиление роли папы Римского.

ренции Л. Бруни в течение нескольких лет изучал риторику и право, но в 1398 г. оставил занятия этими науками ради углублённого изучения античности и древнегреческого языка у приглашённого кружком гуманистов византийского учёного Мануила Хрисолара, чьи лекции пользовались у просвещённых флорентийцев огромной популярностью. М. Хрисолар и К. Салютати оказали наибольшее влияние на формирование личности Л. Бруни; именно они привили ему любовь к античной культуре.

По примеру своего античного идеала — Марка Туллия Цицерона — Л. Бруни усиленно занимается переводами с древнегреческого языка на латынь, постепенно вырабатывая собственное понимание того, какими качествами должен обладать высокопрофессиональный переводчик. Успешно продвигается он и по карьерной лестнице. Так, в 1405 г. Л. Бруни, сторонник партии гвельфов, стал секретарём папской канцелярии в Риме и занимал эту должность при четырёх папах (Иннокентии VII, Григории XII, Александре V и «антипапе» Иоанне XXIII), а после низложения последнего в 1415 г. вернулся во Флоренцию. Ещё в 1412 г. он удачно женился на знатной флорентийке, вошёл в круг политической элиты и стал принимать участие в управлении Республикой.

Активная государственная деятельность Л. Бруни никогда не мешала его литературным занятиям. Так, в 1415—1422 гг. он пишет ряд трактатов, первую из двенадцати книг «Истории флорентийского народа», переводит с древнегреческого языка «Экономику» и «Никомахову этику» Аристотеля, в развёрнутом предисловии к которой проводит сравнительный анализ этических теорий античности и даёт своё определение понятия «высшего блага» и других категорий моральной философии².

В 1427 г. Л. Бруни, поборник республиканского строя и искренний патриот Флоренции, становится канцлером Флорентийской республики: этот пост он занимает до самой смерти в 1444 г. Государственная деятельность отнимала у него много времени, поскольку в этот период республика переживала определённые внутри- и внешнеполитические трудности. Тем не менее Л. Бруни не прекращал своих научных и литературных занятий: он вырабатывает оригинальную концепцию гуманистического образования (*Studia humanitatis*), предполагавшую гармоническое развитие личности на основе овладения морально-философскими, историческими, филологическими и риторическими знаниями; особая роль отводилась изучению древних языков. Кроме того, Л. Бруни пишет целый ряд литературных и филологических произведений, среди которых — жизнеописания Цицерона и Аристотеля, биографии Данте и Петрарки, многочисленные речи и трактаты. В это же

² Подробнее см.: Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV век) / Под ред. Л.М. Брагиной. М., 1985. С. 311—313.

время он заканчивает свой фундаментальный труд «История флорентийского народа», написанный на основе нового в то время метода анализа документального материала.

Перу Л. Бруни принадлежат более пятидесяти произведений самых разных жанров — исторических, биографических, философских, филологических, литературных, дипломатических. Его эпистолярное наследие представляет собой как письма к родственникам, так и переписку с представителями интеллектуальной элиты Италии того времени, например с Калуччо Салютати, Поджо Браччолини, Лоренцо Валла и другими.

Особый интерес для нас представляет переводческая деятельность итальянского гуманиста. Приводимый ниже перечень сделанных Л. Бруни переводов с древнегреческого языка на латинский позволяет понять ту боль и горячность, с которой он обрушивается в трактате «О правильном переводе» на неумелого переводчика и приравнивает негодный перевод к преступлению³:

1. Aristophanis “*Pluti*” versio Latina. 2. Aristotelis “*Ethicorum Nichomachorum*” versio Latina. 3. Ps.-Aristotelis “*Oeconomicorum*” versio Latina. 4. Aristotelis “*Politicorum*” versio Latina. 5. Demosthenis “*Pro Ctesiphonte*” orationis versio Latina. 6. Ex Homeri “*Iliadis*” libro sexto orationes depromptae latine redditae et in oratione soluta redactae. 7. Platonis “*Apologiae Socratis*” versio Latina. 8. Platonis “*Critonis*” versio Latina. 9. Platonis “*Epistolarum XII*” versio Latina. 10. Platonis “*Gorgiae*” versio Latina. 11. Platonis “*Phaedonis*” versio Latina. 12. Platonis “*Phaedri*” versio Latina. 13. Plutarchi “*De vita Marci Antonii*” versio Latina. 14. Plutarchi “*De vita Quinti Sertorii*” versio Latina. 15. Praefatio in orationes tres Demosthenis a se traductas. 16. Sancti Basilii “*Epistolae de utilitate studii*” versio Latina. 17. Xenophontis “*De tyranno*” libelli versio Latina.

Критический трактат «О правильном переводе» (*De interpretatione recta*) был написан Л. Бруни в 1420 г. под впечатлением от чтения плохих латинских переводов классических древнегреческих текстов Платона и Аристотеля. Проанализировав содержащиеся в латинских версиях древнегреческих произведений ошибки других переводчиков и основываясь на собственном многолетнем опыте переводческой деятельности, Л. Бруни выработал принципы, которыми следует руководствоваться для получения «правильного» перевода: 1) доскональное знание языка оригинала и перевода; 2) точное воспроизведение смысла и стилистических особенностей оригинального текста; 3) сохранение всех содержащихся в оригинальном тексте украшений речи (фигур речи и мысли) и ритмики фразы. Кроме того, хороший переводчик обязан глубоко знать

³ См.: Л. Бруни. О правильном переводе. I. 17.

древнегреческую и латинскую культуру и исторические реалии, а также досконально постичь жизнь и личность античного автора.

С другой стороны, указывает Л. Бруни, следует избегать таких недостатков перевода, как: 1) семантически плохо переведённые слова, причиной чего является дословный перевод слов без учёта их значения в конкретной фразе; 2) невнятные, нелепые и невразумительные эквиваленты слов оригинального текста; 3) извращение стилистических особенностей оригинала и несоблюдение его периодической, плавной речи. Все эти замечания Л. Бруни относятся, как было отмечено выше, исключительно к переводам с древнегреческого языка на латинский; более широких обобщений он не делал.

Трактат Л. Бруни «О правильном переводе» начинает и развивает новый, ренессансный метод перевода «по смыслу» (*ad sententiam*), заменивший средневековый метод перевода «слова словом» (*ad verbum*)⁴, а также предлагает совершенно новый подход к классической литературе⁵. Напомним главную мысль Л. Бруни: в переводе необходимо сохранять не только смысл, но и ритмику и структуру оригинального текста, т.е. литературный стиль первоисточника.

Перевод трактата даётся по изданию: *Maurilio Pérez Gonzalez. Leonardo Bruni y su tratado "De interpretatione recta" / Cuadernos de filología clásica: Estudios latinos*, 8 (1995) 204—232⁶.

De interpretatione recta

Praepatio

1. Cum Asistotelis libros ad Nicomachum scriptos e Graeca lingua in Latinum vertissem, praefationem apposui in qua per multos errores interpretis antiqui disserendo redargui. Has redargutiones meas nonnulli, ut audio, carpunt quasi nimium inclementes. Aiunt enim, etsi errores

⁴ Л. Бруни прямо не формулирует этот вывод, но фактически разделяет концепцию Цицерона и Св. Иеронима о том, что значения последовательностей слов (фразеологизмов) отличаются от значения каждого слова, взятого в отдельности (см.: *Гарбовский Н.К. Теория перевода*. М., 2007. С. 101 сл.).

⁵ *Pérez Gonzalez M. Leonardo Bruni y su tratado "De interpretatione recta" / Cuadernos de filología clásica: Estudios latinos*. 1995. 8. 200. Впрочем, М. Перес Гонсалес замечает, что и до Л. Бруни высказывалась (в частности, ещё в середине XIII в. Роджером Бэконом в третьей части его трактата (*Opus maius* III 82)) мысль о том, что переводчик должен глубоко знать язык оригинала и язык перевода (Op. cit., 201).

⁶ В свою очередь М. Перес Гонсалес пользуется изданием Г. Бэрона: *Baron H. Leonardo Bruni Aretino. Humanistisch-philosophische Schriften mit einer Chronologie seiner Werke und Briefe // Quellen zur Geistesgeschichte des Mittelalters und der Renaissance*. Leipzig, 1928. Vol. 1. S. 81—96 (reimpr. Wiesbaden, 1969).

inerant, tamen illum quantum intellexit bona fide in medium protulisse, nec pro eo reprehensionem mereri sed laudem; consuevisse moderatos disputatores etiam manifesta errata non usque adeo aperire, sed factis potius redarguere quam verbis insectari.

2. Ego autem fateor me paulo vehementiorem in reprehendo fuisse; sed accidit indignatione animi quod, cum viderem eos libros in Graeco plenos elegantiae, plenos suavitatis, plenos inaeestimabilis cuiusdam decoris, dolebam profecto mecum ipse atque angebar tanta traductionis faece coinquinatos ac deturpatos eosdem libros in Latino videre. Ut enim, si pictura quadam ornatissima et amoenissima delectarer ceu Protogenis aut Apellis aut Aglaophontis, deturpari illam graviter ferrem ac pati non possem et in deturpatorem ipsum voce manuque insurgerem, ita hos Aristotelis libros, qui omni pictura nitidiores ornatioresque sunt, coinquinari cernens cruciabar animo ac vehementius commovebar. Si cui ergo vehementiores visi sumus, hanc nos causam noverit permovisse, quae profecto talis est, ut, etsi modum transgressi fuissetus, tamen venia foret nobis haud immerito concedenda.

3. Sed non sumus transgressi modum iudicio nostro, sed quamvis indignantes modestiam tamen humanitatemque servavimus. Sic enim cogita: An ego quicquam in mores illius dixi? An in vitam? An ut perfidum, ut improbum, ut libidinosum illum reprehendi? Nihil profecto horum. Quid igitur in illo reprehendi? Imperitiam solummodo litterarum. Haec autem, per deum immortalem, quae tandem vituperatio est? An non potest quis esse vir bonus, litteras tamen aut nescire penitus aut non magnam illam, quam in isto requiro, peritiam habere? Ego hunc non malum hominem, sed malum interpretem esse dixi. Quod idem fortasse de Platone dicerem, si gubernator navis esse vellet, gubernandi vero peritiam non haberet. Nihil enim de philosophia <ei> detraherem, sed id solummodo carperem, quod imperitus et ineptus gubernator esset.

4. Atque ut tota res ista latius intelligatur, explanabo tibi primo quid de hac interpretandi ratione sentio. Deinde merito reprehensiones a me factas docebo. Tertio me in reprehendendo illius errata doctissimorum hominum morem observasse ostendam.

I

1. Dico igitur omnem interpretationis vim in eo consistere, ut, quod in altera lingua scriptum sit, id in alteram recte traducatur. Recte autem id facere nemo potest qui non multam ac magnam habeat utriusque linguae peritiam, nec id quidem satis. Multi enim ad intelligendum idonei, ad explicandum tamen non idonei sunt. Quemadmodum de pictura multi recte iudicant qui ipsi pingere non valent, et musicam artem multi intelligunt qui ipsi sunt ad canendum inepti.

2. Magna res igitur ac difficilis est interpretatio recta. Primum enim notitia habenda est illius linguae de qua transfers, nec ea parva neque vulgaris, sed magna et trita et accurata et multa ac diuturna philosophorum et oratorum et poetarum et ceterorum scriptorum omnium lectione quaesita. Nemo enim, qui hos omnes non legerit, evolverit, versarit undique atque tenuerit, vim significataque verborum intelligere potest, praesertim cum Aristoteles ipse et Plato summi, ut ita dixerim, magistri litterarum fuerint ac usi sint elegantissimo scribendi genere veterum poetarum et oratorum et historicorum dictis sententiisque referto, et incidant frequenter tropi figuraeque loquendi quae aliud ex verbis, aliud ex consuetudine praeiudicata significant. Qualia sunt apud nos “gero tibi morem” et “desiderati milites” et “boni consules” et “operae pretium fuerit” et “negotium facesso” et milia huiusmodi. Quid enim sit “gerere” et quid “mos”, etiam rudis lector intelligit; quod vero totum significat, aliud est. “Desiderati milites centum”, si verba attendas, aliud, si consuetudinem, “perierunt”. Idem est de ceteris quae supra posuimus, cum aliud verba, aliud sententia verborum significet.

“Deprecor hoc” negationem dicit; rudis autem lector et inexercitatus perinde capiet, quasi illud velit quod deprecatur, etsi interpretandum sit: contrarium mihi dicit, quam littera habeat de qua transfert. “Juventus” et “iuventa” duo sunt, quorum alterum “multitudinem”, alterum “aetatem” significat. “Si mihi foret illa iuventa”, dixit Virgilius; et alibi: “primaev flore iuventus exercebat equos”; et Livius: “armata iuventute excursionem in agrum Romanum fecit”. 5. “Deest” et “abest”: alterum vituperationem, alterum laudem importat; “desse” namque dicimus quae bona sunt, ut oratori vocem, histrioni gestum; “abesse” autem vitia, ut medico imperitiam, caesidico praevaricationem. “Poena” et “malum” affinia videntur; sunt autem longe diversa. Nam “dare poenas” “subire” est ac “perpeti”; “dare” autem “malum” est “alteri inferre”. Contra vero, quid alienius videri potest quam “recipio” et “promitto”? Sunt tamen interdum eadem. Cum enim dicimus “recipio tibi hoc”, nihil aliud significamus quam “promitto”. Possem innumerabilia paene huius generis commemorare, in quibus, qui non plane doctus sit, perfacile aberret. Qui ergo ista non intuitus fuerit, aliud pro alio capiet.

3. Saepe etiam ex uno aut altero verbo totas sententias significamus, ut “actoris Aurunci spoliium”, quod ridicule de speculo poeta dixit, et illud “utinam ne in nemore Pelio”, quod originem causamque mali primaevam ostendit. Haec apud Graecos frequentissima sunt. Nam et Plato multis in locis talia interserit, et Aristoteles crebro his utitur: ut “duo simul euntes”, quod ab Homero sumptum ad vim ac robur amicitiae transfert; et “de surreptitio repulso”, quod ab Achille in oratione ad legatos dictum in *Politicorum* libris expressit; et “de Helenae pulchritudine et gratia”, quod a senioribus Troianorum sapienter dictum transfert ad naturam voluptatis. Latus est hic ad dicendum campus. Nam et Graeca lingua diffusissima est, ac innumerabilia sunt huiusmodi apud

Aristotelem et Platonem de Homero, de Hesiodo, de Pindaro, de Euripide ac de ceteris veteribus poetis scriptoribusque assumpta; et alioquin crebrae interseruntur figurae, ut, nisi quis in multa ac varia lectione omnis generis scriptorum versatus fuerit, perfacile decipiatur ac male capiat quod est transferendum.

4. Sit igitur prima interpretis cura linguam illam de qua sumit peritissime scire, quod sine multiplici et varia ac accurata lectione omnis generis scriptorum numquam assequetur. Deinde linguam eam ad quam traducere vult sic teneat, ut quodammodo in ea dominetur et in sua totam habeat potestate, ut, cum verbum verbo reddendum fuerit, non mendicet illud aut mutuo sumat aut in Graeco relinquat ob ignorantiam Latini sermonis; vim ac naturam verborum subtiliter norit, ne “modicum” pro “parvo”, ne “iuventutem” pro “iuventa”, ne “fortitudinem” pro “robore”, ne “bellum” pro “proelio”, ne “urbem” pro “civitate” dicat. Praeterea inter “diligere” et “amare”, inter “eligere” et “expetere”, inter “cupere” et “optare”, inter “persuadere” et “perorare”, inter “recipere” et “promittere”, inter “expostulare” et “conqueri” et huiusmodi paene infinita quid intersit discernat. Consuetudinis vero figurarumque loquendi quibus optimi scriptores utuntur nequaquam sit ignarus, quos imitetur et ipse scribens, fugiatque et verborum et orationis novitatem praesertim ineptam et barbaram.

5. Haec omnia quae supra diximus necessaria sunt. Et insuper ut habeat auris “severum” iudicium, ne illa quae rotunde ac numerose dicta sunt dissipet ipse quidem atque perturbet. Cum enim in optimo quoque scriptore et praesertim in Platonis Aristotelisque libris et doctrina rerum sit et scribendi ornatus, ille demum probatus erit interpres qui utrumque servabit.

6. Denique interpretis vitia sunt: si aut male capit quod transferendum est, aut male reddit, aut si id, quod apte concinneque dictum sit a primo auctore ipse, ita “convertit”, ut ineptum et inconcinnum et dissipatum efficiatur. Quicumque vero non ita structus est disciplina et litteris, ut haec vitia effugere cuncta possit, is, si interpretari aggreditur, merito carpendus et improbandus est, vel quia homines in varios errores impellit aliud pro alio afferens, vel quia maiestatem primi auctoris imminuit ridiculum absurdumque videri faciens.

7. Dicere autem non vituperationem, sed laudem mereri eum qui quod habuit in medium protulit, nequaquam rectum est in his artibus quae peritiam flagitant. Neque enim poeta, si malos facit versus, laudem meretur, etsi bonos facere conatus est, sed eum reprehendemus atque carpemus, quod ea facere aggressus fuerit quae nesciat. Et statuarium vituperabimus qui statuam deformarit, quamvis non per dolum, sed per ignorantiam id fecerit. Ut enim ii, qui ad exemplum picturae picturam aliam pingunt, figuram et statum et ingressum et totius corporis formam inde assumunt, nec quid ipsi facerent, sed quid alter ille fecerit medi-

tantur, sic in traductionibus interpres quidem optimus sese in primum scribendi auctorem tota mente et animo et voluntate convertet et quodammodo transformabit eiusque orationis figuram, statum, ingressum coloremque et liniamenta cuncta exprimere meditabitur. Ex quo mirabilis quidam resultat effectus.

8. Nam cum singulis fere scriptoribus sua quaedam ac propria sit dicendi figura, ut Ciceroni amplitudo et copia, Sallustio exilitas et brevitatis, Livio granditas quaedam subaspera, bonus quidem interpres in singulis traducendis ita se conformabit, ut singulorum figuram assequatur. Itaque, sive de Cicerone traducet, facere non poterit quin comprehensiones illius magnas quidem et uberes et redundantes simili varietate et copia ad supremum usque ambitum deducat, ac modo properet, modo se colligat; sive de Sallustio transferet, necesse habebit de singulis paene verbis iudicium facere proprietatemque et religionem plurimam sequi atque ob hoc restringi quodammodo atque concidi; sive de Livio traducet, facere non poterit quin illius dicendi figuram imitetur. Rapitur enim interpres vi ipsa in genus dicendi illius de quo transfert, nec aliter servare sensum commode poterit, nisi sese insinuet ac inflectat per illius comprehensiones et ambitus cum verborum proprietate orationisque effigie. Haec est enim optima interpretandi ratio, si figura primae orationis quam optime conservetur, ut neque sensibus verba neque verbis ipsi nitor ornatusque deficiat.

9. Sed cum sit difficilis omnis interpretatio recta propter multa et varia quae in ea, ut supra diximus, requiruntur, difficillimum tamen est illa recte transferre quae a primo auctore scripta sunt numerose atque ornate. In oratione quippe numerosa necesse est per cola et commata et periodos incedere ac, ut apte quadrateque finiat comprehensio, diligentissime observare. In exornationibus quoque ceteris conservandis summa diligentia erit adhibenda. Haec enim omnia nisi servet interpres, prima orationis maiestas omnino deperit et fatiscit. Servari autem sine magno labore magnaue peritia litterarum non possunt. Intelligentiae sunt enim ab interprete huiusmodi, ut ita dixerim, orationis virtutes ac in ea lingua ad quam traducit pariter repraesentandae. Cumque duo sint exornationum genera (unum quo verba, alterum quo sententiae colorantur), utrumque certe difficultatem traductori affert, maiorem tamen verborum quam sententiarum colores, propterea quod saepe huiusmodi exornationes numeris constant, ut cum paria paribus redduntur aut contraria contrariis vel opposita inter se, quae Graeci “antitheta” vocant. Frequenter enim verba Latina vel plus vel minus syllabarum habent quam Graeca, neque par sonus auribus faciliter correspondet. Iacula quoque quae interdum iacit orator ita demum fortiter feriunt, si numeris contorquentur, nam fluxa et decurtata vel inepte cadentia minus confodiunt. Haec igitur omnia diligentissime cognoscenda sunt ab interprete et servatis ad unguem numeris effigenda. Quid dicam de sententiarum exornationibus, quae orationem illustrant plurimum et

admirabilem reddunt? Et tam haec quam superiores frequenter ab optimis scriptoribus adhibentur. An poterit interpretes eas sine flagitio vel ignorare vel praeterire vel non servata illarum maiestate transferre?

10. De quibus omnibus, quo melius ea quae dixi intelligantur, exempla quaedam adscribere libuit, ut conspicuum sit non ab oratoribus modo, verum etiam a philosophis huiusmodi exornationes frequentari et maiestatem orationis totam perire, nisi servata earum figura transferantur.

11. Plato philosophus in eo libro qui dicitur *Phaedrus* ornate sane ac numerose locum quemdam pertractat. Verba illius hic adscripsi paulo altius repetita. Sunt autem haec: «O puer, unicum bene consulere volentibus principium est: intelligere de quo sit consilium vel omnino aberrare necesse. Plerosque vero id fallit, quia nesciunt rei substantiam. Tamquam igitur scientes non declarant in principio disceptationis, procedentes vero, quod par est, consequitur ut nec sibi ipsis neque aliis consentanea loquantur. Tibi igitur et mihi non id accidat quod in aliis damnamus. Sed cum tibi atque mihi disceptatio sit *utrum amanti potius vel non amanti sit in amicitiam eundum*⁷, de amore ipso, quale quid sit et quam habeat vim, diffinitione ex consensu posita, ad hoc respicientes referentesque considerationem faciamus emolumentumne an detrimentum afferat. Quod igitur cupiditas quaedam sit amor, manifestum est. Quod vero etiam qui non amant cupiunt, scimus. Rursus autem, quo amantem a non amante discernamus, intelligere oportet quia in unoquoque nostrum duae sunt ideae dominantes atque ducentes, quas sequimur quacumque ducunt: una *innata nobis voluptatum cupiditas, altera acquisita opinio, affectatrix optimi*. Hae autem in nobis quandoque consentiunt, quandoque *in seditione* atque discordia sunt; et modo haec, modo altera pervincit. Opinione igitur ad id quod sit optimum ratione ducente ac suo robore pervincente, “temperantia” existit; cupiditate vero absque ratione ad voluptates trahente nobisque imperante “libido” vocatur. Libido autem, cum multiforme sit multarumque partium, multas utique appellationes habet. Et harum formarum, quae maxime in aliquo exsuperat, sua illum nuncupatione nominatum reddit, nec ulli ad decus vel ad dignitatem acquiritur. Circa cibos enim *superatrix rationis et aliarum cupiditatum cupiditas* “ingluvies” appellatur, et eum qui hanc habet hac ipsa appellatione nuncupatum reddit. Rursus quae *circo ebrietates tyrannidem exercet* ac eum quem possidet hac ducens patet, quod habebit cognomen? Et alias *harum germanas et germanarum cupiditatum nomina*, semper quae maxime dominantur, quemadmodum appellare deceat, manifestum est. *Cuius autem gratia superiora diximus, fere iam patet. Dictum tamen, quam non dictum, magis patebit. Quae enim sine ratione cupiditas superat opinionem ad recta tendentem rapitque ad*

⁷ Курсивом выделены комментируемые Л. Бруни места.

voluptatem formae et a germanis, quae sub illa sunt circa corporis formam, cupiditatibus roborata pervincit et ducit, ab ipsa insolentia, quod “absque more” fiat, “amor” vocatur».

12. Totus hic locus insigniter admodum luculenterque tractatus est a Platone. Insunt enim et verborum, si ita dixerim, deliciae et sententiarum mirabilis splendor. Et est alioquin tota ad numerum facta oratio. Nam et “in seditione esse animum” et “circa ebrietates tyrannidem exercere” ac cetera huiusmodi translata verba quasi stellae quaedam interpositae orationem illuminant. Et “innata nobis voluptatum cupiditas”, “acquisita vero opinio, affectatrix optimi” per antitheta quaedam dicuntur; opposita siquidem quodammodo sunt “innatum” et “acquisitum», “cupiditasque voluptatum” et “opinio ad recta contendens”. Iam vero quod inquit “huius germanae germanarumque cupiditatum nomina” et “superatrix rationis aliarumque cupiditatum cupiditas” et «utrum amanti potius vel non amanti sit in amicitiam eundum», haec omnia verba inter se festive coniuncta tamquam in pavimento ac emblemate vermiculato summam habent venustatem. Illud praeterea quod inquit “cuius gratia haec diximus, fera iam patet; dictum tamen, quam non dictum, magis patebit”, membra sunt duo paribus intervallis emissa, quae Graeci “cola” appellant. Post haec ambitus subicitur plenus et perfectus: «quae enim sine ratione cupiditas superat opinionem ad recta tendentem rapitque ad voluptatem formae et a germanis, quae sub illa sunt circa corporis formam, cupiditatibus roborata pervincit et ducit, ab ipsa insolentia, quod absque more fiat, amor vocatur”. Videtis in his omnibus sententiarum splendorem ac verborum delicias et orationis numerositatem; quae quidem omnia nisi servet interpres, negari non potest quin detestabile flagitium ab eo committatur.

13. Als zweites Beispiel gibt Bruni ein längeres Zitat aus *Phaedrus* p. 257 A bis C⁸: “Hanc tibi, o dilecte amor, ...palinodiam cecinimus. Ut iam vereri incipiam, ne Lysias... pergat ad hunc tuum alium suum conferre”. “Totus hic locus”, schliesst Bruni, “in Graeco valde insignis et numerosus est et amoenus. Nos autem in Latinum transferentes an servaverimus maiestatem elegantiamque primi auctoris, nescimus. Conati certe sumus illam servare”.

14. Das dritte Beispiel wird Aristoteles entnommen, wobei Bruni die bewundernden Worte vorausschickt: “Quid Aristoteles? An et ipse ornamenta dicendi eodem modo consecatur? Mirifice profecto atque creberrime, ut ego ipse interdum admirari cogar tantam eius rei curam in media subtilissimarum disputationum philosopho adfuisse”. Dann folgt als umfangreiches Aristoteles-Zitat die Übersetzung von *Eth. ad*

⁸ Здесь и в § 14—16 М. Перес Гонсалес все за Г. Бэрном (см. прим. 6) приводит не полные латинские версии Л. Бруни, а лишь его оценки греческого оригинала. Кроме того, М. Перес Гонсалес оставляет немецкий текст самого Г. Бэрона.

Nic 13. X, 8, 7 24: “Esse vero perfectam felicitatem contemplativam quamdam operationem. Et in hominibus ergo illa [operatio] ...erit utique felicissima”. “Ne Demosthenes quidem”, lautet Brunis Urteil, “aut Cicero, qui verborum dicendique artifices existunt, melius hanc exornationem explicassent quam est ab Aristotele explicata”.

15. Als viertes und fünftes Beispiel folgt die Übersetzung von *Eth. Ad Nic.* B. II, 1, 4 25 (“Non ex eo, quia saepe audivimus, ...sensus accepimus. Agendo modesta modesti et fortia fortes efficiuntur”) und von 13. 11, 4, 3-6 26 (in Bekkers Ausgabe Kapitel 3) (“Praeterea nequaquam simile est in artibus et virtutibus. Ut ergo illorum corporibus non bene erit, qui ita curantur, sic nec illorum animis, qui ita philosophantur”). “Videtur in his verbis”, fügt Bruni dem nur hinzu, “elegantiam, varietatem et copiam cum exornationibus tum verborum, tum etiam sententiarum”.

16. Den Beschluss machen ein sechstes und siebentes Beispiel aus Aristoteles’ *Politik*. “In libris vero *Poliricorum*”, leitet Bruni sie ein, “Aristoteles multo crebrior est. Quod enim materia est civilis et eloquentiae capax, nullus fere locus ab eo tractatur sine rhetorico pigmento atque colore, ut interdum etiam festivitatem in verbis oratoriam persequatur. Quale est illud in septimo *Poliricorum* libro [B. VII, 1, 3]: “Videmus homines acquirere... non virtutes externis bonis. Moribus vero intelligentiaque deficient”. Et alio loco [B. VII, 5, 7 (VI, 8), damit schliesst die Reihe der Beispiele] de magistratu qui custodiae reorum praesit sic inquit: “Contingit vero ut boni quidem viri maxime hunc magistratum devitent, pravis autem nequaquam tutum sit illum committere, cum ipsi potius indigeant custodia et carcere quam alios debeant custodire”.

17. Pleni sunt Platonis Aristotelisque libri exornationum huiusmodi ac venustatum, quas longum nimis foret per singula consecrari. Lector certe, si modo eruditus disciplina sit, faciliter ea deprehendet. His vero exemplis abunde patet neminem posse primi auctoris maiestatem servare, nisi ornatum illius numerositatemque conservet. Dissipata namque et inconcinna traductio omnem protinus laudem et gratiam primi auctoris exterminat. Ex quo scelus quodammodo inexpiabile censendum est hominem non plane doctum et elegantem ad transferendum accedere.

II

1. Quoniam illa quae habere oportet interpretem ostendimus ac reprehensiones artificum ex opere ipso, si non recte fecerint, merito nasci docuimus, videamus nunc tandem unum aliquem locum illius interpretationis. Ex eo namque totum genus translationis eius poterimus intelligere et, utrum reprehensionem aut laudem mereatur, iudicare.

2. Aristoteles in libro *Politicorum* quarto (utriusque enim operis idem fuit traductor, nec refert ex illo vel ex hoc exempla sumantur), Aristoteles ergo in libro *Politicorum* quarto docet: “Solere potentes et magnos in civitate homines *simulare interdum quaedam ac dolose praetexere ad multitudinem* populi excludendam a rerum publicarum gubernatione. Esse vero illa in quibus ista simulatione utuntur *quinque numero: contiones, magistratus, iudicia, armaturam, exercitationem*. Poena enim magna constituta adversus divites, nisi contioni intersint, nisi magistratus gerant, nisi in iudicio cognoscant, nisi arma possideant, nisi ad bellicos usus exercentur. Per huiusmodi poenam ad ista facienda divites compellunt; at pauperibus nullam in his rebus poenam constituunt, quasi parcentes eorum tenuitati. Haec enim praetexitur causa, sed re vera hoc agunt, quo illi impunitate permessa a gubernatione rei publicae se disiungant. Poena siquidem remota, nec exercere se ad bellicos usus multitudo curabit nec arma possidere volet, cum liceat per legem impune illis carere”, nec magistratum geret pauper, si id putabit damnosum, cum sit in eius arbitrio gerere vel non gerere. Onus quoque iudicandi saepe vitabit, si nequeat compelli, ac tempus rebus suis libentius impendit quam publicis consiliis. Atque ita fit ut tenuiores quidem homines sub praetextu ac velamento remissionis poenarum sensim ac latenter a re publica excludantur, apud divites autem et opulentos remaneant administratio et arma et peritia proeliandi. Ex quibus potentiores facti quodammodo tenuioribus dominantur».

3. Haec est Aristotelis sententia, quam prolixius explicare volui, quo clarius intelligeretur illius mens. Nunc autem eius verba praeclare et eleganter in Graeco scripta quemadmodum hic interpret in Latinum converterit animadvertite; ex hoc enim modus et forma traductionis qua ubique usus in transferendo est manifestissime deprehenditur. Inquit enim interpret noster hoc modo: “Adhuc autem, quaecumque prolocutionis gratia in politiis sapienter loquuntur ad populum, sunt quinque numero: circa congregationes, circa principatus, circa praetoria, circa armationem, circa exercitias”. Deus immortalis, quis haec intelliget? quis hanc interpretationem ac non potius delirationem ac barbariem vocitabit? Veniant, quaeso, defensores huius interpretis et istos, si possunt, defendant errores vel desinant mihi irasci, si illum reprehendi. Primum enim, quod inquit “prolocutionis gratia sapienter loquuntur ad populum”, quid est, quaeso, “prolocutionis gratia loqui”? Si enim loquuntur homines ad populum sapienter gratia prolocutionis, magnum profecto aliquid debet esse “prolocutio”. Doce me ergo quid tandem sit. Nam ego id verbum numquam audivi hactenus neque legi nec quid importet intelligo. Si in extrema barbarie id verbum in usu est, doce me quid apud barbaros significet “prolocutionis gratia loqui”. Nam ego Latinus istam barbariem tuam non intelligo. Si “prolocutio” est ut “prologus” et “prooemium”, congruere non potest; non enim loquuntur

homines ad populum gratia prooemii vel prologi, sed prooemium et prologus adhibetur gratia locutionis. Quodsi forsitan dicere vis “prolocutionis gratia”, idest “gratia deceptionis et simulationis”, quondam tandem malum est haec tam dura inusitataque locutio tua, ut “simulationem” appelles “prolocutionem” et “dolose confingere” interpreteris “sapienter loqui”? Haec enim omnia sunt absurdissima. Atqui quod inquit “sapienter loquuntur”, in Graeco non est “loquuntur”, sed id verbum ex se ipso interpretis adiunxit. Deinde quod inquit “sapienter”, male capit; “sophisma” enim non “sapientiam”, sed “deceptionem et cavillationem” significat. Itaque partim adiungit ipse de suo, partim male capit ex Graeco, partim male reddit in Latino, cum “prolocutionis gratia” dixerit quod dicendum fuit “sub praetextu aliquo et simulatione”. Praetextitur enim causa et dolose confingitur, cum aliud agitur, aliud simulatur. Agitur enim re vera ut tenuiores excludantur a rei publicae gubernatione, simulatur vero pro eorum commodis illa fieri propter quae excluduntur.

4. Quod autem postea subicit “circa congregationem”, absurdissimum est; verbum enim Graecum “contionem” significat, non “congregationem”. Differunt autem plurimum inter se. Nam “congregatio” est etiam bestiarum, unde “gregem” dicimus; “contio” autem proprie est multitudo populi ad decernendum de re publica convocata, et ita verbum in Graeco significat. Itaque non recte transtulit, cum aliud pro alio posuerit nec vim servaverit Graeci verbi. Sed hoc veniale peccatum est.

5. Ast illud nequaquam venia dignum, quod subicit “circa praetoria”; quod enim “praetoria” inquit, “iudicia” debuit dicere. “Iudicium” enim “furti” dicimus, non “praetorium furti”, et “res iudicata”, non “praetoriata”, et “probationes in iudicio factas” et “iudicium de dolo malo”. Denique “dicastis” Graece, Latine “iudex”; “dicastirion” Graece, Latine “iudicium”. Hoc est verbum e verbo. Iste vero delirat et ea nescit quae pueri etiam sciunt.

6. “Circa principatus” inquit. Haec est alia absurditas; debuit enim “magistratus” dicere. Nam principatus est imperatoris vel regis; praetores vero et consules et tribunos plebis et aediles curules et praefectos annonae et alios huiusmodi numquam diceremus “principatum habere”, sed “magistratum gerere”. Est enim magistratus potestas uni vel pluribus hominibus a populo vel a principe commissa, principatus autem est maior quaedam supereminetia, cui ceterae omnes potestates parent. Sic Octavianum et Claudium et Vespasianum principes fuisse dicimus, Senecam vero, qui consul fuit temporibus Neronis, nemo principem appellasset. Erat enim tunc Nero “princeps”, non Seneca; neque consulatus Senecae “principatus” erat, sed “magistratus”; neque imperium Neronis “magistratus” diceretur, sed “principatus”. Haec sunt luce clariora. Nec quisquam Latinorum qui litteras noverit huiusmodi officia et potestates civibus commissa “principatus” vocavit. Dicimus

etiam “principem” per translationem, ut “princeps senatus”, idest primarius homo in senatu, “princeps iuventutis”, qui inter adolescentes fama et honore primarius habetur. Hae est consuetudo Latini sermonis. Hic autem interpres noster in aliis forsitan non indoctus erat; literarum certe penitus fuit ignarus.

7. Deinde subicit “circa armationem”, “circa exercitia”. Haec etiam duo puerilia sunt; armationem” enim non satis usitate dicimus; “exercitia” vero cuncta penitus opera sine ulla distinctione important. Aristoteles autem hoc ita ponit, ut exercitationes corporum ad bellicos usus designet.

8. Post haec resumens quae prius enumeraverat, in hunc modum verba subicit: “Circa congregationem quidem: licere omnibus congregationi interesse, *damnum autem imponi divitibus, si non intersint congregationi*, vel solis vel multo maius. Circa principatus autem: *habentibus quidem honorabilitatem non licere abiurare*, egenis autem licere. Circa praetoria vero: *divitibus quidem esse damnum, si non discutiant*, egenis autem licentiam, vel his quidem magnum damnum, his autem parvum. Eodem modo et de possidendo arma et de exercitari leges ferunt: egenis quidem licet non possidere, divitibus autem damnosum non possidentibus. Et si non exercentur, his quidem nullum damnum, divitibus autem damnosum, ut hi quidem propter damnum participant, hi autem propter non timere non participant. *Haec quidem igitur sunt oligarchica sophistica legislationis*. O Aristotehis elegantiam, qui tanto studio de arte rhetorica scripsit, qui tanto splendore tantoque ornatu libros suos refersit! Istante tam balbutientia, tam absurda, tam muta in Latino illi redduntur, ut “prolocutiones”, ut “honorabilitates”, ut “propter non discuti” et “propter non scribi”, ut “oligarchica sophistica legislationis” et huiusmodi portenta verborum dicantur, quae vix in pueris primas discentibus litteras tolerabilia forent?

9. Sed missas faciamus querelas et in illa ineptitudine loquendi errors insuper videamus. Quod inquit “damnum imponi divitibus, si non intersint congregationi”, non “damnum”, sed “poenam” dicendum fuit. Licet enim damnatio poenam importet, tamen aliud est “damnum”, aliud “poena”. Nam damnum et fures afferunt et aves et quadrupedes, poena vero a lege imponitur, si contra quis faciat quam iussit. Nec etiam “congregationi” dicendum fuit, sed “contioni”.

10. Quod vero postea subicit “habentibus honorabilitatem non licere abiurare principatus, tria hic sunt (“honorabilitas” et “principatus” et “abiurare”), quorum singula vitiose sunt posita. De “principatu” ostensum est supra evidentissimis probationibus non “principatus”, sed “magistratus” esse dicendum. Nunc autem de “honorabilitate” et “abiuratione” videamus. Quaero igitur quid velit dicere “honorabilitatem habentibus non licere abiurare”. Utrum, si sint personae honorabiles ceu equites et nobiles, abiurare non possunt, mercatores autem et populares

possunt, licet ditiores sint equitibus et nobiles? Vel quomodo se haec habent? Nam si ad honorem lex respicit, non ad divitias, nobiles etiam, si sint egeni, magistratus gerere compellentur, ignobiles vero, quamvis sint ditissimi, renuntiare poterunt. Nam licet divites sint, non habent honorabilitatem. Vel dicemus pauperem quidem habere honorabilitatem, si bonus sit, divitem autem, si sit improbus, non habere? Atqui honorabilem esse constat bonum virum, quamvis sit pauper, vituperabilem autem malum, quamvis sit dives. Qui vero honorabilis est, eum honorabilitatem habere negari non potest. Quod si haec ita sunt, cur inquit “habentibus honorabilitatem non licere, egenis autem licere”, quasi contrarii sint honorabiles et egeni?

11. Quid ad haec respondebit interpret noster? Nihil profecto quod rectum sit. Nam dato uno inconveniente plura sequuntur. Interpret enim noster propter ignorantiam linguae “honorabilitatem” dixit quod “censum” dicere debebat. Est autem census valor patrimonii, quem iste stulto et imperito el inusitato vocabulo “honorabilitatem” nuncupavit. Ex hoc autem verbo, quod inconvenienter ab “honore” traxit, mille, ut ita dixerim, inconvenientia sequerentur. Sed non “honorabilitas” dicendum fuit, sed “census”; hoc est enim conveniens nomen et Graeco proprie correspondens, “honorabilitas” autem inconveniens ac penitus alienum. Civitates enim Graecorum ferme omnes censu moderabantur. Romae quoque census fuit a Servio Tullio rege constitutus. Divisit enim civitatem non secundum regiones, sed secundum censum, faciens unum corpus eorum civium qui habebant censum supra centum milia aeris, aliud corpus habentium censum a centum milibus ad septuaginta quinque, tertium eorum qui habebant censum a septuaginta quinque milibus ad quinquaginta, et ita descendens usque ad quinque milia pervenit. Infra eum numerum sine censu reliquit, quasi tenues et impotentes. Ex censu autem, quae domi et militiae subeunda forent onera, constituit. Qui vero patrimonia vel minuuntur vel augentur, de quinquennio in quinquennium recenseri constituit. Id quinquennium “lustrum” appellarunt; magistratus vero qui censui praeesent “censores” dicti sunt. Apud Graecos vero censores dicuntur “timitae” et census “timima” vocatur. Sed bonus ille interpret ista non legerat. Verum pro “censum” “honorabilitatem” somniavit, novum faciens verbum a se ipso quod nemo ante posuerat.

12. Quod autem inquit “licere abiurare magistratum”, dubito nec verbum “abiurare” non recte sit positum; praepositio enim ad verbum “duro” addita “falsum iuramentum” significare videtur, ut “periurare”, “deierare”, “abiurare”. Sallustius de Sempronia “creditum abiuraverat”; caedis conscia fuerat. “Abiurare creditum” est falso iuramento se a pecunia credita defendere. Itaque “abiurare magistratum” esset falso iuramento magistratum negare, quod non cadit in praesenti sententia.

13. Illud autem quod subdit circa praetoria (“divitibus esse damnum, si non discutiant, egenis vero licentiam”), satis ostendimus supra: non “praetoria”, sed “indicia”, neque “damnum”, sed “poenam” esse dicendum. In quibus adeo turpis est error, ut pueros etiam qui primas discunt litteras pudere deberet tantae ignorantiae ac ruditatis. Deinde, quod inquit “si non disculant” imperitissimum est. Nam et iudices parum diligentes interdum non “discutiunt” ea de quibus “iudicant”. Hoc autem pauperi non premititur, ut “iudex” sit et non “discutiat”, sed excusare se potest ab onere iudicandi.

14. Sequitur deinde cetera barbaries usque ad praeclaram illam conclusionem, cum inquit “haec quidem igitur sunt oligarchica sophistica legislationis”. Quae dum lego, partim ingemisco, partim rideo. Ingemisco enim elegantiam illorum librorum in tantam barbariem fuisse conversam; rideo vero, quod verba illius conclusionis tamquam medicinalia quaedam mihi videntur. Perinde est enim dicere “oligarchica sophistica legislationis” ac si quis dicat “aromatica styptica primae decoctionis”. O me simplicem! qui cola et commata et periodos et dicendi figuras ac verborum sententiarumque ornamenta servari postulem ab huiusmodi hominibus, qui nedum ista non sentiunt, sed ne primas quidem litteras lenere videantur: tanta sunt ignorantia ruditaeque loquendi.

15. Quid de verbis in Gracco relictis dicam, quae tam multa sunt, ut semigraeca quaedam eius interpretatio videatur? Atqui nihil Graece dictum est quod Latine dici non possit. Et tamen dabo veniam in quibusdam paucis admodum peregrinis et reconditis, si nequeant commode in Latinum traduci. Enimvero, quorum optima habemus vocabula, ea in Graeco relinquere ignorantissimum est. Quid enim tu mihi “politiam” relinquis in Graeco, cum possis et debeas Latino verbo “rem publicam” dicere? Cur tu mihi “oligarchiam” et “democratiam” et “aristocratiam” mille locis incutcas et aures legentium insuasissimis ignotissimisque nominibus offendis, cum illorum omnium optima et usitatissima vocabula in Latino habeamus? Latini enim nostri “paucorum potentiam” et “popularem statum” et “optimorum gubernationem” dixerunt. Utrum igitur hoc modo Latine praestat dicere an verba illa, ut iacent, in Graeco relinquere? “Epiikia” est iustitiae pars quam nostri iurisconsulti “ex bono et aequo” appellant. “Ius scriptum sic habet, inquit iurisconsultus, “debet tamen ex bono et aequo sic intelligi, et aliud ex rigore iuris, aliud ex aequitate”. Et alibi inquit: “Ius est ars boni et aequi”. Cur tu ergo “epiikiam” relinquis in Graeco, verbum mihi ignotum, cum possis dicere “ex bono et aequo”, ut dicunt iurisconsulti nostri? Hoc non est interpretari, sed confundere, nec lucem rebus, sed caliginem adhibere.

16. Quid dicam de suavitate ac rotunditate orationis, qua quidem in re plurimum laborasse Aristoteles in Gracco videtur? Hic autem interpres ita dissipatus delumbatusque est, ut miserandum videatur

tantam confusionem intueri. Taedet me plura referre. Est enim plena interpretatio eius talium ac maiorum absurditatum et delirationum, per quas omnis intellectus et claritas illorum librorum miserabiliter transformatur fiuntque ii libri ex suavibus asperi, ex formosis deformes, ex elegantibus intricati, ex sonoris absoni et pro palaestra el oleo lacrimabilem suscipiunt rusticitatem, ut, si quis apud inferos sensus sit rerum nostrarum, indignetur et doleat Aristoteles libros suos ab imperitis hominibus ita lacerari, ac suos esse neget quos isti transtulerunt, ac suum illis nomen inscribi molestissime ferat. Haec igitur ego tunc reprehendi et nunc etiam reprehendo.

III

1. Quod autem non alienae sint reprehensiones meae a consuetudine doctissimorum hominum, et Hieronymus et M. Cicero probant. Quorum reprehensiones si in similibus legantur, videbuntur meae tanto clementiores esse quanto aures nostrae ad huiusmodi corruptiones propter saeculi ignorantiam quodammodo iam occalluerunt. Illis vero tamquam monstra et inaudita prodigia viderentur.

О правильном переводе

Вступление

1. Когда я перевёл с греческого языка на латынь обращённые к Никомаху книги Аристотеля⁹, я предварил их вступлением, в котором наглядно показал и подробно проанализировал многочисленные ошибки, допущенные древним переводчиком¹⁰. Эти мои замечания, как я вижу, вызывают осуждение со стороны ряда людей как слишком резкие. Так, они утверждают, что даже если в его переводе и были допущены ошибки, он всё же добросовестно, насколько смог понять, [благодаря своему переводу] сделал книги Аристотеля общедоступными, и одно это заставляет его не ругать, а хвалить; что критики обычно ведут себя сдержанно и даже явные ошибки не изобличают с такой яростью и не ругают переводчиков попусту, а просто исправляют их огрехи.

⁹ *Аристотель* (IV в. до н.э.) — знаменитый древнегреческий философ и учёный, автор многочисленных глубоких и оригинальных трудов по логике, философии, политике, риторике, экономике, физике и естествознанию. Из трёх сочинений по этике — анализируемой Л. Бруни «Никомаховой этики» в десяти книгах, «Евдемовой этики» в семи книгах и «Большой этики» в двух книгах — Аристотелю безусловно принадлежит лишь первая, написанная в 336—322 гг. до н.э.

¹⁰ См. о нём: *Franceschini E.* Leonardo Bruni e il “vetus interpres” dell’*Etica Nicomachea* di Aristotele / *Medioevo e Rinascimento* (Studi in onore di B. Nardi). Florencia, 1955. P. 300—319.

2. Что ж, признаю, что отчасти я был слишком резок в осуждении допущенных ошибок. Но ведь это случилось потому, что в то время как на греческом языке эти книги представляли передо мной полными изящества, полными красоты, полными какой-то невыразимой прелести, те же самые книги, столь негодно переведённые на латинский язык, я вижу исковерканными и изуродованными: это поистине вызывало в моём сердце чувство ужаса и скорби.

В самом деле, если бы я восхищался некоей во всех отношениях прекрасной и выдающейся картиной — Протогена ли, Апеллеса или Аглафонта¹¹, — я бы с трудом сдерживался, видя, как её пытаются изуродовать; я не мог бы терпеть этого и противился бы подобному изуверству и словом, и делом. Точно так же, видя, как искажаются эти вот сочинения Аристотеля, которые изысканнее и прекраснее любой картины, я испытывал сильнейшую душевную муку. И если мы¹² показались кому-то слишком резкими, то пусть он знает, что мы вышли из себя именно по этой причине и что даже если мы слишком увлеклись, нас всё же следовало бы извинить.

3. А впрочем, на наш взгляд, мы не перешли меры и хотя и были рассержены, всё же проявили сдержанность и чувство такта. В самом деле, рассуди сам, подверг ли я хоть какому-то порицанию его взгляды? Или его образ жизни? А может, я осудил его как человека хорошего лишь с виду, или как бессовестного, или как распутного? Да нет же, ничего подобного я не говорил. Так в чём же я его обвинил? Только в недостатке образованности. Да что же это за, богом бессмертным клянусь, упрёк такой? Неужели не может быть того, чтобы человек был честен, но одновременно или не глубоко образован, или не обладал теми навыками, которые я ищу в нём? Я сказал не о том, что он плохой человек, а о том, что он плохой переводчик.

Пожалуй, то же самое я мог бы сказать о Платоне, если бы тот хотел быть кормчим на корабле, не обладая при этом навыками управления кораблём. Ведь я вовсе не умалял бы его познаний в философии, а порицал бы единственно за то, что он является неумелым и никчёмным кормчим.

4. И чтобы глубже разобраться во всём этом, я, во-первых, объясню тебе¹³, что я думаю о рассматриваемом способе перевода. Во-вторых, объясню, что сделанные мною замечания справедливы. В-третьих, покажу, что, осуждая погрешности его перевода, сам я строю следовал предписаниям учёнейших мужей.

¹¹ Л. Бруни упоминает знаменитых древнегреческих живописцев *Аглафонта* (V в. до н.э.), *Протагена* (IV в. до н.э.) и самого известного из них — *Апеллеса* (вторая половина IV в. до н.э.), достигшего совершенства в использовании светотени и графической перспективы.

¹² Л. Бруни употребляет по отношению к себе то местоимение «я», то — «мы».

¹³ Трактат Л. Бруни посвящён канцлеру Сиены Антонио ди Берто.

1. Итак, я утверждаю, что вся суть перевода заключается в том, чтобы написанное на одном языке совершенно точно передать средствами другого языка. С другой стороны, сделать это надлежащим образом может лишь тот, кто обладает глубокими и совершенными знаниями и того, и другого языка, да и этого недостаточно. Ведь многие люди, способные понять чужой язык, в то же время не обладают способностями к переводу. Точно так же многие из тех, кто верно оценивает произведение живописи, сами рисовать не умеют; и музыкальное искусство доступно пониманию многих людей, в то время как сами они играть на музыкальных инструментах не способны.

2. Итак, правильный перевод — дело долгое и тяжёлое. Ибо прежде всего необходимо знание того языка, с которого переводишь, причём знание не поверхностное и заурядное, а приобретённое разнообразным, изнурительным, вдумчивым, усердным и многолетним чтением произведений самых разных философов, ораторов, поэтов и других сочинителей. Ибо тот, кто всех их не прочёл, не обдумал, всесторонне не изучил и не постиг, не в состоянии понять подлинное значение слов, тем более что и сам Аристотель, и Платон¹⁴ были непревзойдёнными, так сказать, кладями учёности. Их полные изыщества сочинения изобилуют мыслями и высказываниями древних поэтов, ораторов и историков, а саму ткань их повествования пронизывают тропы и риторические фигуры, которые выражают одно дословно, другое же — в соответствии с уже устоявшейся языковой нормой.

К таковым относятся наши выражения “*gego tibi morem*” (*повинуюсь тебе*), “*desiderati milites*” (*потерянные воины*), “*boni consules*” (*честные консулы*), “*operae pretium fuerit*” (*дело стоило усилий*), “*negotium facesso*” (*доставляю хлопоты*) и множество им подобных. Ведь значение слов *gegere* (*носить*) и *mos* (*нрав/обычай*) понятно даже невежественному читателю, а вот соединение этих слов в один фразеологизм (*morem gegere*) означает нечто совсем иное (*снисходить, соизволять*). “*Desiderati centum milites*” означает одно,

¹⁴ Платон (V—IV вв. до н.э.) — выдающийся древнегреческий мыслитель, ученик Сократа, родоначальник объективного идеализма, автор двенадцати книг о законах и множества так называемых «диалогов», в которых он разрабатывал самые разные философские проблемы. Л. Бруни анализирует отрывки из диалога «Федр», написанного с целью показать, что Исократ как оратор является фигурой более достойной, чем Лисий и Антипатр. В диалоге содержатся фактически три пародийные речи: «о предпочтительности невлюблённого поклонника, о вредности влюблённого поклонника и похвала безумию (или о предпочтительности божественного безумия перед человеческим здравомыслием)» (Шичалин Ю.А. Два варианта Платоновского «Федра». Цит. по: Платон. Федр. / Пер. А.Н. Егунова. Ред. Ю.А. Шичалина. М., 1989, с. XXIII).

если смотришь на буквальное значение каждого слова (*потеряно сто воинов*); если же передавать слово “desiderati” в общепринятом значении, то оно означает «погибли». То же относится и к прочим выражениям, приведённым нами выше, поскольку слова значат одно, а сочетания слов — другое.

Выражение “deprecor hoc” имеет отрицательный смысл «умоляю избавить от этого», в то время как необразованный и неопытный читатель поймёт его таким образом, будто я хочу получить то, от чего прошу избавить. Впрочем, это выражение нуждается в пояснении: оно будет означать противоположное тому значению слова, которое имеется в языке и с которого делается перевод¹⁵. “Iuventus” и “iuventa” — из этих двух понятий первое означает множество (*молодёжь, юношество*), а второе — возраст (*молодость, юность*). “Si mihi foret illa iuventa”¹⁶ (*если б... и я... полагался на юные силы*), — говорит Вергилий¹⁷; и в другом месте: “primavera flore iuventus exercebat equos” (*юноши в первом расцвете гнали резвых коней*)¹⁸; также и у Ливия: “armata iuventute excursionem in agrum Romanum fecit” (*вооружив молодых людей, он совершил набег на римские владения*)¹⁹.

“Deest” и “abest”: первое слово предполагает, что далее будет высказано порицание, второе — что хвала. В самом деле, мы говорим “deesse” (*недостаёт, не хватает*) о нехватке какого-то положительного качества, например силы голоса у оратора или выразительной жестикуляции у актёра; “abesse” же (*отсутствует, недостаёт*) употребляется, если речь идёт о наличии какого-нибудь существенного недостатка, как то: невежественности у лекаря, двурушничества у стряпчего. “Roena” и “malum” кажутся понятиями близкими, но в действительности смысл их совершенно различен. Ведь “dare roenas” означает “subire” (*претерпевать*) и “perpeti” (*твёрдо переносить*), а “dare malum — alteri inferre” (*причинять вред, наносить ущерб*). С другой стороны, что может казаться более несхожим, чем глаголы “resipio” (*отпускаю*) и “promitto” (*обещаю*)? Однако в ряде случаев они имеют одинаковое значение: ведь когда мы говорим “resipio tibi hoc” (досл.: *я отпускаю это для тебя*), мы имеем в виду именно “promitto”.

¹⁵ Имеется в виду перевод с древнегреческого языка.

¹⁶ В оригинале iuventas, а не iuventa, видимо, Л. Бруни цитирует этот отрывок по памяти.

¹⁷ Vergilius. Aen. 5. 397—398 (пер. С. Ошерова. Цит. по: Публий Вергилий Марон. Буколики. Георгики. Энеида / Пер. с лат. М., 1971. С. 207).

¹⁸ Vergilius. Aen. 7. 162—163 (пер. С. Ошерова. С. 246).

¹⁹ У Ливия нет ни одного предложения, в котором присутствовали бы сразу четыре этих слова (iuventus, excursio, ager Romanus). Видимо, Л. Бруни неточно цитирует Ливия по памяти.

Я мог бы приводить бесчисленное множество примеров подобного рода, в которых очень легко запутался бы недостаточно образованный читатель. Короче, тот, кто не будет обращать на подобные вещи самого пристального внимания, будет принимать одно за другое.

3. В самом деле, часто мы одним-двумя словами намекаем на смысл целой фразы. Например, слова “*Actoris Aurunci spoliū*”²⁰ поэт иронично употребил, говоря о зеркале²¹, а при помощи знаменитых слов “*utinam ne in nemore Pelio*” (*О, если бы не пали на землю срубленные топорами в роще Пелия еловые деревья*)²² наглядно показано происхождение и первопричина зла²³. Ведь и у Платона во многих местах встречаются подобные приёмы, и Аристотель часто ими пользуется. Например, “*duo simul euntes*”: этим заимствованным у Гомера выражением²⁴ он указывает на силу и прочность дружеских связей²⁵; “*de surreptitio repulso*”: эти слова, произнесённые Ахиллом в речи, обращённой к послам, Аристотель воспроизвёл в своих книгах «*Политики*»²⁶; и “*de Helenae pulchritudine et gratia*”²⁷: этими мудрыми словами троянских старцев он обозначает природу наслаждения²⁸. Говорить об этом можно бесконечно, поскольку греческий язык чрезвычайно богат, и заимствования из Гомера, Гесиода, Пиндара, Еврипида и из других древних поэтов и

²⁰ *Vergilius. Aen.* 12. 94: «*Пику он эту добыл у аврунка Актора в битве...*» (пер. С. Ошерова, с. 349).

²¹ Л. Бруни имеет в виду сатиру Ювенала (*Juv.* 2.100), в которой тот использует слова Вергилия: «*Зеркало держит иной... Будто добычу с аврунка Актора*» (пер. Д.С. Недовича и Ф.А. Петровского. Цит. по: *Ювенал. Сатиры.* Вступ. статья А.И. Белецкого. М., 1937. С. 10).

²² Полужирным курсивом выделены цитируемые Л. Бруни слова.

²³ Эту строку из Энния использует автор так называемой «*Риторике к Герению*» (*Rhet. Her.* II 34).

²⁴ *Homero.* II. 10. 224.

²⁵ *Aristoteles. Eth. Nic.* VIII 1 (1155a): «*Друзья нужны молодым, чтобы избежать ошибок, и старикам... а в расцвете лет они нужны для прекрасных поступков «двум совокупно идущим»*» (пер. Н. Гнедича. Цит. по: *Гомер. Илиада. Одиссея.* М., 1967. С. 172), *ибо вместе люди способнее и к пониманию, и к действию*» (пер. Н.В. Брагинской. Цит. по: *Аристотель.* Соч.: В 4 т. Т. 4. М., 1983. С. 219).

²⁶ *Aristoteles. Pol.* III 3.6 (1278a): «*...ясно также и то, что гражданином по преимуществу является тот, кто обладает совокупностью гражданских прав; и у Гомера сказано: «Как будто бы был я скиталец презренный»*» (*Нотего.* II. 9. 648 / Пер. Н. Гнедича. С. 164). Текст Аристотеля пер. С.А. Жебелев. *Там же*, с. 454.

²⁷ *Homero.* II. 3. 156—160: «*Нет, осуждать невозможно, что Трои сыны и ахейцы / Брань за такую жену и беды столь долгие терпят: / Истинно, вечным богиням она красотой подобна! / Но, и столько прекрасная, пусть удалится в Элладу...*» (пер. Н. Гнедича, с. 65).

²⁸ *Aristoteles. Eth. Nic.* II 9.6 (1109b): «*Больше всего надо остерегаться удовольствия и того, что его доставляет, потому что об этих вещах мы судим крайне пристрастно. А значит, именно то, что испытали к Елене старейшины [троянского] народа, и нам надо испытать к удовольствию*» (пер. Н.В. Брагинской, с. 93).

писателей в сочинениях Аристотеля и Платона бесчисленны. Кроме того, Аристотель и Платон часто используют «фигуры», так что если человек не начитан глубоко и разносторонне, он очень легко может быть введён в заблуждение и не понять того, что ему предстоит перевести.

4. Итак, да будет первой заботой переводчика знание того языка, с которого он переводит; достичь же этого совершенно невозможно без многократного, разностороннего и обстоятельного чтения самых разных писателей. Во-вторых, пусть он вполне овладеет тем языком, на который собирается переводить, чтобы в известной мере им повелевать и держать в полной своей власти, и когда потребует заменить греческое слово латинским, не вымаливать его как подаяние, или одалживать, или же оставлять греческий термин без перевода из-за незнания его латинского эквивалента.

Пусть он глубоко вникнет в истинный смысл слов, чтобы не употреблять “modicus” (*небольшой по количеству*) вместо “parvus” (*небольшой по размеру*), “iuventus” (*молодёжь*) вместо “iuventa” (*молодость*), “fortitudo” (*твёрдость, храбрость*) вместо “robur” (*твёрдость, выдержка*), “bellum” (*война*) вместо “proelium” (*сражение*), “urbs” (*окружённый стенами город*) вместо “civitas” (*гражданская община*). А также пусть он знает разницу между словами “diligere” (*любить, почитать*) и “amare” (*любить, испытывать чувство любви*), между “eligere” (*выбирать, делать выбор*) и “expetere” (*выбирать, стремиться к чему-либо*), между “cupere” (*сильно желать, жаждать*) и “optare” (*желать, стремиться к чему-либо*), между “persuadere” (*убеждать, советовать*) и “perorare” (*говорить обстоятельно или в заключение*), между “resipere” (*отпускать, завладевать*) и “promittere” (*отпускать, предлагать*), между “expostulare” (*требовать, жаловаться*) и “conqueri” (*жаловаться, сетовать*) и практически бесконечным количеством слов такого типа. С другой стороны, он должен прекрасно знать общепринятую манеру изъясняться и фигуры речи, используемые первоклассными писателями, стиль которых он будет воспроизводить; он должен избегать употребления необычных слов и выражений, особенно если они нетипичны для языка перевода или являются варваризмами.

5. Всё то, о чём мы сказали выше, переводчику знать необходимо. Кроме того, необходимо, чтобы он обладал «тонким» слухом и вкусом, дабы самому никоим образом не испортить и не исковеркать того, что на языке оригинала звучало изящно и ритмично²⁹. Ибо, поскольку в произведениях всех выдающихся писателей — особенно это относится к сочинениям Платона и Аристотеля — присутствуют и учёные рассуждения о сущем, и отменный литературный стиль, будет цениться только тот переводчик, который передаст оба этих достоинства.

²⁹ Ср.: Ciceron. Orat. 162 sq.

6. Что же касается недостатков переводчика, то они таковы: если он плохо понимает то, что должен переводить; или делает плохой перевод; или если то, что в оригинале было написано хорошим и изящным слогом, он перелагает таким образом, что это становится нелепым, нескладным и бессвязным. Если же кто-то не владеет научными знаниями и не знаком с литературой в такой степени, чтобы быть в состоянии избежать всех вышперечисленных недостатков, то он вполне заслуженно должен быть подвергнут осуждению и порицанию, поскольку или вводит людей в разного рода заблуждения, извращая смысл сказанного, или умаляет достоинства первоначального текста, который становится жалким и нелепым.

7. Однако если речь идёт о занятиях, требующих больших знаний, совершенно неправильно говорить, будто достоин похвалы, а не порицания тот, кто делает достоянием гласности всё, что узнал. Ведь и поэт, сложивший нескладные вирши, не заслуживает похвалы, хотя он и попытался сочинить прекрасные стихи: напротив, мы будем его нещадно бранить, поскольку он взялся за то, чего делать не умеет. Мы будем ругать и скульптора, который сделал уродливую статую, хотя и не умышленно, а по неумению. Ведь как художники, которые пишут картину с чужого образца, копируют внешность, позу, движение и очертания изображённой на ней фигуры, размышляя не над тем, как создать собственное произведение, а вникая в то, что создано другим, точно так же и каждый опытный переводчик всей своей душой, всеми помыслами, всеми силами ума устремляется к оригинальному тексту и как бы переплавляет его форму, его настроение, особенности его стиля, стремясь к тому, чтобы в итоге получился перевод, полностью передающий особенности оригинала. Только таким образом достигается вполне удовлетворительный результат.

8. Ведь поскольку практически каждый писатель обладает собственным неповторимым стилем, — так, например, мы говорим о пышной и мощной речи Цицерона, о сухом и сжатом слоге Саллюстия, о некой суровой торжественности языка Ливия³⁰, — лю-

³⁰ *Марк Туллий Цицерон* (I в. до н.э.) — знаменитый римский оратор, политический деятель и писатель. Был приверженцем так называемого «азиатского» стиля красноречия, изобилующего риторическими тропами и фигурами; создатель классической латинской художественной прозы, считавшейся в последующие века образцовой. *Гай Саллюстий Крисп* (I в. до н.э.) — римский историк и политический деятель. Приверженец «аттического» стиля красноречия, для которого характерны краткость и чеканность речи. Язык его произведений очень богат и нарочито архаичен. Саллюстий оказал огромное влияние на писателей Средневековья и Нового времени. *Тит Ливий* (I в. до н.э. — I в. н.э.) — крупнейший римский историк, автор знаменитой «Истории Рима от основания города». Для его произведений характерен эпический, временами возвышенный строй речи; в целом Ливий подражал Цицероновой манере речи.

бой опытный переводчик, переводя того или иного автора, стремится воспроизвести особенности его речи. Поэтому, когда он будет переводить из Цицерона, он не сможет не передать и малейшей детали его периодов, хотя и больших, и многочисленных, и слишком пышных, используя то же богатство и разнообразие языка. Когда он будет переводить из Саллюстия, ему придётся тщательно обдумывать почти каждое слово, очень точно воспроизводить малейшие нюансы и потому в известной мере себя ограничивать и останавливать. Когда он будет переводить из Ливия, он не сможет не подражать его манере речи. Ведь переводчика захватывает сила литературного мастерства того, кого он переводит; более того, он не сможет передать точный смысл, если не вникнет в него и не будет следовать за фразами и периодами вместе с особым значением слов и особенностями стиля оригинала. Итак, наивысшая ценность перевода заключается в том, чтобы максимально сохранить стиль исходного текста, так чтобы слова, с одной стороны, не потеряли смысла, а с другой — не лишились своего блеска и красоты.

9. Однако, хотя сделать правильный перевод всегда трудно, поскольку приходится учитывать множество разнообразных, о чём было сказано выше, нюансов, всё же труднее всего надлежащим образом переводить текст, написанный первоначальным автором ритмично и с использованием украшений речи. Ибо в ритмической речи необходимо — при помощи отдельных частей фразы и целых периодов — выстраивать сами периоды и самым внимательным образом следить за тем, чтобы они завершались складно и ритмично³¹. Точно так же необходимо прикладывать огромные усилия, чтобы передать и другие украшения речи. Ведь если переводчик не сохранит всего этого, великолепие подлинника пропадёт безвозвратно. С другой стороны, сохранить всё это невозможно без огромного труда и без глубокой образованности. Ведь переводчик должен, о чём я сказал выше, чувствовать все такого рода достоинства авторской речи и воспроизводить их на языке перевода. И поскольку существует два вида риторических украшений (одно — это украшения слов, второе — украшения мыслей), то и другое, несомненно, представляет трудность для перевода, но всё же большую — украшения слов, нежели мыслей. В самом деле, часто подобного рода риторические украшения обусловлены внутренним ритмом фразы, вследствие чего симметрично располагаются слова или одинаковые, или противоположные по смыслу, или же противоречащие друг другу: греки называют это *antitheta* (*антитезой*). Ведь часто латинские слова имеют или большее, или

³¹ Ср.: *Cicero. Orat.* 211.

меньшее количество слогов, нежели соответствующие греческие, и нелегко добиться того, чтобы они звучали на слух одинаково на том и другом языке. Точно так же резкие повороты мысли, которые порой делает оратор, только тогда вполне достигают своей цели, когда происходит нарушение ритма, поскольку построения плавные или оканчивающиеся нескладно разят слабее.

Итак, всё выше перечисленное должно быть переводчиком самым тщательным образом осмыслено и сохранено при условии точнейшего воспроизведения оригинальной фразы. А что я могу сказать об украшениях мысли, которые более всего расцвечивают речь, делая её неповторимой? — и эти приёмы используются выдающимися писателями столь же часто, как и те, о которых говорилось выше.

Но может ли переводчик, не навлекая на себя позора, или не зная их, или не обращать на них внимания, или передавать их, не сохраняя при этом всего их великолепия?

10. Дабы всё вышеизложенное было понято лучше, следует привести ряд примеров, из которых будет видно, что не только писатели, но и философы часто используют в своих сочинениях украшения такого рода и что всё это великолепие речи пропадает, если перевод не сохраняет формы и стиля оригинала.

11. Философ Платон в той книге, которая называется «Федр»³², разрабатывает некую тему очень изящно и с использованием ритмической речи. Ниже я привожу отрывок из неё, к которому вернусь несколько позже. Отрывок же этот таков³³:

“O puer, unicum bene consulere volentibus principium est: intellegere de quo sit consilium vel omnino aberrare necesse. Plerosque vero id fallit, quia nesciunt rei substantiam. Tamquam igitur scientes non declarant in principio disceptationis, procedentes vero, quod par est, consequitur ut nec sibi ipsis neque aliis consentanea loquantur. Tibi igitur et mihi non id accidat quod in aliis damnamus. Sed cum tibi atque mihi disceptatio sit utrum amanti potius vel non amanti sit in amicitiam eundem³⁴, de amore ipso, quale quid sit et quam habeat vim, diffinitione ex consensu posita, ad hoc respicientes referentesque considerationem faciamus emolumentumne an detrimentum afferat. Quod igitur cupiditas quaedam sit amor, manifestum est. Quod vero etiam qui non amant cupiunt, scimus. Rursus autem, quo amantem a non amante discernamus, intelligere oportet quia in unoquoque nostrum duae sunt ideae dominantes atque ducentes, quas sequimur quaquamque ducunt: una innata nobis voluptatum cupiditas, altera acquisita opinio, affectatrix optimi.

³² См. прим. 6.

³³ *Platon. Phaedr.* 237b—238c.

³⁴ Полужирным курсивом в основном тексте и в сносках выделяются комментируемые Л. Бруни отрывки.

Haec autem in nobis quandoque consentiunt, quandoque in seditione atque discordia sunt; et modo haec, modo altera pervincit. Opinione igitur ad id quod sit optimum ratione ducente ac suo robore pervincente, “temperantia” existit; cupiditate vero absque ratione ad voluptates trahente nobisque imperante “libido” vocatur. Libido autem, cum multiforme sit multarumque partium, multas utique appellationes habet. Et harum formarum, quae maxime in aliquot exsuperat, sua illum nuncupatione nominatum reddit, nec ulli ad decus vel ad dignitatem acquiritur. Circa cibos enim superatrix rationis et aliarum cupiditatum cupiditas “ingluvies” appellatur, et eum qui hanc habet hac ipsa appellatione nuncupatum reddit. Rursus quae circa ebrietates tyrannidem exercet ac eum quem possidet hac ducens patet, quod habebit cognomen? Et alias harum germanas et germanarum cupiditatum nomina, semper quae maxime dominantur, quemadmodum appellare deceat, manifestum est. Cuius autem gratis superiora diximus, fere iam patet. Dictum tamen, quam non dictum, magis patebit. Quae enim sine ratione cupiditas superat opinionem ad recta tendentem rapitque ad voluptatem formae et a germanis, quae sub illa sunt circa corporis formam, cupiditatibus roborata pervincit et ducit, ab ipsa insolentia, quod “absque more” fiat, “amor”³⁵ vocatur”³⁶.

³⁵ Платон намеренно неверно выводит слово ἔρως (*любовь*) из слова δύμις (*мощь, могущество*), поскольку пародирует речь другого оратора (см. прим. 6); Л. Бруни, стремясь передать иронию первоисточника, столь же неверно сопоставляет слова “amor” (*любовь*) и “a more” (*без закона/предписания*).

³⁶ Латинский перевод цитируемых сочинений Платона и Аристотеля, сделанный Л. Бруни, вполне соответствует оригинальному тексту. Я сочла возможным в ряде случаев воспользоваться имеющимися русскими переводами греческого подлинника, адекватно передающими мысль упомянутых авторов. В то же время для комментируемых Л. Бруни отрывков в скобках даётся моя версия его перевода:

«Во всяком деле, юноша, надо для правильного его обсуждения начинать с одного и того же: требуется знать, что же именно подвергается обсуждению, иначе неизбежны сплошные ошибки. Большинство людей и не замечают, что они не знают сущности того или иного предмета: словно она им уже известна, они не уславливаются о ней в начале рассмотрения; в дальнейшем же его ходе это, естественно, сказывается: они противоречат и сами себе и друг другу. Пусть же с нами не случится то, в чём мы упрекаем других. *Раз перед тобой — и передо мной — вопрос, с кем лучше дружить, с влюблёнными или невлюблёнными (Но так как ни тебе, ни мне не ясно, предпочесть ли дружбу с человеком влюблённым в тебя или же с не влюблённым)*, нам надо условиться в определении, что такое любовь и в чём её сила, а затем, имея это в виду и ссылаясь на это, мы займёмся рассмотрением, принесит ли она пользу или вред.

Что любовь есть некое влечение, ясно всякому. Но мы знаем, что и невлюблённые тоже имеют влечение к красавцам. Чем же, по-нашему, отличается влюблённый от невлюблённого? Следует обратить внимание, что в каждом из нас есть два каких-то начала, управляющих нами и ведущих нас; мы следуем за ними, куда бы они нас ни повели; *одно из них природное, это влечение к наслаждениям; другое — приобретённое нами представление о нравственности и стремление к ней (одно [начало] — это естественная для нас жажда наслаждений, другое — представление приобретённое, побуждающее нас всеми силами стремиться к истинно прекрасной*

12. Весь этот отрывок отделан Платоном необыкновенно искусно. Ведь в нём присутствует и слов, так сказать, изысканность, и мыслей удивительный блеск. Кроме того, весь диалог написан ритмической речью. В самом деле, и “in seditione esse animum” (*душа находится в разладе*), и “circa ebrietates tyrannidem exercere”, и прочие переведённые подобным образом слова освещают речь, словно сверкающие там и сям звёзды. И “innata nobis voluptatum cupiditas”, и “acquisita vero opinio, affetatrix optimi” построены посредством определённых антитез, ибо в известной мере противопоставлениями являются “innatum” и “acquisitum”, “cupiditasque voluptatum” и “opinio ad recta contendens”. А такие его выражения, как “huius germanae germanarumque cupiditatum nomina”, и “supera-trix rationis aliarumque cupiditatum cupiditas”, и “utrum amanti potius vel non amanti sit in amicitiam eundum”, — все они, изящно соединённые между собой, словно плитки в мозаичном полу или детали потолочного мозаичного орнамента, полны невыразимой прелести. А следующие его слова — “cuius gratia haec diximus, fere iam

му). Эти начала в нас иногда согласуются, но бывает, что они находятся в разладе, и верх берёт то одно, то другое. Когда представление о нравственности разумно сказывается в поведении и своею силою берёт верх, это называется воздержанностью. Влечение же, неразумно направленное на наслаждение и возобладавшее в нас своею властью, называется необузданностью. Впрочем, для необузданности есть много названий, ведь она бывает разной и сложной: тот её вид, которому доведётся стать отличительной чертой, и даёт своё название её обладателю, хотя бы оно было и некрасиво и не стоило бы его носить. Так, *пристрастие к еде, взявшее верх над разумом, нравственностью и остальными влечениями (Ибо пристрастие к еде, выходящее за рамки разумного и подавляющее все другие пристрастия, называется обжорством...)*, будет чревоугодием, и кто им отличается, получает как раз это прозвание. А если кем самовластно правит пристрастие к опьянению (с другой стороны, *пристрастие к хмельным напиткам, которое, словно тиран, полностью подчиняет себе человека*), направляя человека в эту сторону, — понятно, какое прозвище ему достанется. И в остальных случаях в том же роде: что *надлежащее название берётся от соответствующего влечения*, постоянно господствующего, это совершенно очевидно (Ясно, что *названия и другим подобного рода пристрастиям* следует давать исходя из того, какое из них преобладает постоянно и в наибольшей степени).

Ради определения какого влечения упомянуто всё предшествующее, уже, пожалуй, понятно: но всё же сказанное во всяком случае яснее несказанного. Ведь влечение, которое вопреки разуму возобладало над представлением, побуждающим нас к порядочности, и которое свелось к наслаждению красотой, а кроме того сильно окрепло под влиянием родственных ему влечений к телесной красоте и подчинило себе всё поведение человека, это влечение получило прозвание от своего могущества, почему и зовётся оно любовью (Ради чего мы сказали всё вышеизложенное, пожалуй, уже понятно. Во всяком случае, сказанное будет яснее несказанного. Ведь безрассудное влечение, которое препятствует нашему продвижению по правильному пути и увлекает к наслаждению внешней красотой, а окрепнув под воздействием лежащих в основе этого влечений к телесной красоте, всё себе подчиняет и за собой ведёт, — это влечение, от самой своей чрезмерности становясь «неуправляемым», называется «любовью»)» (пер. А.Н. Егунова, с. 14—15).

patet; dictum tamen, quam non dictum, magis patebit” — являются двумя частями фразы, расположенными через равные промежутки: греки называют их «колами». После этих слов идёт превосходный полноценный период “*quae enim sine ratione cupiditas superat opinionem ad recta tendentem rapitque ad voluptatem formae et a germanis, quae sub illa sunt circa corporis formam, cupiditatibus roborata pervincit et ducit, ab ipsa insolentia, quod absque more fiat, amor vocatur*”.

Во всех приведённых отрывках вы видите блеск мыслей, изысканность слов и ритмичность речи; если же переводчик не передаёт всего этого, то можно уверенно сказать, что он поступает подло и бесчестно.

13. ...На греческом языке весь этот написанный ритмической речью отрывок превосходен. Мы же, переводящие его на латынь, не уверены, что сохраняем великолепие и изящество оригинала. Во всяком случае, мы попытались их сохранить³⁷.

14. ...Что сказать об Аристотеле? Не добивается ли и он сам красоты речи при помощи таких же приёмов? Безусловно, причём многократно и самым удивительным образом, так что сам я подчас не мог не изумляться тому, что философ, погружённый в глубочайшие научные проблемы, заботился и об этом... Даже Демосфен³⁸ или Цицерон, являющиеся мастерами слова и вообще ораторского искусства, не пользуются этими украшениями речи лучше, чем ими пользуется Аристотель³⁹.

15. ...Вы видите в этих отрывках изящество, многообразие, пышность наряду с украшениями как слов, так и мыслей⁴⁰.

³⁷ Эти слова Л. Бруни относятся ещё к одной цитате из Платоновского «Федра» (257a—c): “*Nanc tibi, o dilecte amor... pergat ad hunc tuum alium suum conferre*” («*Вот, милый Эрот... противопоставить ей какую-нибудь другую свою речь*» (пер. А.Н. Егунова, с. 21)).

³⁸ Демосфен (IV в. до н.э.) — знаменитый афинский оратор и политический деятель. Его речи (политические и судебные) отличаются страстностью, строгой последовательностью изложения материала; умеренным, но эффективным использованием риторических украшений; величественным, сдержанным, строгим и простым слогом. В последующие века Демосфен считался совершенным оратором; он был образцом для такого мастера слова, как Цицерон.

³⁹ Этот комментарий Л. Бруни относится к отрывку из «Никомаховой этики» (*Eth. ad Nic.* II 8.7 (1178b): “*Esse vero perfectam felicitatem contemplativam... erit utique felicissima*” («*Что совершенное счастье — это некая созерцательная деятельность... приносит самое большое счастье*» (пер. Н.В. Брагинской, с. 285)).

⁴⁰ Эти слова Л. Бруни относятся к отрывкам из “Никомаховой этики» Аристотеля: первый отрывок — *Aristotel. Eth. Ad Nic.* II 1.4 (1103a—b): “*Non ex eo, quia saepe audivimus... et fortia fortes efficiuntur*” («*Ведь не от частого взглядывания... действуя мужественно — мужественными*»); второй отрывок — *ibid.* II 4. 3—6 (1105a—b): “*Praeterea nequaquam simile est... qui ita philosophantur*” («*Более того, случай с... кто так философствует*»). В обоих случаях перевод Н.В. Брагинской, с. 78—79 и 83—84.

16. В книгах же «Политики»⁴¹ Аристотель использует намного больше риторических приёмов. Ведь поскольку темой этих книг является рассмотрение вопросов, касающихся государственного устройства, что подразумевает владение даром слова, почти ни один пассаж не обходится без разнообразных риторических украшений, так что подчас он даже злоупотребляет фигурами слов. Вот отрывок из седьмой книги «Политики»: “*Videmus homines acquire... non virtutes externis bonis. Moribus vero intelligentiaque deficient*”⁴²; в другом месте, где речь идёт о чиновнике, который отвечает за содержание подсудимых под стражей, он говорит так: “*Contigit vero ut boni quidem viri maxime hunc magistratum devitent, pravis autem nequaquam tutum sit illum committere, cum ipsi potius indigeant custodia et carcere quam alios debeant custodire*”⁴³.

17. Сочинения Платона и Аристотеля полны изящества и такого рода ораторских украшений, исследовать каждое из которых в отдельности было бы слишком долго. К тому же читатель, если только он достаточно образован, легко увидит это сам. Ведь приведённые примеры наглядно показывают, что никто не в состоянии передать великолепие оригинального текста, не сохранив в нём риторических украшений и ритмики речи. В самом деле, бессвязный и нескладный перевод полностью уничтожает все достоинства и прелесть первоисточника, вследствие чего следует признать, что, когда за перевод берётся не вполне образованный и не обладающий тонким вкусом человек, это в некотором роде преступление.

II

1. Мы уже отметили качества, которыми должен обладать переводчик, и показали, что претензии к нему совершенно справедливо обусловлены исключительно качеством его работы. Сейчас давайте рассмотрим один из отрывков сделанного им перевода, тем более что на его примере мы сможем понять его переводческую манеру в целом и рассудить, порицания или похвалы он достоин.

2. Аристотель в четвёртой книге «Политики» (ведь переводчиком обоих произведений⁴⁴ был один и тот же человек, и не важно, из того или из другого сочинения Аристотеля мы берём примеры) утверждает: “*Solere potentes et magnos in civitate homines simulare interdum quaedam ac dolose praetexere ad multitudinem populi exclu-*

⁴¹ В восьми книгах «Политики» Аристотель рассуждает о цели и идеале государственного устройства, а также о воспитании гражданина.

⁴² *Aristotel. Pol. VII 1.3 (1323a): «И если обладание добродетелью... но бедны внутренними»* (пер. С.А. Жебелева, с. 589).

⁴³ *Aristotel. Pol. VI 5.7 (1323b): «Случается, однако, что даже порядочные люди избегают этой должности; людям же негодным доверять её вовсе небезопасно, поскольку не они должны сторожить других, а скорее их самих следует содержать под стражей».*

⁴⁴ Т.е. «Никомаховой этики» и «Политики».

dendam a rerum publicarum gubernatione. Esse vero in quibus ista simulatione utuntur quinque numero: contiones, magistratus, iudicia, armaturam, exercitationem. Poena enim magna constituta adversus divites, nisi contioni intersint, nisi magistratus gerant, nisi in iudicio cognoscant, nisi arma possideant, nisi ad bellicos usus exerciantur. Per huiusmodi poenam ad ista facienda divites compellunt; at pauperibus nullam in his rebus poenam constituunt, quasi parcentes eorum tenuitati. Haec enim praetexitur causa, sed re vera hoc agunt, quo illi impunitate permessa a gubernatione rei publicae se disiungant. Poena siquidem remota, nec exercere se ad bellicos usus multitudo curabit nec arma possidere volet, cum liceat per lege impune illis carere, nec magistratum geret pauper, si id putabit damnosum, cum sit in eius arbitrio gerere vel non gerere. Onus quoque iudicandi saepe vitabit, si nequeat compelli, ac tempus rebus suis libentius impendet quam publicis consiliis. Atque ita fit ut tenuiores quidem homines sub praetextu ac velamento remissionis poenarum sensim ac latenter a re publica excludantur, apud divites autem et opulentos remaneant administratio et arma et peritia proeliandi. Ex quibus potentiores facti quodammodo tenuioribus dominantur”⁴⁵.

⁴⁵ Aristotel. Pol. IV 10. 5—7. Перевод Л. Бруни представляет собой выжимку из греческого текста Аристотеля (ср. § 7) и передаёт наиболее существенные положения речи древнегреческого учёного. Ниже даётся мой перевод латинской версии Л. Бруни:

«Нередко бывает, что могущественные и влиятельные в государстве люди выдают одно за другое и выискивают хитрые предлоги для того, чтобы удержать народные массы от управления государственными делами. Насчитывается пять проблем, которые они решают при помощи подобной уловки: устройство народных собраний, отправление должностей, исполнение судебных обязанностей, право носить оружие и участвовать в гимнастических упражнениях.

Дело в том, что для богатых установлен большой штраф за отказ принимать участие в народном собрании, отправлять государственные должности, исполнять судебные обязанности, владеть оружием, а также заниматься гимнастическими упражнениями с тем, чтобы быть готовыми к военной службе. Посредством такого рода штрафа эти влиятельные люди принуждают богатых исполнять все вышеуказанные обязанности, а для неимущих не устанавливают в случае отказа никакого штрафа, как бы принимая в расчёт их бедственное положение. Конечно, причина эта является надуманной: ведь в действительности они делают так, чтобы бедняки, уверенные в своей безнаказанности, отказывались от руководства государственными делами. Ибо, поскольку безнаказанность им гарантирована, простые люди не будут заботиться о том, чтобы заниматься гимнастическими упражнениями с целью подготовки к военной службе, и не захотят владеть оружием: ведь закон позволяет им безнаказанно уклоняться от этих обязанностей. Неимущий не будет занимать государственную должность, если посчитает, что она убыточна, и если только от него будет зависеть, занимать её или от неё отказаться. Точно так же он часто будет отказываться от бремени ведения судебных дел, если только его не принудят к этому, и охотнее будет тратить время на решение собственных проблем, нежели на выполнение общественных обязанностей. И, таким образом, получается, что простонародье под видом освобождения его от наказаний постепенно незаметно отстраняется от государственных дел, и управление государством, оружие и опытность в военном деле остаётся в руках людей богатых и могущественных. Вследствие этих уловок преуспевающие в делах люди в известной мере главенствуют над людьми неимущими».

3. Таково мнение Аристотеля, которое я захотел изложить достаточно полно, чтобы можно было вполне уяснить его мысль. А сейчас посмотрим, каким образом его слова, столь великолепно и изящно звучащие по-гречески, перевёл этот наш мастер; ведь на примере этого отрывка прекрасно видны способ и результат его переводческой деятельности.

Итак, наш переводчик выражается следующим образом:

“Adhuc autem, quaequaque prolocutionis⁴⁶ gratia in politis sapienter loquuntur ad populum, sunt quinque numero: circa congergationes, circa principatus, circa praetoria, circa armationem, circa exercitia”⁴⁷.

Господь всемогущий, кто в состоянии понять это? Кто не назовёт этот перевод иначе, нежели бредом и тарабарщиной? Пожалуйста, пусть приходят защитники этого нашего горе-переводчика и пусть или оправдают его ошибки, или перестанут поносить меня за то, что я их осудил. Ибо, во-первых, что означает “prolocutionis gratia sapienter loquuntur ad populum” (*разумно говорят к народу ради предвысказывания*)? Я спрашиваю, что значит «предвысказывание»? Ведь если люди мудро говорят перед народом ради «предвысказывания», велико должно быть это самое «предвысказывание»! Ответ же мне наконец, что это значит? Ведь до сих пор я никогда подобного слова не слыхивал, и не читывал, и вообще не понимаю, что оно значит. Если это слово в ходу у самых диких варваров, объясни мне, что значит у варваров «говорить ради предвысказывания»? Ведь я, человек латинской культуры, этот твой варваризм не понимаю. Если “prolocutio” (*предвысказывание*) то же, что “prologus” (*вступление*) и “prooemium” (*предисловие*), то оно здесь не годится: ведь люди не обращаются к народу ради вступления или предисловия; напротив, вступление и предисловие используются ради произнесения последующей речи. А если ты, допустим, хочешь говорить «ради предвысказывания» в смысле “gratia deceptionis et simulationis” (*ради лжи и лицемерия*), то что за мерзость, в самом деле, эта твоя неотёсанная и ни на что не похожая речь, позволяющая тебе называть “simulatio” (*притворство*) “prolocutio” (*предвысказыванием*), а “dolose confingere” (*коварно замышлять*) толковать как “sapienter loqui” (*говорить разумно*)? В самом деле, всё это в высшей степени нелепо. Относительно же того, как он переводит “sapienter loquuntur” — «говорят разумно», — то греческое слово не значит “loquuntur” (*говорить*): этот глагол переводчик добавил от себя. Далее. Он употребляет наречие “sapienter” (*разумно*): но он плохо понял греческий термин, ведь “sophisma”

⁴⁶ Неологизм.

⁴⁷ «К тому же, о чём бы разумно ни говорили с простым народом в политиях, присутствует пять тем: относительно скоплений, относительно первых мест/принципата, относительно преторских постановлений, относительно вооружённости, относительно занятий».

означает не «благоразумие», а “*deceptio et cavillatio*” (*обман и изворотливость*).

Таким образом, с одной стороны, он несёт отсебятину, с другой — плохо понимает греческий язык, с третьей — неверно переводит на латынь, поскольку он сказал «ради предвысказывания», хотя следовало сказать “*sub praetextu aliquot et simulatione*” (*под неким предлогом и при помощи обмана*). Поэтому смысл высказывания Аристотеля затемняется и хитро извращается, ибо одно выдаётся за другое: ведь в приведённом выше отрывке говорится о том, что в действительности неимущие люди отстраняются от управления государством, а представляется дело так, будто их не допускают к ведению государственных дел ради их же блага.

4. А что далее он совершает очередной подлог — “*circa congregationem*” (*относительно скопления*), — так это совершеннейший абсурд, ибо греческому слову соответствует слово “*contio*” (*собрание*), а не “*congregatio*” (*скопление*). Ведь возможно скопление и животных, откуда мы говорим «стадо»⁴⁸; «собрание» же — это именно масса людей, созданных для принятия законодательных решений по государственным делам, и именно это слово употреблено по-гречески.

Таким образом, его перевод неверен: ведь он употребил одно слово вместо другого и не передал значение греческого термина. Впрочем, эта ошибка простительна.

5. Однако совершенно невозможно простить то, что он употребляет выражение “*circa praetoria*” (*относительно преторских постановлений*): ведь он говорит “*praetoria*” (*преторские*), а должен говорить “*iudicia*” (*судебные*). В самом деле, мы говорим “*iudicium furti*” (*судебные решения относительно кражи*), а не “*praetorium furti*” (*преторские решения относительно кражи*), и “*res iudicata*” (*судебные решения*), а не “*praetoriata*”⁴⁹ (*преторские*), а также “*probationes in iudicio factas*” (*доказательства, приведённые в суде*) и “*iudicium de dolo malo*” (*вынесение судебного решения о наличии злого умысла*). Наконец, греческое слово “*dicastis*” соответствует латинскому слову “*iudex*” (*судья*), а “*dicastriōn*”⁵⁰ — латинскому “*iudicium*” (*суд*). Вот что значит переводить дословно. А этот говорит вздор и не знает того, что известно даже детям.

6. “*Circa principatus*” (*относительно первых должностей/принципатов*), — говорит он. Ещё одна нелепость: следовало сказать “*magistratus*” (*государственные должности/магистратуры*), по-

⁴⁸ Сопоставляются однокоренные латинские слова “*congregatio*” и “*greg*” (< *greg*-s).

⁴⁹ Неологизм.

⁵⁰ Здесь и далее Л. Бруни использует современный ему вариант написания древнегреческих слов δικάσθής, δικάσθήριον; τιμηταί, τίμημα (II 11); ἐπίεικα (II 15).

сколько «первое место/принципат» занимает император или царь, и мы никогда не скажем, что преторы, консулы, народные трибуны, курульные эдилы, префекты анноны⁵¹ и другие лица подобного статуса «владеют первыми местами/принципатом», — мы говорим, что они «занимают государственные должности/магистратуры». Ведь власть магистрата вверена народом или принцепсом одному либо многим лицам, а власть принцепса — это нечто неизмеримо более значительное, чему подчиняются все прочие должности.

Так, мы говорим, что Октавиан, Клавдий и Веспасиан⁵² были принцепсами, а Сенеку, бывшего консулом в период правления Нерона⁵³, «принцепсом» не назовёт никто, потому что принцепсом тогда был Нерон, а не Сенека; и консулат Сенеки был не «принципатом», а «магистратурой». С другой стороны, власть Нерона называется не «магистратурой», а «принципатом». Это яснее ясного. И никто из образованных римлян⁵⁴ не называл «принципатом» подобного рода должности и распорядительные права, вручённые гражданам. Кроме того, мы используем при переводе термин «принцепс» в таких, например, выражениях, как “*princeps senatus*” (*принцепс сената*), т.е. «первый/самый главный человек в сенате», “*princeps iuventutis*” (*принцепс молодёжи*), т.е. «тот, кто считается первым/лучшим среди молодёжи благодаря своему благородству и доброму имени». Именно так принято говорить на латинском языке. Этот же наш толмач, может, и был вполне сведущ в чём-то другом, но что касается его литературной деятельности, то здесь он совершеннейший невежда.

7. Далее он переводит “*circa armationem*”⁵⁵ «относительно вооружённости», “*circa exercitia*” — «относительно занятий». Эти два выражения — детский лепет, ведь выражение «относительно вооружённости» не является вполне обычным для нашей речи, а слово «занятие» обозначает все без различия виды деятельности. Аристотель же употребляет слово «упражнения» в том смысле, что между телесными упражнениями и воинскими навыками существует определённая связь.

8. Подводя итоги сказанному выше, наш переводчик изъясняется следующим образом:

“*Circa congregationem quidem: licere omnibus congregationi interesse, damnum autem imponi divitibus, si non intersint in congregationi,*

⁵¹ Перечисляются важнейшие римские магистратуры.

⁵² Перечисляются римские императоры I века н.э.: *Октавиан Август, Клавдий, Веспасиан Флавий и Нерон.*

⁵³ *Сенека Луций Аней* (I в. до н.э. — I в. н.э.) — римский государственный деятель, философ и писатель, воспитатель молодого императора Нерона.

⁵⁴ В тексте: *nec quisquam Latinorum.*

⁵⁵ Неологизм.

vel solis vel multo maius. Circa principatus autem: habentibus quidem honorabilitatem non licere abiurare, egenis autem licere. Circa praetoria vero: divitibus quidem esse damnum, si non discutiant, egenis autem licentiam, vel his quidem magnum damnum, his autem parvum. Eodem modo et de possidendo arma et de exercitari leges ferunt: egenis quidem licet non possidere, divitibus autem damnosum non possidentibus. Et si non exerciant, his quidem nullum damnum, divitibus autem damnosum, ut hi quidem propter damnum participant, hi autem propter non timere non participant. Haec quidem igitur sunt oligarchica sophistica legislationis”⁵⁶.

О, изящество Аристотеля, того, кто с такой страстью писал об ораторском искусстве; чьи блестяще написанные сочинения полны языковыми изысками! Неужели к нему имеют отношение столь невразумительно, столь нескладно, столь бессмысленно звучащие на латыни выражения, как “prolocutiones” (*предвысказывания*), как “honorabilitates” (*достоинства уважения*), как “propter non discuti” (*вследствие того, что клятвенно не отрицают*), как “propter non scribi” (*вследствие того, о чём не пишут*), как “oligarchica sophistica legislationis” (*олигархические разумности законодательства*). Неужели имеют отношение к Аристотелю подобного рода чудовищные слова, которые могут быть едва терпимы по отношению к детям, только-только приступающим к изучению буквара?

9. Но прекратим стенания и ещё раз посмотрим на содержащиеся в этом негодном переводе ошибки. В выражении “damnum autem imponi divitibus, si non intersint in congregationi” (*накладывать убыток на богатых, если они не участвуют в скоплении*) следовало сказать не “damnum” (*убыток*), а “roepa” (*штраф*). Ибо хотя убыток является следствием наложенного штрафа, всё же «убыток» — это одно, а «штраф» — другое. В самом деле, убыток причиняют и воры, и птицы, и четвероногие, штраф же налагается законом в том случае, если кто-либо нарушает принятое в законодательном порядке. Точно так же следовало сказать не «скопление», а «собрание».

10. В следующем выражении — “habentibus quidem honorabilitatem non licere abiurare principatus” (*имеющим достоинство уваже-*

⁵⁶ «Относительно же скопления: всем позволено принимать участие в скоплении, накладывать же убыток — только на богатых, если они не участвуют в скоплении, или на каждого в отдельности, или на гораздо большее количество. А относительно первых мест/принципата: имеющим достоинство уважения не позволено отпираться, неимущим же позволено. Относительно же преторских постановлений: для богатых есть наказание, если не будут отрицать, для неимущих же — свобода, или: для первых — большое наказание, для вторых — маленькое. Точно так же говорят и относительно владения оружием, и об исполнении законов: неимущим позволено не владеть, а богатым, не владеющим, — убыточно. И если они не занимаются, то первым никакого убытка, а богатым убыточно, чтобы одни из-за убытка участвовали, а другие — из-за отсутствия боязни — не участвовали. Вот таковы олигархические разумности законодательства!»

ния не позволено отпираться от принципатов) — содержатся три слова («достоинство уважения», «принципаты» и «клятвенно отрицать»), каждое из которых употреблено неправильно.

Что касается “*principatus*” (*принципаты*), то выше при помощи очень наглядных примеров показано, что следовало сказать не «принципаты», а «магистратуры». Сейчас же мы поговорим о терминах “*honorabilitas*” (*достоинство уважения*) и “*abiuratio*” (*клятвенное отречение*).

Итак, спрашиваю я, что он хотел сказать словами «имеющим достоинство уважения не позволено клятвенно отрицать»? Не те ли, что лица, принадлежащие к уважаемым сословиям, как то: всадники и нобили, — не могут клятвенно отречься от занятия государственной должности, а купцы и люди низших сословий могут, будь они даже богаче всадников и нобилей? Что вообще это значит? Ведь если закон имеет в виду принадлежность к уважаемым сословиям, то нобилей, даже если они бедны, заставят исполнять государственные должности, а простолюдины, будь они и неимоверно богаты, смогут отказаться от них. Ведь хотя они и богаты, они не достойны уважения. Или же мы будем говорить, что и будучи беден, человек достоин уважения в том случае, если он порядочен, а богач — не достоин, если является человеком бесчестным? Да ведь и так известно, что хороший человек, даже если он беден, достоин уважения, а человек непорядочный, хотя и богатый, — порицания. С другой стороны, относительно того, кто достоин уважения, нельзя сказать, что он «имеет достоинство уважения». А если так, то на каком основании он говорит «имеющим достоинство уважения не позволено, а неимущим позволено», словно «люди уважаемые» и «люди неимущие» — понятия несовместимые?

11. Что ответит на это наш горе-переводчик? Конечно, ничего путного. В самом деле, самая первая ошибка влечёт за собой всё новые и новые. Ведь из-за незнания языка наш переводчик сказал «достоинство уважения» вместо того, чтобы сказать “*census*” (*ценз*). Ценз же является оценкой имущества, которую этот вот назвал «достоинством уважения» — выражением глупым, бессмысленным и неупотребительным, из которого (он неправоммерно изобретает его на основе слова “*honor*” — *почёт/уважение*) вытекает тысяча, если можно так выразиться, несообразностей. А ведь следовало-то сказать не «достоинство уважения», а «ценз», ибо это — подходящий термин, в полной мере соответствующий греческому слову, в то время как «достоинство уважения» — выражение неуместное и ни с чем не сообразное. Ведь практически все греческие полисы подпадали под действие ценза. То же касается и Рима: ценз там

ввёл царь Сервий Туллий⁵⁷, разделивший граждан государства не по территориальному принципу, а в соответствии с их имущественным цензом. Первый класс он создал из тех, кто обладал имуществом свыше ста тысяч ассов⁵⁸, второй класс — из владеющих имуществом от семидесяти пяти до ста тысяч ассов, третий класс — из тех, кто владел имуществом от пятидесяти до семидесяти пяти тысяч ассов и, таким образом понижая ценз, дошёл до пяти тысяч ассов. Ниже этого порога он оставил неимущих, как людей, не владеющих собственностью и ничтожных. Для тех, кто подлежал цензу, он установил обязанности, которые те должны были исполнять соответственно в мирное и в военное время. Имущество же тех, у кого оно то уменьшалось, то увеличивалось, он постановил пересчитывать каждые пять лет. Это подотчётное пятилетие называлось “*lustrum*” (*люстром*), а должностные лица, которые руководили проведением цензовой переписи, — “*censores*” (*цензорами*). У греков же цензоры называются “*timitae*”, а ценз — “*timima*”. Но наш выдающийся переводчик об этом и слыхом не слыхивал, и вместо слова «ценз» употребил бессмысленное выражение «достоинство уважения», самолично изобретая новое понятие, до него никем не употреблявшееся.

12. А что он говорит “*licere abiurare magistratum*” (*позволено клятвенно отрицать должность*), то я совершенно уверен в том, что слова «клятвенно отрицать» употреблены не к месту, ведь приставочная форма глагола “*iuro*” явственно означает “*falsum iuramentum*” (*ложная клятва*): “*periurare*” (*ложно клясться*), “*deierare*” (*торжественно клясться*), “*abiurare*” (*клятвенно отрицать*). Например, Саллюстий говорит о Семпронии, что она “*creditum abiuraverat*” (*клятвенно отрицала свой долг*); она была сообщницей в убийстве.⁵⁹ Итак, выражение “*abiurare creditum*” означает «давать ложную клятву в том, что деньги были отданы взаймы под честное слово»; следовательно, выражение “*abiurare magistratum*” означало бы «отказываться от должности при помощи ложной клятвы», что в данном случае неуместно.

13. Относительно же того, что он поместил под рубрикой «*circa praetoria*» (*относительно преторских постановлений*) — “*divitibus quidem esse damnum, si non discutiant, egenis autem licentiam*” (*для богатых есть убыток, если не будут отрицать, для неимущих же — свобода*), — то об этом мы достаточно сказали выше, а именно:

⁵⁷ Livius. I 42.5—43.8. Сервий Туллий — предпоследний римский царь (VI в. до н.э.), который провёл целый ряд реформ.

⁵⁸ Асс — бронзовая, а потом — медная римская монета.

⁵⁹ Sallustius. Catil. 25. 4: «Она (Семпрония) и в прошлом не раз нарушала слово, клятвенно отрицала долг, была сообщницей в убийстве...» (пер. В.О. Горенштейна. Цит. по: Гай Саллюстий Крисп. Сочинения. М., 1981. С. 16—17).

следует говорить не “praetorian” (*преторские*), а “iudicia” (*судебные*) постановления, и не “damnum” (*убыток*), а “роена” (*штраф*).

Позорная ошибка — употреблять такие термины, так что даже дети, только приступающие к изучению букв, должны были бы стыдиться подобной вопиющей безграмотности. Далее. Использованное им выражение «si non discutiant» (*если не разбирают*) свидетельствует о его крайней невежественности. Ведь даже недостаточно внимательные судьи подчас не “discutiunt” (*разбирают*) того, о чём “iudicant” (*выносят решение*). Человеку же бедному не разрешается становиться “iudex” (*судьёй*) и он не может «разбирать», но может «оправдываться» тем, что ему тяжело выносить судебное решение.

14. Далее следуют прочие неправильности речи вплоть до той прелестной заключительной части, в которой он говорит “haec quidem igitur sunt oligarchica sophistica legislationis” (*итак, всё это — олигархические разумности законодательства*). Читая это, я то горько вздыхаю, то смеюсь. Ибо горько вздыхаю я оттого, что в такой варваризм превратилось изящество знаменитых книг, а смеюсь потому, что его заключительные слова напоминают мне какие-то медицинские рецепты. Ведь говорить «олигархические разумности законодательства» то же самое, как если бы кто-то сказал “aromatica styptica primaе decoctionis” (*терпкие пряности первого отвара*).

Простак я, простак! Ведь я требую, чтобы и части фразы, и части периода, и сами периоды, и фигуры речи, и украшения слов и мыслей соблюдали такие вот люди, которые не то что не чувствуют всего этого, но даже, как видно, и азами грамотности не владеют: настолько они вопиюще невежественны в ораторском искусстве.

15. Что сказать об оставленных без перевода греческих словах? Они столь многочисленны, что текст выглядит каким-то полугреческим! Но ведь нет ничего, сказанного по-гречески, чего нельзя сказать на латыни.⁶⁰ И всё же в некоторых случаях, скажу я, это извинительно в отношении определённых выражений, малопонятных и совершенно необычных с точки зрения латинского языка. Но оставлять без перевода греческие слова, для которых мы имеем прекрасные латинские соответствия, — крайнее невежество! В самом деле, что ты оставляешь мне греческое слово “politia” (*полития*), хотя можешь и обязан употребить латинский термин “res publica” (*республика*)? Зачем ты ставишь мне в тысяче мест “oligarchia” (*олигархия*), “democratia” (*демократия*), “aristocratia” (*аристократия*) и режешь слух читателей крайне неблагозвучными и непонятными словами, хотя для всех них мы имеем на латыни прекрасные и общепринятые соответствия? Ведь наши римляне⁶¹ сказали “raucorum potentia” (*власть немногих*), и “popularis status”

⁶⁰ Ср.: Cicero. Fin. 3, 5.

⁶¹ В тексте: Latini nostri.

(народное государство), и “*optimorum gubernatio*” (правление наилучших). Так не лучше ли подобным образом говорить по-латыни, чем оставлять греческие слова без перевода?

“*Epiikia*” (эпикикия) — это раздел правосудия, который наши правоведы называют “*ex bono et aequo*” (на основе добра и справедливости). “*Ius scriptum sic habet, — говорит правовед, — debet tamen ex bono et aequo sic intellegi, et aliud ex rigore iuris, aliud ex aequitate*”⁶². И в другом месте он говорит: “*Ius est ars boni et aequi*”⁶³. Так что же ты оставляешь неизвестное мне греческое слово «эпикикия», хотя мог бы сказать «на основании добра и справедливости», как говорят наши правоведы? Ведь это значит не переводить, а запутывать, и не прояснять суть дела, а затемнять её.

16. Что мне сказать об изяществе и гладкости греческой речи, над чем, по-видимому, более всего трудился Аристотель? У нашего же так называемого переводчика речь настолько бессвязна и беспомощна, что вызывает прямо-таки слёзы. У меня нет сил говорить об этом более. Ведь его перевод полон приведёнными выше и ещё большими несуразностями, из-за чего весь смысл и риторический блеск Аристотелевых произведений извращён самым жалким образом, вследствие чего его произведения превращаются из приятных в неряшливые, из изящных — в сбивающие с толку, из благозвучных — в нескладные, а вместо изысканных и пышных — в до слёз топорно сработанные. Поэтому, если у спустившихся в преисподнюю людей есть хоть какое-то представление о том, что происходит у нас, то Аристотель должен был бы страдать и негодовать от того, что его книги так изуродованы невежественными людьми; он должен отказываться от авторства собственных произведений, переведённых такими вот горе-переводчиками. Более того, ему должно быть крайне неприятно, что на подобных переводах стоит его имя. Вот поэтому-то я и раньше осуждал, и впредь не перестану осуждать подобного рода переводы.

III

1. А что мои критические замечания созвучны с мнением учёнейших мужей, доказывают Иероним и Марк Цицерон⁶⁴. Ведь их суждения по поводу подобного перевода показались бы настолько

⁶² «Так установлено писаным законом, однако “на основе добра и справедливости” следует понимать таким образом, что одни решения принимаются строго по праву, другие — по справедливости».

⁶³ «Право есть наука о добром и справедливом». *Celsus. Dig. I 1, 1* (пер. И.С. Перетерского. Цит. по: Памятники римского права: Законы XII таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. М., 1997. С. 157).

⁶⁴ Основоположников науки о переводе — Марка Туллия Цицерона (см. прим. 19) и выдающегося филолога, писателя и богослова Иеронима Стридонского, автора знаменитого «Послания к Паммахию», в котором он излагает своё переводческое кредо (IV — начало V в. н.э.), — Л. Бруни считал своими учителями.

резче моих, насколько наши уши из-за невежества нашего времени стали в известной мере невосприимчивы к искажениям подобного рода. Им же они показались бы чем-то невероятно уродливым⁶⁵.

Список литературы

- Аристотель*. Никомахова этика / Пер. Н.В. Брагинской // Аристотель. Соч.: В 4 т. Т. 4. М., 1983.
- Аристотель*. Политика / Пер. С.А. Жебелева // Там же.
- Гай Саллюстий Крисп*. Сочинения / Пер. В.О. Горенштейна. М., 1981.
- Гарбовский Н.К.* Теория перевода. М., 2007.
- Гомер*. Илиада / Пер. Н. Гнедича // Гомер. Илиада. Одиссея. М., 1967.
- Платон*. Федр / Пер. А.Н. Егунова. Ред. Ю.А. Шичалина. М., 1989.
- Публий Вергилий Марон*. Энеида / Пер. С. Ошерова // Публий Вергилий Марон. Буколики. Георгики. Энеида. М., 1971.
- Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV век) / Под ред. Л.М. Брагиной. М., 1985.
- Тит Ливий*. История Рима от основания города: В 3 т. / Ред. переводов М.Л. Гаспаров, Г.С. Кнабе. Отв. ред. Е.С. Голубцова. М., 1989.
- Цельс*. Отрывки из сочинений / Пер. И.С. Перетерского // Памятники римского права: Законы XII таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. М., 1997.
- Шичалин Ю.А.* Два варианта Платоновского «Федра» / Платон. Федр. Пер. А.Н. Егунова. Ред. Ю.А. Шичалина. М., 1989.
- Ювенал*. Сатиры / Пер. Д.С. Недовича, Ф.А. Петровского. Вступ. статья А.И. Белецкого. М., 1937.
- Cicero, M. Tullius*. Orator.
- Cicero, M. Tullius*. De finibus bonorum et malorum.
- Pérez Gonzalez, Maurilio*. Leonardo Bruni y su tratado “De interpretatione recta” / Cuadernos de Filología Clásica: Estudios latinos. 1995. 8. P. 193—234.

⁶⁵ В этом месте трактат Л. Бруни обрывается; его продолжение не найдено ни в одной рукописи (*Pérez Gonzalez M.* Op. cit. P. 232—244). В то же время, концепция итальянского гуманиста относительно принципов перевода вполне очевидна и из сохранившейся части его труда.

МЕТОДОЛОГИЯ ПЕРЕВОДА

Богатикова Ю.А.,

кандидат филологических наук, доцент Высшей школы перевода факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: bogatikova@gmail.com

«БИОГРАФИЯ ЛОНДОНА» П. АКРОЙДА: ВЫБОР СТРАТЕГИИ ПЕРЕВОДА ДИАЛЕКТА КОКНИ

В русском издании «Лондон: Биография» отсутствует глава 14 о диалекте кокни. Вследствие чего искажена структурная и когнитивная форма повествования, устранены авторские находки в поиске новой формы жанра биографии. Предлагается стратегия перевода главы, которая не только восстановит утраченную документальную информацию, но и не сгладит новаторских достижений автора в области художественной прозы.

Ключевые слова: биография, жанровая классификация, история английской литературы, диалекты, диглоссия, билингвизм, перевод диалектов, стратегия перевода, редактирование перевода, перевод современной художественной литературы.

Yulia A. Bogatikova,

Cand. Sc. (Philology), Senior Lecturer at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov MSU, Russia. E-mail: bogatikova@gmail.com

London: The Biography by P. Ackroyd: Translating Cockney

Chapter 14 about Cockney was removed in the Russian edition of *London: The Biography*. This elimination distorts both structural and cognitive form of the narration, cuts out authorial innovations to the genre of biography. The suggested strategy of translating the chapter allows not only to restore the original documentary information but also reconstructs the literary devices used by the author in his innovative form of biography.

Key words: Cockney, structural and cognitive form of narration, biography, innovative.

Творческая биография П.Акройда огромна, не менее велик объём сопутствующих текстов: интервью, критических обзоров, литературоведческих статей и др., тем не менее речь в статье пойдёт лишь об одной главе из книги «Лондон: биография» (2000). Это глава 14, “He Shuld Neuer Trobell The Parish No More”, которая отсутствует в русском переводном издании *Акройд П. Лондон Биография*. М.: Изд-во Ольги Морозовой, 2005 / Пер. Бабков В., Мотылев Л.¹, где глава обозначена лишь скобочной пометой в содержании и сноской: «Глава 14, где речь идёт о диалекте кокни, в переводе опу-

¹ В дальнейшем все ссылки на это издание даются в тексте в круглых скобках с пометой ЛБ и указанием страницы.

шена» (ЛБ, с. 195). О причинах подобного сокращения можно только догадываться.

Перед тем как перейти к функции данной главы в произведении и возможным вариантам стратегии перевода, следует рассмотреть несколько особенностей жанровой специфики произведений П. Акройда. Жанр биографии занимает значительное место в творчестве писателя, который, по собственному признанию, стремится создать новый вид биографии:

«Я не разделяю свою работу на части. Я могу адаптироваться под любой стиль и не выказывать предпочтений. [...] Я могу одновременно писать и роман, и биографию. Биография занимает больше времени, но мне доставляет удовольствие делать и то и другое. Это как разница между квинтетом и квартетом. И то и другое — музыка. Я пытаюсь раздвинуть рамки нехудожественной литературы, придумать новый вид биографии, взглянуть на историю под другим углом зрения»².

В творчестве П. Акройда тесно переплетаются исторические и литературные факты, но вместе с тем явно присутствует субъективное видение романиста, поэтому его работы нельзя назвать историческими исследованиями в прямом смысле. Если задача историка — *воссоздать* историю по возможности наиболее точно, то задача писателя — *создать* произведение, несущее то или иное впечатление. Биографические работы П. Акройда обладают именно этим свойством создавать впечатление, поскольку *отбор* документального материала происходит в силу субъективного видения автора.

Вместе с этим в художественном творчестве писателя весьма актуальна тема фальсификации и подделки, вопрос о доверии как к документальным фактам, так и к художественным текстам, на который в свою очередь предполагается субъективный ответ читателя. Литературоведами признан интерес Акройда к теме авторства, первичности и вторичности текста, заимствованию, присвоению, стилизации — такой круг вопросов типичен для так называемой литературы «постмодернизма». Популярные энциклопедии утверждают: для Акройда, как для всякого постмодерниста, не существуют такие понятия, как «фантазия» и «реальность», существуют только тексты и их иерархия. А Лондон — не столько реальный, сколько воображаемый, созданный стараниями писателей XIX и XX в. город — является не только центральной, но и единственной темой в творчестве Акройда³.

² Акройд П. Интервью. Софья Широкова // «Известия науки». 17.08.2006. Режим доступа: <http://inauka.ru/philology/article66479.html?ynd>

³ Энциклопедия «Кругосвет». Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/literatura/AKROD_PITER.html

Анализ текста «Лондон: Биография» позволяет определить его как произведение, находящееся на границе между документальной и художественной литературой, среди источников которого использованы не только исторические документы и исследования, но и произведения художественной литературы. Это логически встраивает произведение не только в ряд предыдущих работ автора в жанрах художественной и документальной биографии, но и в череду популярных исторических, бытописательных работ, типичных для таких писателей, как У.М. Теккерей, Ч. Диккенс, Дж. Лондон и др.⁴ Так, заявленный постмодернист П.Акройд по-своему продолжает линию признанных классиков английской литературы.

Сам автор со всей неоднозначностью утверждает:

«В биографии ты можешь выдумывать, конструируя текст так, чтобы всё звучало красиво (курсив мой. — Ю.Б.). А фикшн — тут ты обязан говорить правду. Сам я никогда не пользуюсь неточными или непроверенными сведениями в своих биографиях, но зато я часто необоснованно провожу параллели — мне кажется, это интересно и увлекательно. У меня вообще очень много параллелей и аналогий между литературой и искусством, словами и символами, цветами и метафорами. Мне кажется, что разделять виды искусства неправильно: разумеется, есть определённая схема, согласно которой литература, музыка и визуальные искусства взаимодействуют друг с другом. Разве может быть иначе? [...] Впрочем, я бы не называл себя писателем-историком, как меня часто позиционируют: я не пишу исторические романы. По крайней мере, сам я так не думаю. Я считаю себя просто писателем (курсив мой. — Ю.Б.) [...] Я родился в Лондоне и всю жизнь провёл в нём. И всё, что я делаю в жизни, так или иначе связано с воссозданием Лондона»⁵.

В предисловии к «Лондон: Биография» автор обосновывает свой выбор жанра: «Как ни воспринимай Лондон... мы в любом случае должны видеть в нем организм, подобный человеческому, со своими собственными закономерностями жизни и роста» (ЛБ, с. 22). А переводчик в своём комментарии отмечает: «В книге “Биография Лондона” Питер Акройд исходит из представления о британской столице как о живом существе»⁶.

От более привычных «романизованных биографий» рассматриваемое произведение отличается отсутствием персонифицирован-

⁴ См. список литературы.

⁵ *Акройд П.* «Не верю в утрату доминирующего положения английской культуры» // Частный корреспондент. 21.05.2009. 15.37. Режим доступа: http://www.chaskor.ru/article/piter_akrojd_ne_veryu_v_utratu_dominiruyushchego_polozheniya_anglijskoj_kultury_6626

⁶ *Акройд П.* Биография Лондона. Фрагменты книги / Пер. с англ. и вступ. Л. Мотылева // Иностранная литература. 2002. № 10. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/inostran/2002/10/akr-pr.html>

ного главного героя. Иными словами, город метафорически сравнивается с личностью, но не воплощён в конкретном персонаже, характеристика города складывается из множества отдельных эпизодов с участием его жителей. Лондон — это «коллективный персонаж», «фрагментированный персонаж» особого типа: он обладает всеми чертами личности (внешний облик, физические особенности, характер, манера поведения и речи, путь развития и др.), но в тексте произведения эта личность не представлена персонажем-человеком (будь то главный герой или персонаж-повествователь).

Вышеизложенное позволяет предположить, что не только рядовой читатель, но и читатель-профессионал — переводчик, историк, филолог — пока ещё не готов воспринимать новое воплощение жанра однозначно. Различные по степени авторитетности источники определяют текст как: документальная проза, художественно-документальная проза, художественная литература⁷; книгопродавцы располагают книгу не только в разделах художественной, документальной, исторической прозы, но и на полке с путеводителями, в качестве так называемой книги-попутчика⁸. Однозначно можно утверждать одно — П. Акройд создал произведение, в котором сочетание вымышленных и реальных факторов имеет иное смысловое распределение, чем в традиционных образцах вышеперечисленных жанров.

Таким образом, жанровая специфика «Биографии Лондона» очевидна: произведение может быть прочитано с позиции 1) массового читателя как документальная, научно-популярная литература; 2) историка или биографа как «романизованная биография», имеющая лишь косвенное отношение к научно-историческому исследованию; 3) литературоведа как литературное произведение, созданное на стыке документальных и художественных жанров, цель которого — *создать правдоподобное впечатление о городе-личности*.

В русском переводе книги, очевидно, по решению издательства, отсутствует не только глава о языке кокни, но и «Эссе об источниках», вместо которого имеется «Сокращённая библиография», сопровождаемая сноской: «В конце книги автор поместил подробное “Эссе об источниках”. Мы приводим из него список основных используемых Акройдом публикаций научного, документального и эссеистического характера» (ЛБ, с. 879). При любом подходе к статусу произведения подобные усечения представляются необоснованным, поскольку:

⁷ Об общедоступных жанровых классификациях см. подробнее: режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Документальная_проза; <http://www.5ka.ru/43/8980/1.html>

⁸ См.: Юзефович Г. Гений места // Частный корреспондент. 21.05.2009. 15.40. Режим доступа: http://www.chaskor.ru/article/genij_mesta_6627

— если книга интерпретируется как научно-популярная литература, то нарушена целостность ссылочного аппарата текста, что снижает его когнитивную ценность. Удалена информация об историческом развитии английского языка, изложенная в форме, доступной не только профессиональному лингвисту. Это особенно досадно, поскольку при нынешнем массовом изучении английского языка этапы его развития, причины складывания современного стандарта, генезис и сосуществование нестандартных форм внутри самой родины языка остаются мало известны широкому кругу читателей.

— если книга интерпретируется как художественная литература, то отброшены авторские приёмы работы с текстом и новый для истории английской литературы подход к созданию «романа-картины жизни», «романа о становлении», классические образцы которого, созданные Филдингом, Теккереем, Диккенсом и др., и ныне признаются «энциклопедией английской жизни».

На современном этапе развития литературы идея доверия художественному тексту отчасти подорвана самими писателями: так или иначе подчеркивается «созданность» текста (будь то интонация иронии, высокий уровень интертекстуальности, намеренная демонстрация литературных приемов, автореференциальность⁹ и т.п.). Такой авторский подход акцентирует внимание на реальности формы текста с точки зрения искусства. В случае П. Акройда можно говорить о том, что маятник качнулся в обратную сторону: писатель создаёт текст, а читатель верит не только его достоверной форме, но и содержанию. Верит не потому, что находится в подвешенном состоянии «саспенса» или отождествляет себя с персонажем (отождествляться здесь не с кем), а потому, что для создания данного текста были *выбраны приёмы, которым принято доверять*, приемы научного стиля речи: цитаты, ссылки, историческая последовательность, логическая систематизация в соответствии с социальной структурой общества.

Удаление главы о языке города в такой ситуации имеет решающую роль: устраняется детальная речевая характеристика «коллективного персонажа», что лишает произведение одной из ключевых отличительных черт, трансформирующих речевую характеристику социума в речевую характеристику «коллективного персонажа-города», следовательно, исчезает одна из авторских находок в поиске новой формы жанра биографии.

Одновременно вместе с главой уходит ряд ссылок на художественную литературу (Б. Джонсон, У. Шекспир, Г. Филдинг, Ч. Дик-

⁹ См. подробнее: Тимофеев В.Г. Проблема пространства и времени и самосознание автора // Пространство и время в литературе и искусстве: конец XIX в. и XX в. Даугавпилс, 1987.

кенс, Б. Шоу), что существенно обедняет корпус историко-литературных взаимосвязей произведения, устраняет ряд элементов в выстраиваемой автором иерархии текстов. Исчезают и сведения о популярных работах по истории языка и диалектологии¹⁰.

В отечественной традиции переводоведения сложились довольно четкие правила перевода диалектизмов, идиолектов, безэквивалентной лексики¹¹. Проблеме посвящен целый ряд фундаментальных исследовательских работ, которые вместе с корпусом переводов художественной литературы, позволяют переводчику выработать собственную четкую стратегию перевода диалекта и успешно перевести столь существенную и не очень объемную главу.

В 14 главе переводчик, предположительно, столкнулся со следующими трудностями: передача на языке перевода —

1) неправильного произношения (практически не имеет эквивалента для русского текста, обычно компенсируется «неграмотным» правописанием, сниженной лексикой);

2) неправильной грамматики, синтаксиса (возможны аналогичные конструкции в русском языке);

3) передача локальной семантики (при переводе вероятно чрезмерная «русификация» перевода, что, однако, не останавливало других переводчиков, переведивших как упомянутые в биографии Лондона художественные произведения, так и тексты имеющие более документальный характер. (Ср., например, перевод С. Хоружего черновика романа «Стивен-герой» Дж. Джойса, в частности речь деревенского старика-ирландца¹²).

Отметим здесь же интересную особенность, которую можно вывести из примеров языка кокни в тексте биографии Лондона¹³: его носители разговаривают «лениво» (*lazy speakers*), поэтому парадоксальным образом их произношение имеет некоторые черты сходства с русским акцентом в английском языке (*w — v, n — ng, t/f/s — th*), (ср. нормативный русский язык и южно-русское произношение): *very — wery, vulgar — wulgar, Strand — Stren, clothes — cloues* и др.¹⁴

На уровне грамматики расхожие неточные выражения и афористические выражения-цитаты имеют семантические эквиваленты в русской разговорной речи «*so I goes... and he goes... / so I says... and he says*»¹⁵ («я такой..., а он такой», «я грю..., а он grit»), при этом большая часть кокнеизмов, в том числе рифмованный сленг,

¹⁰ *Ackroyd P. London The Biography. N.Y., 2001. P. 149—159.*

¹¹ См. список литературы.

¹² См.: *Джойс Д. Герой Стивен / Пер. С. Хоружий. М., 2003. С. 18.*

¹³ *Ackroyd P. London The Biography. N.Y., 2001. 801 p.*

¹⁴ *Ibid. P. 149, 151.*

¹⁵ *Ibid. P. 149.*

сопровождена авторским переводом на литературный стандарт, что облегчает понимание не только иноязычному, но и англоязычному читателю, не знакомому с кокни.

Примеры из художественной литературы, приводимые в главе, в большинстве своём уже были переведены на русский язык ранее. Так, цитата из второй части «Генриха IV» У. Шекспира может быть дана, например, в переводе Б. Пастернака, который передаёт особенности произношения кокни лексическими средствами. В тексте П. Акройда такого рода переводческая потеря может быть компенсирована в другом месте при переводе отдельных слов, сопровождаемых авторским комментарием и нормативным вариантом. В случаях единичных слов и коротких словосочетаний представляется оправданным сохранять в тексте английский оригинал. Это только подчеркнёт документальную обоснованность текста, а с точки зрения художественной литературы — иностранные вкрапления — это распространённый прием обогащения лексического состава текста¹⁶.

В такой неоднозначной ситуации при выборе стратегии перевода следует ответить только на один вопрос: как донести до читателя семантику кокнеизма, не превратив коренного лондонца в иммигранта из России? При большой вероятности потерь и, возможно, некоторых неизбежных сокращениях, предлагается основывать стратегию перевода текста главы на приемах компенсации, переводческого дополнения, объяснительного перевода, в том числе в сносках. Как представляется, следует 1) сохранить в переводе значительное количество кокнеизмов на английском языке, поскольку, как показывает исследование художественной литературы конца XX — начала XXI в., современный читатель вполне подготовлен к восприятию текстов с иноязычными вкраплениями.

Поскольку в произведении использован научный стиль как один из приемов повествования, переводчик праве 2) широко использовать систему поясняющих комментариев и сносок, вводящих в текст русские аналоги выражений. Например, кокнеизм «‘E didn’t ‘alf ‘it ‘er, ‘e did» во многом семантически совпадает с выражением «Не виноватая я!», которое допустимо привести в тексте в скобках или сноске для компенсации ряда коннотативных сем (расхожее выражение, афоризм популярной культуры). Чрезмерной «русификации» текста не произойдёт, поскольку наличие иноязычного оригинала выражения оставит читателя в пределах английского языка и культуры.

Перевод, в котором присутствует фрагмент английского текста, сопровождаемый скобочным комментарием переводчика с возмож-

¹⁶ См.: *Богатикова Ю.А.* Функции иностранного языка в романе Л. Даррелла «Мсье, или Князь Тьмы» (1974) / Пер. и смысл. Тез. докл. междунар. науч.-практ. конф. 1—3.10.2009. М., 2009.

ным русским аналогом, позволит: 1) неподготовленному читателю на основании сравнения ощутить сочный колорит лондонской речи (по принципу «как если бы мы сказали»); 2) читателю-профессионалу самостоятельно оценить оригинальный фрагмент; 3) читателю-филологу критически осмыслить оба предложенных варианта.

При этом, поскольку последовательное сохранение всех оригинальных кокнеизмов может сделать текст чересчур громоздким, следует оговориться, что необходимо соблюдать баланс: применять иноязычные вкрапления при объяснительном переводе отдельных слов и примеров рифмованного сленга, а в случаях цитирования классики английской литературы — использовать существующий перевод, при необходимости с пояснительным комментарием.

Предлагаемый вариант стратегии перевода, возможно, выглядит революционно с позиции редактора и издателя, однако, нейтрализация перевода, а тем более полное удаление фрагментов текста по причине их «непереводимости» или «недоступности» в ситуации современной литературы — категорически недопустимы. В заключение отдадим должное переводчику и издателю, которые учли ошибки издания в следующем переводе П. Акройда «Темза, Священная река». М., 2009. В сходном, но значительно менее объемном фрагменте перевода нестандартного языка лодочников Темзы использованы вставки на английском языке и объяснительный перевод.

Список литературы

- Абрамов В.Е.* Моно- и билингвальные механизмы восприятия звучащей речи (на материале гласных американского варианта английского языка): Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Волгоград, 2004. 40 с.
- Акرويد П.* Интервью. Софья Широкова // Известия науки. 17.08.2006. Режим доступа: <http://inauka.ru/philology/article66479.html?ynd>
- Акرويد П.* Питер Акرويد: «Не верю в утрату доминирующего положения английской культуры» // Частный корреспондент. 21.05.2009. 15.37. Режим доступа: http://www.chaskor.ru/article/piter_akrojd_ne_veryu_v_utratu_dominiruyushchego_polozheniya_anglijskoj_kultury_6626
- Акرويد П.* Питер Акرويد. Биография Лондона. Фрагменты книги / Пер. с англ. и вступ. Л. Мотылева // Иностранная литература. 2002. № 10. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/inostran/2002/10/akr-pr.html>
- Ackroyd P.* London The Biography. N.Y., 2001. 801 p.
- Багринцева Н.В.* Культурно-детерминированные факторы в теории и практике перевода: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2001. 24 с.
- Богатикова Ю.А.* Функции иностранного языка в романе Л. Даррелла «Мсье, или Князь Тьмы» (1974) / Пер. и смысл. Тез. докл. междунар. науч.-практ. конф. 1—3.10.2009. М., 2009.

- Бурукина О.А.* Проблема культурно детерминированной коннотации в переводе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1998. 24 с.
- Грицуненко В.И.* Кокни и фразеология как средства создания сатирической прагматики текста (на материале «Неприятных пьес» Б. Шоу и их украинских переводов): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1981. 24с.
- Джойс Д.* Герой Стивен / Пер. С. Хоружий. М., 2003.
- Диккенс Ч.* Американские заметки; Приключения Оливера Твиста. Режим доступа: <http://lib.ru/INPROZ/DIKKENS/>
- Иванов А.О.* Английская безэквивалентная лексика и ее перевод. Л., 1995. 95 с.
- Кашковская М.В.* Художественное назначение французской лексики в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин» и вопросы её перевода на английский язык: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1995.
- Лондон Дж.* Люди бездны. М., 2001. 525 с.
- Маковский М.М.* Английские социальные диалекты. М., 1982. 135 с.
- Струков В.В.* Художественное своеобразие романов Питера Акройда. Воронеж, 2000.
- Теккерей У.М.* Картинки жизни и нравов; Лондонские зрелища; Четыре георга: очерки придворной и столичной жизни её обычаев и нравов. Режим доступа: <http://lib.ru/INPROZ/TEKKEREJ/>
- Тимофеев В.Г.* Проблема пространства и времени и самосознание автора // Пространство и время в литературе и искусстве: конец XIX в. и XX в. Даугавпилс, 1987.
- Филдинг Г.* История Тома Джонса, найдёныша. М., 2008. 894 с.
- Швейцер А.Д.* Современная социолингвистика. М., 2008. 176 с.
- Энциклопедия «Кругосвет». Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/literatura/AKROD_PITER.html
- Юзефович Г.* Гений места // Частный корреспондент. 21.05.2009. 15.40. Режим доступа: http://www.chaskor.ru/article/genij_mesta_6627; http://ru.wikipedia.org/wiki/Документальная_проза; <http://www.5ka.ru/43/8980/1.html>

Б.Г. Гасек,

магистр филологических наук, сотрудник кафедры русского языка
Института славянской филологии Вроцлавского университета.
E-mail: bogdan156@rambler.ru

СПЕЦИФИКА ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ НА РОДНОЙ ЯЗЫК (на материале русского и польского языков)¹

В настоящей статье предпринята попытка охарактеризовать специфику *лексико-семантической интерференции* при переводе на родной язык. В рамках исследования были выявлены и подвергнуты анализу такие потенциальные источники вышеупомянутого явления, как восприятие единиц исходного текста сквозь призму родного языка и/или культуры, а также недопонимание содержания иноязычного текста. При рассмотрении последнего из перечисленных явлений внимание было заострено на разговорном языке и субстандарте, что обосновано двумя факторами. Во-первых, активизацией в русском и польском языках конца XX и XXI вв. разговорной и ненормативной лексики. Во-вторых, объективными трудностями при нахождении эквивалентов, вызванными неудовлетворительным отражением данной проблемы в двуязычной лексикографии и недостаточным её учётом в процессе преподавания языка и подготовки кандидатов в переводчики.

Ключевые слова: лексико-семантическая интерференция, родной язык, направление перевода, восприятие исходного текста, билингвизм, синхронный перевод, разговорная лексика, ненормативная лексика, «ложные друзья переводчика».

Bogumił G. Gasek,

MoA, Employee at the Department of the Russian Language, the Institute for Slavic Philology at the University of Wrocław, Poland; e-mail: bogdan156@rambler.ru

Specific Character of *Lexical and Semantic Interference* in Translation into Native Language (based on russian and polish examples)

The author of the present article attempts to present the specific character of *lexical and semantic interference* in translation into native language. Within the conducted research such possible sources of the aforementioned phenomenon as the reception of a source text unit in the context of the native language and/or culture and the problem of the incomplete understanding of the text in the foreign language have been revealed and analyzed. During the analysis of the latter phenomenon, special attention was paid to colloquial vocabulary and obscenities for two reasons: first, due to the activation of colloquial vocabulary and obscenities in Polish and Russian at the end of the 20th century and in the beginning of the 21st century; second, due to objective difficulties in establishing equivalents caused by insufficient representation of a given range of problems in the bilingual lexicography and an insufficient allowance of such range of problems in the process of teaching a foreign language and translation training.

Key words: lexical and semantic interference, native language, directivity of translation, reception of the source text, bilingualism, simultaneous interpretation, colloquial vocabulary, non-normative vocabulary, translator's false friends.

¹ Статья подготовлена по материалам выступления на II Международной конференции «Наука о переводе сегодня» (Москва, 1—3 октября 2009).

В языкознании встречаются два основных типа определений понятия *интерференции*. В первом случае *интерференция* рассматривается как отрицательное влияние родного языка на изучаемый иностранный язык. В качестве иллюстрации приведем дефиницию Т.Б. Айтжанова — «под интерференцией следует понимать те случаи отклонения от нормы, которые возникают в речи двуязычного человека на неродном языке под влиянием родного» [Айтжанов, 1984, с. 17].

Этого рода определения сужают понятие *интерференции*, сводя его лишь к ситуации изучения или преподавания языка. Причём данную трактовку можно отнести только к ситуации обучения языку на начальном этапе. На более продвинутом уровне усвоения языка отмечаются также факты *обратной интерференции*, т.е. влияния изучаемого языка на родной.

Второй тип определений *интерференции* — это определения, в которых *интерференция* рассматривается как двусторонний процесс, т.е. процесс взаимозамены элементов одной языковой системы элементами другой системы. В это русло вписывается, например, дефиниция С.А Абдигалиева: «Под интерференцией принято понимать отклонения от норм одного языка под влиянием другого в результате контакта двух языков» [Абдигалиев, 1984, с. 30]. Как видим, автор этого определения не считает *интерференцию* влиянием родного языка на изучаемый — источником *интерференции* может быть каждый из двух языков. Очевидно, что в случае перевода необходимо говорить о взаимном влиянии двух языков. Кроме того, следует иметь в виду то, что, хотя *интерференция* присуща практически любой ситуации билингвизма, можно назвать некоторые отличительные черты переводческого билингвизма. С одной стороны, переводчик, в отличие от других билингвов, отдаёт себе отчёт в опасности возникновения *интерференции* и пытается её избежать, что способствует сокращению количества фактов *интерференции*. С другой стороны, есть факторы, способствующие появлению *интерференции* в процессе перевода. Прежде всего, в процессе перевода всегда имеет место одновременная актуализация двух языковых систем, а текст перевода (ТП) всегда воссоздаётся на основании существующего текста, в силу чего для перевода как акта коммуникации характерна вторичность. Иными словами, как пишет Н.К. Гарбовский, «переводчик оказывается во власти не только двух систем языков, но и уже материализованного в знаках одного из этих языков сообщения» [Гарбовский, 2007, с. 318]. Кроме того, потенциальное усиление механизма *интерференции* связано с необходимостью постоянного перехода от одного языка к другому, хорошей иллюстрацией чему могут служить слова А.Д. Швейцера:

«Следует помнить о том, что переводчик — это билингв и в этом смысле подтвержден значительно большему влиянию интерференции, чем тот, кто пользуется разноязычными системами отдельно, в дифференцированных ситуациях» [Швейцер, 1970, с. 44].

Всё сказанное даёт право рассматривать *переводческую интерференцию* как отдельную категорию.

Интерференция проявляется на всех уровнях системы языка. Следовательно, принято говорить о *фонетической* и *фонологической*, *грамматической*, *лексической* и *семантической интерференции*, причём два последних явления часто объединяют, говоря тогда о *лексико-семантической интерференции* [Алимов, 2005, с. 134]. Кроме того, когда речь заходит о проникновении элементов другой культуры и реалий другой страны в ТП, мы имеем дело с *культурной* и *культурологической интерференцией* [Ср.: Багана, 2006, с. 24].

По нашему мнению, понятие *лексико-семантической интерференции*, включая понятия *интерференции* на уровне лексики и смысла высказывания, в широком понимании позволяет охватить также факты взаимозамены элементов двух культур и реалий двух стран.

Лексико-семантическая интерференция заслуживает внимания по нескольким причинам. Во-первых, в отличие от относительно закрытых фонетической и грамматической систем языка, лексическая система носит открытый и динамический характер. Мы наблюдаем постоянные процессы изменений — образование неологизмов, появление неосемантизмов. У некоторых слов появляются новые, дополнительные значения, расширяются контексты их употребления и потенциальная сочетаемость, а другие слова, напротив, переходят из активного в пассивный запас носителей языка или вообще выходят из употребления (архаизмы, историзмы). Во-вторых, это лексика несёт в любом высказывании основную информацию о действительности. По мнению А.Е. Карлинского, который ссылается на исследования словарного состава немецкого языка, проведенные Х. Виссеманом, «соотношение лексического и грамматического компонентов в семантической структуре немецкого предложения разнятся в 4:1, т.е. 80% смысла высказывания составляют лексические значения и только 20% — грамматические» [Карлинский, 1989, с. 52]. Действительно, иногда возможно понимание высказывания при его почти полной аграмматичности. В-третьих, лексика в большей степени, чем грамматика, отражает специфику образа жизни и культуры данного народа.

Поскольку можно отметить некоторую специфику проявлений *лексико-семантической интерференции* при переводе на родной и на иностранный языки, рассматриваемую нами проблему следует увязать с направлением перевода.

В литературе предмета можно наблюдать спор, касающийся преимуществ перевода на родной язык, а также возможности/допустимости перевода на иностранный язык. В случае устного синхронного перевода можно говорить о двух противоположных подходах к рассматриваемой нами проблеме. Итак, в бывшем СССР и странах Восточной и Центральной Европы нормой считается устный, в том числе синхронный, перевод как на родной, так и на иностранный язык, в то время как в западной Европе и США и во многих международных организациях принято переводить только на родной язык, как правило, с двух или трех иностранных языков. Такая же схема организации синхронного перевода утвердилась в ООН.

Схема с переводом на иностранный язык многократно подвергалась критике. В качестве доводов в пользу перевода исключительно на родной язык чаще всего приводятся положения о том, что только перевод на родной язык позволяет сохранить фонетическую, грамматическую, лексическую и стилистическую правильность ТП. По мнению западных специалистов, «легче переводить — и легче слушать перевод — с иностранного языка на родной, так как при этом эффективно устраняется множество грамматических ошибок, стандартных фраз и пауз, которые неизбежны при переводе на иностранный язык и которые крайне затрудняют восприятие живой речи слушателям» [цит. по: Виссон, 1999, с. 13].

Стоит добавить, что также Международная федерация переводчиков рекомендует перевод только на родной язык. Перевод на иностранный язык допускается в случае необходимости и при условии последующей правки носителем языка [ср.: Kodeks, 2007, с. 36].

Не опровергая доводы сторонников перевода на родной язык, следует обратить внимание на имеющиеся объективные трудности при выполнении перевода в направлении иностранный — родной язык. В случае синхронного перевода указывается на большую сложность восприятия иностранных звуков, особенно в случае региональных вариантов языка, отклонений от нормы, быстрого темпа речи, дефектов речи оратора и т.п. [ср.: Чернов, 2007, с. 166—168]. Однако главной трудностью, которая относится также к другим типам перевода, в том числе и к письменному, является понимание исходного текста. По словам авторов учебника «Пособие по устному переводу с испанского языка на русский», «при устном переводе с иностранного языка на родной основная трудность состоит в понимании оригинального текста, тогда как выражение понятной мысли на родном языке обычно не вызывает больших затруднений» [Туровер, Триста, 1967, с. 15].

На этом вопросе мы бы хотели остановить наше внимание.

Основной опасностью при переводе с иностранного языка является восприятие исходного текста сквозь призму системы понятий, а также ассоциаций, присущих переводящему языку (ПЯ).

Итак, внешняя оболочка слова может навязать рецептору неправильное толкование его значения, вызывая ассоциативный ряд, типичный для ПЯ, что впоследствии приводит к выбору неправильного эквивалента.

Иллюстрацией вышеупомянутого явления может послужить слово *чёрнорабочий*. По Новейшему большому толковому словарю русского языка под ред. С.А. Кузнецова (НБТСРЯ), оно имеет следующее значение: «1. исполняющий неквалифицированную, черновую, вспомогательную работу, используемый на тяжелой, грязной работе; 2. Рядовой; будничным, обыденный» [НБТСРЯ, 2008, с. 1475]. Однако план выражения может вызвать у польского переводчика ассоциацию с определением *чёрная работа*, что в свою очередь ассоциируется со словосочетанием *praca na czarno* (в значении *нелегальной работы*) и приводит к неверному пониманию исходной лексемы.

Наши выводы подтверждаются наблюдениями, сделанными во время занятий по практике перевода со студентами переводческой специальности Института славянской филологии Вроцлавского университета. При попытке перевести устно следующее предложение: *Пока в Россию въезжают миллионы чёрнорабочих, нашу страну покидают суперквалифицированные специалисты* звучали такие варианты перевода интересующей нас лексемы, как *nielegalni pracownicy*, *nielegalni robotnicy*, *pracownicy zajmujący się pracą na czarno* (*нелегальные работники, нелегалы*). Выбор указанных нами эквивалентов вызван упомянутой нами ложной ассоциацией и контекстом употребления исходной лексемы. Необходимо отметить, что единственный правильный вариант перевода (*pracownicy niewykwalifikowani*) был предложен русскоговорящей студенткой.

Подобная зависимость характерна для восприятия польским переводчиком лексемы *гимнастёрка*. Итак, эксперименты, проводимые с польскими студентами русистики, выявили, что учащиеся, не знающие значения данного слова, в качестве эквивалента выбирают определение *koszulka gimnastyczna* (*спортивная майка*). Причину именно такого выбора объяснить довольно просто — из контекста употребления понятно, что речь идёт об одежде, а внешняя оболочка слова *гимнастёрка*, ассоциируясь с гимнастикой, наводит на мысль, что речь идет об элементе одежды, в котором выполняют гимнастические упражнения. Отсюда следует выбор неверного соответствия — *koszulka gimnastyczna*.

Следует подчеркнуть, что в обоих вышеупомянутых примерах мы не имеем дела с «ложными друзьями переводчика» (ЛДП), по-

нимаемыми как пары слов в двух языках, которые при внешнем сходстве отличаются в плане семантики, по той простой причине, что в польском языке нет слов, сходных в плане выражения с русскими *гимнастёрка* и *чернорабочий*. Последние лишь вызывают ассоциации с другими словами в русском языке, которые в свою очередь наводят на неправильные эквиваленты. Достаточно сравнить ассоциативный ряд *гимнастёрка* — *гимнастика* — одежда (контекст), что приводит к указанному уже нами неправильному выводу, будто *гимнастёрка* — это *спортивная майка*.

Проблема наложения системы родного языка на текст на иностранном языке при его восприятии особо актуальна в области ненормативной и разговорной лексики. Такое положение дел вызвано несколькими причинами, среди которых необходимо назвать две главные. Во-первых, это активизация субстандарта, коллоквиализация (термин, предложенный К. Гушмидтом [ср.: Земская]) и демократизация современного русского и польского языков. Названные явления — это следствие таких процессов, протекающих в течение последних 20 лет, как отход от цензуры, развитие новых жанров теле- и радиопередач, мода на прямой эфир, широкий доступ к средствам массовой информации людей необразованных и неподготовленных к публичным выступлениям, появление наиболее свободного и открытого для обмена информацией и мнениями массмедиа — Интернета. Одновременно следует отметить растущую нормотворческую роль СМИ как в Польше [ср.: Ożóg, 2008, с. 67], так и в России [ср.: Химик, 2004, с. 6—7], что при наметившейся тенденции к снижению стилиа делает изучение ненормативной лексики не прихотью, а обязанностью переводчика.

Во-вторых, это недостаточная презентация ненормативной лексики в лексикографии. Если упомянутая нами лексика представлена в незначительной степени в толковых словарях обоих языков и отдельных словарях сленга, жаргона и т.п., то двуязычные словари практически обходят стороной данную проблему. В результате среднестатистический переводчик, который удерживает в памяти тысячи межъязыковых соответствий и в распоряжении которого находится большое количество других, утвержденных практикой и традицией перевода соответствий, неоднократно попадает в сложное положение даже при необходимости найти эквивалент для распространённой фразы и слова из области субстандарта и/или разговорного языка.

Проиллюстрируем наши утверждения конкретными примерами. В левой колонке таблицы приводится отрывок текста, перевод которого, выполненный переводчиками портала www.inosmi.ru, указан в правой колонке.

<p>Gdyby gazety mogły otwarcie pisać o przekrętach, kłamstwach i przestępstwach reżimu, rosyjska opinia publiczna byłaby mniej przychylna Putinowi. [www.dziennik.pl]</p>	<p>Если бы могли открыто писать об искажениях, лжи и преступлениях режима, то российское общественное мнение было бы менее благосклонно по отношению к Путину. [www.inosmi.ru]</p>
--	---

Эквивалентом польского *przekreścić* является русское *исказить*, но образованная от него форма *przekreć* относится к разговорному регистру и часто появляется на страницах польской печати, а также звучит в эфире, обозначая *финансовые махинации*. Можно предполагать, что переводчик не был знаком с довольно распространённым ненормативным определением махинаций и осуществил перенос значения исходной формы (*przekreścić*) на производную, что и привело к искажению смысла оригинального текста.

Рассмотрим ещё один пример — пары «ложных друзей переводчика» — *gówniarz* и *говнюк*. Оба слова восходят к аналогичному существительному, но их значения различаются. Польское слово указывает на молодой возраст, незрелость адресата; русское безотносительно к возрасту адресата. Поэтому далеко не всегда они могут выступать в роли переводческих соответствий.

<p>— Kto cię pyta, gówniarzu? — Sam jesteś gówniarz!</p>	<p>— А тебя кто спрашивает, говнюк? — От говнюка слышу! [пример по: Гладысь].</p>
--	---

Как видим, в данном контексте следовало использовать слово *сопляк* [по Толковому словарю ненормативной лексики русского языка (ТСНЛРЯ)] «неопытный, неумелый юнец; молокосос» [Квеселевич, 2003, с. 802].

Внешняя форма польского слова наводит переводчиков на еще одну ложную аналогию. В русском варианте польского художественного фильма “*Va banque*” обращение *gówniarz* переведено как *засранец*. Данное слово, в отличие от польского, не указывает на неопытность и не включает в себе намёка на молодой возраст адресата, а (по ТСНЛРЯ) употребляется как бранное [там же, с. 274]. Добавим, что в НБТСРЯ указаны два значения этого слова — «1. Грубо. О ребенке, испражняющемся в пелёнки, штаны и т.п.; 2. Вульг. О крайне неопрятном человеке; грязнуле» [НБТСРЯ, 2008, с. 346].

Перевод слова *говнюк* с русского языка также вызывает трудности, в чем можно убедиться, рассматривая приведённый в таблице отрывок статьи из польской прессы.

Koledzy z przekąsem mówią na Michałkowa seniora “gimniuk” (od “gimn” — hymn), co brzmi prawie jak “gawniuk” (gówniarz).

“Gazeta Wyborcza”. 11.02.2009

Вышеуказанные примеры неправильного выбора эквивалента подтверждают специфику перевода субстандarta, на которую указывал М.В. Никитин. Учёный, подчеркивая, что среди ненормативных слов есть единицы с доминирующим прагматическим (субъективно-оценочным) содержанием, утверждал, что «главное в них не то, что обозначается, а его эмоционально-оценочная квалификация, выражение субъективного отношения к нему. Интеллектуальный компонент в таких словах настолько беден и функционально угнетён, что с трудом удерживает слова от расползания из своих аморфных референциальных рамок. Прагматическая инфляция приводит слово к когнитивному параличу» [цит. по: Бузаджи, 2006, с. 44].

В приведённом нами примере мы можем определить единицу польского языка (*gówniarz*) как содержащую когнитивное и прагматическое значение, а русские лексемы *говнюк* и *засранец* как слова, в значении которых доминирует прагматическое содержание. Иными словами, если польское слово содержит познавательную информацию (отсылку к молодому возрасту, неопытности адресата), то русские принадлежат к лексике, употребляемой лишь для того, чтобы дать выход эмоциям.

Подводя итоги нашего исследования, можно прийти к следующим выводам. Две основные трудности при переводе на родной язык и одновременно потенциальные области возникновения *лексико-семантической интерференции* — это недопонимание исходного иностранного текста и восприятие его элементов сквозь призму родного языка. Причем пластом лексики, заслуживающим пристального внимания, является субстандарт в связи с его активизацией в современном польском и русском языках и относительно плохой изученностью на уровне двуязычной лексикографии, а также частичным его игнорированием в процессе преподавания языка и подготовки переводчиков. Говоря о специфике перевода на родной язык, необходимо отметить, что недопонимание ИТ может приводить к искажениям смысла перевода без нарушения нормы ПЯ. Иными словами, ТП в таком случае стилистически безупречен, а выявление допущенных ошибок возможно лишь при сопоставлении его с ИТ. В приведённом нами примере — предложении *Пока в Россию въезжают миллионы чернорабочих, нашу страну покидают суперквалифицированные специалисты* — замена польского эквивалента лексики *чернорабочие* эквивалентом слова *нелегалы*

никоим образом не нарушает логику высказывания, но меняет его значение. Причём без обращения к ИТ оплошность остается незамеченной. Это свойство перевода на родной язык — возможное порождение правильного в плане стилистики, но содержащего ошибки, незаметные без обращения к иноязычному подлиннику, текста — подтверждает значимость этапа восприятия (понимания) ИТ в процессе перевода. Не исключено, что качественный перевод (особенно в случае особо сложных текстов) требует участия носителей обоих языков. Возможны два вида переводческих тандемов: перевод на иностранный язык с дальнейшей проверкой носителем языка или перевод на родной язык после обеспечивающей полноту и правильность понимания ИТ консультации с носителем данного языка.

Список литературы

- Алимов В.В.* Интерференция в переводе (на материале профессионально ориентированной межкультурной коммуникации и перевода в сфере профессиональной коммуникации): Учеб. пособие. М.: КомКнига, 2005.
- Абдигалиев С.А.* Интерференция на уровне лексического сочетания // Языковые контакты и интерференция. Алма-Ата, 1984.
- Айтжанов Т.Б.* Казахско-французская интерференция на просодическом уровне // Языковые контакты и интерференция. Алма-Ата, 1984.
- Багана Ж.* Французский язык в Африке. Проблемы интерференции. М.: Наука, 2006.
- Бузаджи Д.М.* Норма ненормативного. Ругаемся адекватно // Мосты. Журнал переводчиков. 2006. № 1 (9).
- Виссон Л.* Синхронный перевод с русского на английский. Приемы. Навыки. Пособия. М., 1999.
- Гарбовский Н.К.* Теория перевода: Учебник. 2-е изд. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007.
- Гладысь Т.* Человеку свойственно ошибаться, или как господин Вайсброт сочинял за автора. <http://correctura.narod.ru/czso.htm>.
- Земская Е.А.* Активные процессы в русском языке последнего десятилетия XX века. http://www.gramota.ru/biblio/magazines/gramota/28_46.
- Карлинский А.Е.* Экспериментальное изучение лексической интерференции в прикладных целях // Сравнительно-сопоставительное изучение языков и интерференция. Алма-Ата, 1989.
- Туровер Г.Я., Триста И.А.* и др. Пособие по устному переводу с испанского языка на русский. М.: Высшая школа, 1967.
- Предисловие // Химик В.В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб.: Норинт, 2004.
- Чернов Г.В.* Теория и практика синхронного перевода. 2-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2007.
- Швейцер А.Д.* Возможна ли общая теория перевода? // Тетради переводчика. Вып. 7. М.: Изд-во Международные отношения, 1970.

Kodeks tłumacza przysięęego z komentarzem. Publikacja pod auspicjami Polskiego Towarzystwa Tłumaczy Przysięęłych i Specjalistycznych TEPIS. Wydanie drugie. Warszawa, 2007.

Ożóg K. Zmiany we współczesnym języku polskim i ich uwarunkowania // Język a kultura. T. 20 / Под ред. А. Дąbrowskiej. Wrocław, 2008.

Словари

Квеселевич Д.И. Толковый словарь ненормативной лексики русского языка. М.: Изд-во Астрель, 2003.

Новейший большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.; М., 2008.

Интернет-источники и периодические издания

Gazeta Wyborcza. <http://www.dzienik.pl>; <http://www.inosmi.ru>

Б.Н. Жантурина,

кандидат филологических наук, доцент факультета иностранных языков Московского педагогического государственного университета.
E-mail: uvaursi@inbox.ru

ЦВЕТОВЫЕ ТЕРМИНЫ ПРИ ПЕРЕВОДЕ

В настоящей статье обсуждаются герменевтические аспекты перевода цветových обозначений в пейзажной лирике Эмили Дикинсон. В результате анализа исходного текста выделены факторы пространственной локализации, влияющие на употребление и перевод цветových терминов как средства описания линейной перспективы пейзажа.

Ключевые слова: зрительная перцепция, перцептивные отклики, пейзаж, линейная перспектива, цветových термины.

Bachyt N. Zhanturina,

Cand. Sc. (Philology), Associate Professor at the Foreign Languages Department, Moscow Pedagogical State University, Russia. E-mail: uvaursi@inbox.ru

Colour Terms in Translation

Some hermeneutic aspects inherent in the translation of poetic diction are discussed; the skeleton of the vista and its geometrical perspective, marked by colour terms, in Emily Dickinson's poem play as crucial a role in the verbal presentation of initial and target landscapes as it does in visual arts.

Key words: visual perception, perception effects, landscape, perspective, colour terms.

При жизни творчество Эмили Элизабет Дикинсон (1830—1886), современницы У. Уитмена, было закрыто для читающей публики, что было связано с ее собственными внутренними мотивациями. Ее немногочисленных признаний, высказанных в письмах к немногим конфидентам, явно недостаточно для того, чтобы выстроить традиционный биографический облик поэтессы. Лишь стихи, а наследие её составляет около 2000 стихотворений, способствуют пониманию, как её поэзии, так и места в национальной американской и мировой литературе.

Лирический цикл в издании русских переводов А. Гаврилова представлен 14 стихотворениями и посвящён пейзажам, картинам природы, родным для Эмили в том географически замкнутом пространстве, которым она сама ограничила свою жизнь: дом, сад, холмы. Почти идиллическая жизнь наедине с собой в привычных «стенах» добровольного отшельничества была сконцентрирована на созерцании пейзажа, который стал окном в мир природы и гармонии. С одной стороны, пейзаж — это место действия природы, где смены дня и ночи, утренние зори и вечерние сумерки, смена

времен года осознаны Эмили как высший эстетический и нравственный идеал — Nature is Harmony [Дикинсон, 2001, с. 230—231]. С другой стороны, аскеза привела её к осмыслению философских проблем жизни, смерти и бессмертия. В апреле 1862 г. Эмили Дикинсон писала в письме: «Вы спрашиваете о моих товарищах. Холмы, сэр, и Закаты, и пёс — с меня ростом, — которого купил мне отец». Холмы на первом месте, потому что они — зелёные летом, жёлтые и багряные осенью и белые зимой — окружали её всю жизнь, как окружают и сейчас Амхерст [Гаврилов, 2001, с. 19].

В сферу внимания русских переводчиков Эмили Дикинсон попала не так давно: эпизодические переводы некоторых стихов и экспериментальные творческие попытки предпринимаются с 1960 г. (И. Кашкин (1960, 1968), М. Зенкевич (1969), И. Лихачев (1971, 1976), В. Маркова (1976), Э. Линецкая (2004), Т. Казакова (2004)). Сборник переводов А. Гаврилова можно считать первым серьёзным опытом систематизации её наследия на русском языке.

В настоящей статье предпринята попытка показать статус цветových терминов в исходном тексте (ИТ) и в переводе А. Гаврилова (ПТ), а также переводческие трансформации, приводящие к искажению цветового пространства и деформации общей картины пейзажа в стихотворении № 140 “An altered look about the hills”.

Цветовые обозначения представляют большие трудности при межъязыковой передаче. С одной стороны, цветовые термины в научной литературе переводятся с соблюдением принципа объективности и точности, а для передачи терминологического значения оказывается достаточным слова или словосочетания как единицы ориентирования при переводе. Но и здесь при определении содержания термина нередко возникают трудности, границы значения даже основных терминов цвета не совпадают в разных языках. Несмотря на многочисленные психологические тесты на различение цветов, а также описания цвета в языках и культурах мира, до сих пор не выработано единого языка цвета, нет и межкультурных констант цвета [Эко, 2006, с. 427]. В качестве единого хроматического языка традиционно принимают или семь цветов радуги, или пороговые значения каждого цвета в соответствии с длиной волны, или же международный стандарт в виде числового графика, служащий эталоном цветовых отношений для различения пигментов. Зримый спектр, вербальные описания и более или менее точные числовые определения цветовых терминов служат целям практической деятельности человека в искусстве, промышленности и межкультурной коммуникации; они же лежат в основе перцептивных эталонов цвета при переводе.

Цвет в поэзии реализуется через цветовые термины, но связан не столько с содержанием термина как такового, сколько с перцептивными откликами наблюдателя при восприятии природного

света. Умберто Эко, обращаясь к проблемам цвета у древних римских авторов, отмечает: «Нужно отличать пигменты как цветовую реальность от нашего перцептивного отклика как цветового впечатления» [там же, с. 429]. В живописи поиски перцептивного эталона цвета определяются как эффекты восприятия конвергентного смешения цветов в пространстве и приобретение предметами локальных цветов, зависящих от влияния среды, интенсивности освещения и пространственного положения. Для самой Э. Дикинсон попытки словесной передачи опытов перцепции цвета не соответствовали увиденному фрагменту мира, а определения света и цвета всегда были «не те», как, например, стихотворение № 581 в переводе А. Гаврилова [Дикинсон, 2001, с. 204—205]:

I found the words to every thought	Для каждой мысли есть слова —
I ever had — but One —	Лишь для одной — их нет.
And that — defies me—	Как вы могли б нарисовать
As a Hand did try to chalk the Sun	В потёмках солнца свет
To Races — nurtured in the Dark —	И объяснить его — тому,
How would your own — begin?	Кто вырос в темноте?
Can Blaze be shown in Cochineal —	Перебираю краски я
Or Noon — in Mazarin?	Всю жизнь — и всё не те.

Цветовые термины “cochineal” — ярко-красный цвет, кошениль и “mazarin” — тёмно синий цвет опущены при переводе; генерализация при передаче всего смысла высказывания превращает вопрос, сформулированный автором в ИТ, в ответ, изменяя модальность высказывания в переводном варианте.

Стержнем внутренней композиции стихотворения № 140 является описание восхода солнца в привычном для автора пейзаже за окном её дома. Природа изображена через статичное описание в разных ракурсах, она «написана с натуры», показана «здесь и сейчас» в сиюминутном переживании и настроении автора. В целом пейзажная лирика как литературный жанр описывает перцептивные отклики наблюдателя, его впечатления и переживание красоты природы, мысли и чувства, возникающие при восприятии и связанные с этим событием. В стихотворении Э. Дикинсон пейзаж складывается из высказываний о цвете, объёме и расположении объектов в световоздушной среде, что приближается к технике живописи трёхмерного пространства и глубины на двумерной поверхности. «Здесь» открывается наблюдению ранним утром, в то переходное состояние от ночи ко дню, когда свет превращается в цвет, световоздушная среда изменчива, а локальные цвета создают иллюзию пространственного восприятия. Ракурсы авторского восприятия изображены через перцептивные системы — зрение, слух,

обоняние, вкус, осязание, которые в виде ощущений от органов чувств передают информацию о предметном ряде, а словесный контекст воспроизводит пейзаж в тех обстоятельствах и в том порядке, в котором они происходят и воспринимаются наблюдателем. Само состояние актуального восприятия, достаточно сложное для описания, вербально охарактеризовано в стихе с помощью указания на условия восприятия, типы воспринимаемых объектов и семантики слов, содержащих перцептивный компонент.

Стихотворение содержит 16 строк, в 14 из них пошагово описаны опыты перцепции поэтессы: её зрительные, слуховые и обонятельные впечатления содержат ощущение и понимание происходящего. Если «все сенсорные факты — суть вопросы, задаваемые мозгу рецепторами, а все восприятия — ответы» [Грегори, 2003, с. 8], то в девяти строках стихотворения сформулированы запросы информации в виде ощущений и ответы на них на уровне зрительной перцепции. Цвет присутствует в 6 строках, занимая большую долю в зрительном опыте [Дикинсон, 2001, с. 90—91]:

1. An altered look about the hills —	Меняющийся вид холмов —
2. A Tyrian light the village fills —	Тирийский свет среди домов —
3. A wider sunrise in the morn —	В полнеба розовый рассвет —
4. A deeper twilight on the lawn —	И сумерек зелёный цвет —
5. A print of a vermillion foot —	Под клёном прелая листва —
6. A purple finger on the slope —	По склонам жёлтая трава —
7. A flippant fly upon the pane —	Биенье мухи о стекло —
8. A spider at his work again —	Паучье злое ремесло —
9. An added strut in Chanticleer —	И новый голос петуха —
10. A flower expected everywhere —	И ожидание цветка —
11. An axe shrill singing in the woods —	И пенье топора вдали —
12. Fern odors on untravelled roads —	И запах торфа от земли —
13. All this and more I cannot tell —	Всё это в пору первых гроз —
14. A furtive look you know as well —	И этот звук, и этот цвет —
15. And Nicodimus' Mystery	И Никодим на свой вопрос —
16. Receives its annual reply!	Всё получает свой ответ.

Композиция ИТ сохранена при переводе, поскольку в тексте перевода ключевые предикаты чувственного восприятия, глаголы перцептивной семантики «видеть, слышать, чувствовать запах», также не содержатся на эксплицитном уровне стихотворения, а имплицитно заданы через актанты субъекта и объекта восприятия¹.

¹ Предикаты с перцептивным компонентом описаны в работах *Е.В. Падучевой* [Падучева, 1997] и *Ю.Д. Апресяна* [Апресян, 2006], а также *Г.И. Кустовой* [Кустова, 2004].

Субъект восприятия представлен не только в своих опытах перцепции, он локализуется также через точку наблюдения — из дома, через окно, а объект и содержание восприятия — через вид и геометрию зрительных построений, собственно объекты и порядок их расположения в пространстве; световоздушная среда передана через цветовые термины, характеризующие объекты наблюдения.

Существительное «вид», семантически производное от предиката «видеть», является одним из ключевых слов для зрительного образа и наследует валентности исходной прототипической ситуации зрительного восприятия — кто, что, где? При восприятии именно перцептивный компонент меняет статус семантических актантов при предикате «видеть» и превращает деятеля в наблюдателя, а объект — в место. Отсюда семантика слова «вид» в значении «пейзаж, содержание восприятия».

В рассматриваемом стихотворении широкий угол зрения с точки наблюдения рисует пейзаж как вид на дальние холмы, деревню и полосу восходящего солнца, разграничивающую небо и землю. Узкий угол зрения захватывает лужайку перед домом и оконное стекло, на котором видны самые малые объекты — муха и паук. Пространство в пейзаже намечено в линейных соотношениях вертикали (холмы), горизонтали (граница неба и земли), объёма или глубины. Под заданным углом зрения на переднем плане показаны ближайшие и мельчайшие объекты — отпечаток ноги на лужайке перед домом, а на заднем плане обозначен панорамный вид дальних объектов, холмов. Взгляд скользит ввысь, вширь, вглубь, обозначая координаты трёхмерного пространства. Пространство не дробится линейным, от объекта к объекту восприятием, оно объединено дважды: позицией наблюдателя, из дома, через раму окна, и цветовым ритмом, посредством которого соразмеряются пространственные плоскости.

Пейзаж в стихотворении предстает изменённым “an altered look about the hills”; наблюдатель отмечает перемены в пространстве благодаря изменениям освещения: слабый свет в сумерках на восходе солнца отражается на привычных объектах, меняя их локальные цвета в видимом поле зрения. В недоступном глазу месте перцептивные опыты обоняния и слуха отмечают события, сопутствующие наступлению нового дня. Строки 11, 12 описывают всё невидимое взору, но доступное слуху и обонянию: звук топора в лесах, запах папоротника-щитовника вдоль дороги². Модальности слуха и обоняния актуализируются через соответствующие глаголы с перцептивным компонентом «слышать и чувствовать запах». В тексте

² В переводном варианте денотатная замена папоротника-щитовника на торф меняет географические координаты г. Амхерста, а «запах торфа от земли» меняет химическую природу этого вещества, поглотителя запахов.

перевода объекты слуховой перцепции расширены: помимо звука топора слышен и «новый голос петуха».

В последних 4 строках высказывания содержатся предикаты речевого действия (tell) и понимания (know), а наблюдатель получает статус субъекта действия, тем самым отмечая переход от пассивного созерцания к действию. Понимание состоит в том, что с рассветом приходит новый день, что именно этот свет и изменения цвета возвещают приход весны, что природа изменяется и возрождается; при этом актуализируется и знание о том, что не входит в зону актуального непосредственного наблюдения — вывод о приходе весны, а вместе с ней и мысли о возрождении, обновлении и бессмертии, осмысляемые Э. Дикинсон в терминах библейского диалога, вопросов о воскрешении Христа, которые задавал св. Никодим у подножия распятия. В стихотворении ответы на вопросы о бессмертии даёт природа.

Цвет устанавливается по источнику света “sunrise” и среде пространства “twilight”. Свет на глазах приобретает цвет, а эффекты отражённого света на объектах, составляющих пейзаж, одновременно организуют перспективу линейного восприятия в пространстве. Перспектива словесно выражена посредством слов с перцептивным компонентом: объёмная среда через параметрические указания (wider, deeper) поддержана цветовым контрастом по признаку темноты и светлотности (light — twilight), а также теплоты и холодности цвета (Tyrian purple — purple, vermilion — purple) на разных плоскостях (hills, village, sky — lawn, a print of foot).

Отраженный свет на домах деревни — “a Tyrian light” пурпурный свет, метонимически восходит к цветовому термину “Tyrian purple”, обозначающему особый оттенок красно-фиолетового цвета. “Purple” как термин называет не столько конкретный цвет³, сколько гамму оттенков, так тирийский пурпур — это особый насыщенный оттенок красного цвета на границе красного и инфракрасного излучения; качество этого цвета зависит от красителя пурпурина, пигмента, обнаруженного еще в древности у моллюсков, обитающих на дне Средиземного моря у финикийского города Тир. В теории хроматизма он характеризуется особым светопроникающим свойством, он теплее и светлее, чем просто фиолетовый и сине-фиолетовый цвета. Именно он организует средний план восприятия пейзажа. Перевод на уровне словосочетания «тирийский свет» должен означать именно такой оттенок цвета, но при отсутствии

³ Ср. замечание А.П. Василевича: «Английское purple за своё многовековое существование в языке обрело самое широкое значение и даже входит в группу основных цветоименований английского языка — наряду с такими словами, как black, white, red и т.д. В настоящее время оно утратило свой первоначальный смысл и по преимуществу означает “фиолетовый”» [Василевич, 2005, с. 35].

комментария превращается в калькированную загадку, не поддающуюся осмыслению на уровне терминологического значения. Относительное прилагательное по значению прозрачно и содержит указание на место, город Тир; для русского языка более характерно словосочетание «тирский пурпур» [ср., например: Василевич, там же, с. 33—34]. Переводческий комментарий объясняет синтаксис смыслов в пределах словосочетания, но не способствует организации смыслов в поэтическую речь.

На объектах дальнего плана, на холмах цвет “purple” пурпурный светлее, чем в деревне, это — тоже тёмный, но холодный светотон, появляющийся в результате диффузии отражённого света на пространственно-удалённых формах. “Purple” — загадочный двойственный цвет; красно-фиолетовый и сине-фиолетовый, в котором раскрываются все возможности от синего до красного; он и тёплый и холодный по характеристике. В пределах стихотворения тёплый тирийский пурпур противопоставлен просто холодному пурпурному цвету, что акцентирует температурную характеристику восприятия оттенков цвета.

На переднем плане пейзажа цвет сумерек “a deeper twilight” присутствует как фон; холодный фиолетовый цвет, контрастный практически любому тёплому спектральному цвету, находится на границе ультрафиолетового излучения и почти невидим глазу при конвергентном смещении. Для нас в природе он связан с цветом тёмной вишни, сливы, фиалок, васильков. В русской поэтической традиции этот цвет находим при описании меркнувшего вечернего света, например «лиловых вечеров» (А. Блок). Метафора на базе исходного прилагательного “deeper” передаёт оттенок цвета: «глубокий — насыщенный до крайности», исходное параметрическое значение переосмыслено в значение степени качества; глубокие сумерки по цвету — это неясный тёмный фиолетовый цвет.

На этом тёмном фиолетовом фоне перед домом обозначен ярко-красный, почти оранжевый цвет: “vermillion” киноварь, цвет, содержащий тёплые оттенки от ярко-красного до оранжевого, цвет отражённый, яркий, тёплый, насыщенный, плотный и близкий. Размер и плоскость объекта осознаются через фигуру линейного переподчинения “a print of a vermillion foot — a vermillion print of foot”. В русской традиции “vermillion” — это иконописный цвет киновари, цвет алый, багряный, багровый, червчатый, кармазинный, смородиновый, брусничный. В ПТ и предмет и его цвет опущены, вместо них введены клён и прелая листва, принадлежащие визуальному параметру, но изменяющие пропорции пейзажа, его время и место действия.

В создании общего пространства и колорита пейзажа участвует и размер освещённой солнцем горизонтальной плоскости, полосы

света, разделяющей темноту на небо и землю. В ИТ и ПТ размеры не совпадают: в английском параметрическом прилагательном “wider” обозначена лишь «полоска неба», которая, по всей видимости, шире, чем это бывает зимой. При употреблении русского параметрического обозначения «полнеба» изменено время действия, а солнце уже встало.

В ИТ живописный контраст по характеристике теплохолодности цвета служит нескольким целям: он создает иллюзию пространственного восприятия дальних и близких к наблюдателю объектов; он поддерживает контраст по признаку темноты и светлотности; он участвует в создании равновесия, но не подавления одного цвета другим. Холодные цвета — зелёный, синий, фиолетовый — обладают свойством прозрачности и проникающей глубины, а тёплые цвета — красный, оранжевый, жёлтый предстают в виде некоторой плотности. В ИТ получается контраст: прозрачный холодный фиолетовый на дальних объектах, плотный, тёплый красно-оранжевый цвет на близких объектах. Цветовое пространство колеблется между красным и фиолетовым цветами и выражено предельным температурным контрастом тёплого плотного пространственно близкого при зрительном восприятии и холодного, прозрачного пространственно отдалённого, стремящегося к бесконечности. Тёплые оттенки цвета доступны глазу на пространственно близком объекте “a print of a vermillion foot”, образуя передний план восприятия, тёплый тирийский, красноватый образует средний план — “a tyrian light the village fills”, а далёкие предметы имеют холодную характеристику — “a purple finger on the slope”.

Количество цветовых терминов совпадает, в ИТ три прямых цветообозначения и косвенное ПТ, но гамма цветов иная. Розовый цвет или разбелённый пурпур обозначает слишком светлый для ИТ тон пурпура. При этом он применён для обозначения размера, но привязан к большей плоскости освещённой части горизонта и меньшей плоскости земли, деформируя пропорции места из ИТ. Транслитерированная загадка «тирийский свет» не обозначает цвет как таковой, что осознается как утрата цветового термина, связанного с локализацией среднего плана картины восприятия. «Зеленый цвет сумерек» меняет время действия (например, в русской поэзии такой цвет находим только в вечерние сумерки при электрическом освещении), в исходном же стихе сумерки по колориту тёмно-фиолетового цвета, находящегося где-то на границе красного сегмента видимого спектра. «Жёлтая трава» по склонам дальних холмов в тексте перевода меняет и время действия, и перспективу линейного восприятия: исходная ранняя весна при переводе заменена по принципу метонимии прелой пожухлой травой лета или осени. Жёлтый тёплый цвет на дальних холмах деформирует перспективу линейного восприятия, приближая дальний объект

к наблюдателю. В исходном же тексте находим “a purple finger” пурпурный цвет на небольшой плоскости тёмно-красно-фиолетового цвета, выделяющейся на общем фиолетовом фоне сумерек благодаря своему холодному глубокому светопроницающему свойству. Температурный контраст цветов, участвующий в геометрии пейзажа ИТ, при переводе утрачен. В ИТ он создаёт пропорции объектов, в ПТ жёлтый тёплый цвет обозначен на дальнем объекте, но по своей характеристике он стремится на передний план, зелёный и пурпурный цвета подавляют друг друга. Замены исходных цветовых терминов на розовый, зелёный и жёлтый цвета искажают световоздушное пространство, которым дышит стихотворение Эмили Дикинсон, что в теории перевода определяется как деформация смысла [Гарбовский, 2007, с. 507]. Если бы в результате изменений цветовых терминов, внесённых в текст переводчиком, складывался новый целостный образ, то можно было бы говорить о новой трактовке исходного текста. Изменения цвета в ИТ касаются пространства пейзажа и времени действия, разрушают исходную перцептивную ткань стиха; перцептивные отклики на новую цветовую гамму не поддаются адекватному прочтению.

Как вариант передачи цвета предложим собственный перевод цветовых терминов и пропорций пейзажа:

1. An altered look about the hills —	Меняющийся вид холмов —
2. A Tyrian light the village fills —	Румянится пурпур домов —
3. A wider sunrise in the morn —	И шире светится полоска дня
4. A deeper twilight on the lawn —	В глубоком сумраке ночи озарена —
5. A print of a vermillion foot —	И киновари тёплый блик
6. A purple finger on the slope —	Под окнами уже горит —
	Свет гонит холод ночи вдалеке —

Таким образом, цветовые термины ИТ передают световоздушную перспективу пейзажа, участвуя в построении геометрии наблюдаемых объектов в природе. В переводном варианте А.Гаврилова цветовые термины были опущены, заменены или калькированы, что привело не только к семантическим изменениям в цветовой гармонии ИТ, но и к деформации исходного пейзажа, порядка расположения объектов и времени действия. Деформация цветовых терминов вызвала искажения картины мира ИТ в ПТ.

Список литературы

Апресян Ю.Д. и др. Основания системной лексикографии // Языковая картина мира и системная лексикография / В.Ю. Апресян, Ю.Д. Апресян, Е.Э. Бабаева, О.Ю. Богуславская, Б.Л. Иомдин, Т.В. Крылова, И.Б. Ле-

- вонтина, А.В. Санников, Е.В. Урысон; отв. ред. Ю.Д. Апресян. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 33—160.
- Гаврилов А.* Эмили Дикинсон: Жизнь в творчестве. // Дикинсон Э. Стихотворения: Сб. / Сост. М. Гаврилова. М.: Радуга, 2001 (на англ. яз. с параллельным русским текстом). С. 17—46.
- Василевич А.П., Кузнецова С.Н., Мищенко С.С.* Цвет и названия цвета в русском языке / Под общ. ред. А.П. Василевича. М.: КомКнига, 2005.
- Гарбовский Н.К.* Теория перевода. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007.
- Грегори Р.Л.* Разумный глаз / Пер. с англ. 2-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2003.
- Дикинсон Э.* Стихотворения: Сб. / Сост. М. Гаврилова. М.: Радуга, 2001 (на англ. яз. с параллельным русским текстом).
- Кустова Г.И.* Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Падучева Е.В.* Родительный субъекта в отрицательном предложении: синтаксис или семантика? // *Вопр. языкознания.* 1997. № 2. С. 18—30.
- Эко У.* Сказать почти то же самое. Опыты о переводе / Пер. с итал. А.Н. Коваль. СПб.: Симпозиум, 2006.

Р.А. Малинина,

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и методологии перевода Высшей школы перевода факультет МГУ имени М.В. Ломоносова.
E-mail: r_malinina@mail.ru

ОПЫТ ПЕРЕВОДА ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ШИРОКОЙ СЕМАНТИКИ (на материале немецкого и русского языков)

В статье рассматриваются возможности перевода лексических единиц широкой семантики с использованием семантического моделирования на материале немецкого и русского языков. Референциальная соотнесённость таких лексем и структур с достаточно большим количеством обозначаемых реалий позволяет выделить обобщающие семантические компоненты в семантической структуре сопоставляемых языков, которые наряду с дифференциальными семантическими признаками структурируют семантику анализируемых в статье лексических единиц. В процессе перевода выявляются эквиваленты, сравнение семантических структур которых показывает, что обобщающие семантические компоненты остаются величиной постоянной, в то время как набор дополнительных семантических признаков может отличаться от языка к языку, поскольку каждый язык проводит вербальную семантизацию по своему.

Ключевые слова: семантическое моделирование, архисема, дифференциальные семантические компоненты, сема, лексические единицы широкой семантики.

Rimma A. Malinina,

Cand. Sc. (Philology), Associate Professor at the Chair of Translation Theory and Methodology, the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov MSU, Russia; e-mail: r_malinina@mail.ru

Experiment of Translation of Lexical Units with Large Semantics

This article, based on German and Russian sources, is devoted to the translation of lexical units of wide semantics using semantic modeling. Referential correlation of such lexemes and structures with a considerable quantity of designated realities allows to distinguish generalizing semantic components in the semantic structure of languages compared. These components structure the semantics of lexical units analyzed in the article along with differential semantic characteristics. In the translation process equivalents are revealed and comparison of their semantic structures shows that generalizing semantic components remain constant while the set of additional semantic characteristics may differ from language to language. It happens due to the fact that the volume of meanings of a word is determined by the language it belongs to.

Key words: semantic simulation, archiseme, distinctive seme, semantic component, large semantics.

Присутствие в немецком языке достаточного количества слов с широкой семантикой можно рассматривать как одно из свойств, которое позволяет ему с помощью лингвистического или/и экстралингвистического контекста передавать большое разнообразие

смыслов. Говоря о широкой семантике, следует иметь в виду не только явно полисемичные лексические единицы, такие как *machen*, *halten*, *Hand*, о многозначности которых свидетельствует большое количество словарных статей, но прежде всего такие, которые в словарях представлены ограниченным количеством толкований. При переводе полисемичных единиц переводчик осуществляет выбор из нескольких переводческих эквивалентов с достаточно чёткими денотативными значениями, более или менее полный список которых отмечается словарём. Лексические единицы широкой семантики, как правило, представлены единичными эквивалентами с обобщённым «расплывчатым» контуром, перевод которых связан с поиском за пределами значений этого слова. Например, существительное *Termin* в русско-немецком словаре представлено значениями: 1. срок; 2. юр. слушание дела; толковый словарь Варига эти же значения дополняет несколькими словосочетаниями, которые демонстрируют дополнительное значение «срок оплаты», что немного облегчает поиск эквивалента, но совершенно очевидно, что сфера употребления подобных лексических единиц значительно шире и как следствие — возможное изменение семантической структуры.

Теперь обратимся к текстам, в которых это слово встречается.

1. Значение «срок» представлено четко в примерах: “*Bis zu welchem Termin können Sie die Arbeit fertig machen?*” — «До какого срока вы можете выполнить эту работу?» или “*Am 20. ist Termin*” — «20-го — срок оплаты».

Исходя из значений, зафиксированных в словарях, обобщающим семантическим компонентом можно считать «время, в течение которого происходит какое-то действие». В данном контексте семантическая конкретизация имеет вид -----|, где словом *Termin* обозначается точка на оси времени, служащая ограничением протекания действия во времени, причём действие предшествует точке времени, оно ограничено справа.

2. В следующем предложении: “*Herr Brösel soll alle Termine absagen und alle Anrufe notieren*” для понимания смысла фразы необходим контекст, выходящий за рамки словосочетания *Termine absagen*.

“*Frau Meyer (Chefin) schreibt eine Notiz für ihren Mitarbeiter. Sie muss nach London fliegen. Herr Brösel soll alle Termine absagen und alle Anrufe notieren. Frau Meyer ist am Montag wieder zurück.*” — Господин Брезель должен отменить все *деловые встречи* и записать входящие звонки.

Для правильной интерпретации слова *Termine* может помочь знание ситуации, в которой нормативно употребляется именно это слово. Модификацию обобщающего значения можно пред-

ставить как точку отсчёта времени, которое непременно имеет продолжение -----, временной континуум ограничен слева. В отличие от примера, рассмотренного выше, здесь временное значение осложняется дополнительными смысловыми компонентами «деятельность» и «наличие партнёра». Если рассматривать семантическую структуру данного слова иерархически, то дополнительные компоненты значения в этой ситуации играют доминирующую роль.

В русском эквиваленте — «запланированная деловая встреча», «переговоры» также присутствует временной компонент, поскольку действие должно развиваться во времени. Как в семантической структуре немецкого слова *Termin*, так и русского эквивалента «деловая встреча, переговоры» дополнительные семантические компоненты доминируют.

3. На значение, выявленное в предыдущем контексте, можно примерно ориентироваться при переводе таких фраз, как: *Da kann ich nicht. Da habe ich einen Termin*. Или *Er vergisst Termine*, где нет ясности, носит эта встреча деловой характер или это встреча с друзьями, но в любом случае это время не свободно, и тогда слову *Termin* соответствует эквивалент «встреча». И здесь временное значение сопровождает основное действие. Обобщающий семантический компонент сопровождает дифференциальные компоненты «деятельность», «наличие партнера», «неофициальность».

4. Еще одно уточнение значения *Termin* можно наблюдать в тексте объявления центра немецкого языка:

«Das Goethe Institut Moskau veranstaltet im Herbst einen Literaturklub zum Thema "Auf Spurensuche: Der Erzähler Georg Klein". Genaue *Termine* und Veranstaltungsorte finden Sie auf unserer Homepage www.goethe.de/russland». — О точных *сроках* и месте проведения вы узнаете на нашем сайте www.goethe.de/russland.

В слове *Termin* доминантой значения становится «время». Такому перераспределению компонентов значения способствует присутствие лексемы *Literaturklub*, вносящее в описание ситуации дополнительную информацию о том, что, во-первых, состоится мероприятие, заседание клуба, во-вторых, оно имеет начало и конец и, следовательно, на временной оси действие ограничено как слева, так и справа |-----|. В переводе на русский язык лексемы *Termin* может использоваться словосочетание «сроки проведения», где слово «срок» содержит ограничение времени в качестве обобщающего семантического компонента. Возможный вариант перевода «расписание мероприятий» несёт такую же смысловую нагрузку.

5. Рассмотрим еще один типичный случай употребления лексической единицы *Termin*. Смысловое наполнение ее «расплывчато» и в рамках словосочетания “einen Termin wollen”, и в рамках предложения “Wollen Sie einen Termin?” — кто-то нуждается в каком-то сроке. И только достаточно широкий контекст раскрывает конкретное смысловое содержание слова:

«Nur Patienten, die angemeldet sind, können zur vereinbarten Zeit direkt mit dem Arzt sprechen. Sie sucht die Nummer im Telefonbuch und wählt: “Guten Tag, hier spricht Helena Novakova. Ich möchte einen *Termin* für heute vereinbaren”».

Ключевыми словами становятся *Arzt*, *Patienten*, *anmelden*, они создают семантический фон для раскрытия смысла «визит к врачу». Визуальной поддержкой вербального текста может быть видеоряд, демонстрирующий соответствующую ситуацию. В описываемой ситуации инвариантное значение «время» сопровождает некоторую деятельность — консультацию у врача, на которую необходимо записаться.

В русском переводе «Я хотел бы записаться к врачу» глагол «записаться» имеет значение определения некоторой точки на оси времени. Семантическими компонентами кроме обобщающего «назначенное время» могут быть: а) орудие для письма; б) локальность (куда записывать, где делать пометки); в) пометка для определённой деятельности. В то время как в немецком *Termin* обобщающее временное значение эксплицируется предшествующим сочетанием *zur vereinbarten Zeit*, где *Zeit* — и есть синонимичное толкование термина *Termin*. Компоненты контекста могут уточнять другие обстоятельства.

6. В русле этого анализа интересен еще один пример.

— Wann feiern deine Eltern Silberhochzeit ?

— Am 13. Mai.

— Liebling, wann wollen wir heiraten?

— Auch im Mai. Vielleicht bekommen wir am 23. einen *Termin*.

Немецкая лексема *Termin* здесь также актуализует исключительно значение точки на оси времени. Дополнительную информацию о том, что это за событие, когда конкретно оно должно произойти, сообщает контекст. В русском переводе «Может нас запишут на 23 мая» эквивалентом *Termin bekommen* так же, как и в предыдущем примере, является глагольная лексема «записать».

Анализ немецкого материала показывает, что контекст модифицирует заданное значение лексической единицы широкой семантики, зафиксированной в словаре. В рассматриваемых примерах конкретизация объёма значения происходит сначала в системе значения лексемы исходного языка, затем в системе значения эквивалента; на следующем этапе анализа переводчик находит сопо-

ставимые языковые средства для максимально точной передачи смысла с одного языка на другой.

Из рассмотренных примеров следует также, что выбор такой последовательности, как слово — словосочетание — фраза — цепочка фраз, представляет собой один из важнейших путей, конкретизирующих широкую семантику лексических единиц, и для переводчика является одной из оптимальных возможностей правильного выбора эквивалента в родном языке.

Обобщая контексты, сопровождающие существительное *Termin*, можно сделать вывод, что лексические единицы с широкой семантикой содержат в своей структуре некий инвариант, в нашем случае «время», который независимо от потребностей перевода требует уточнения, видоизменения, «привнесения новых элементов в содержание» [Гарбовский, 2007, с. 398]. Слово «срок» в русском языке и “*Termin*” в немецком референциально соотносимы как формативы, обозначающие «время». В немецком языке *Termin* представляет время либо как точку на оси бесконечного континуума (6), либо точку, завершающую действие (1), либо с этой точки начинается событие (2, 3), либо это отрезок времени, в течение которого нечто происходит (4, 5). В семантике русского эквивалента «срок» также присутствуют компоненты распределённости на временной оси. И в исходном языке (немецком), и в языке перевода (русском) архисема [Гак, 1998] «время» сопровождает дифференциальные семантические компоненты, составляющие эквивалент перевода. И в немецком, и в русском языке происходит модификация значения, которая в немецком языках обусловлена элементами контекста, в то время как в русском приходится выбирать при возможности эквиваленты с инвариантом «действие, событие, имеющее некоторую форму протяженности во времени» (нуждающиеся также в некоторых случаях в контекстной интерпретации).

Как показывает анализ, немецкое *Termin* содержит комплекс временных характеристик, реализующихся в семантически релевантном контексте, и рассмотрение *времени* как исходного, базового компонента значения диктует необходимость ступенчатой интерпретации для достижения точности перевода.

Обратимся к еще одной лексической единице широкой семантики — существительному “*Einsatz*”. В русско-немецком словаре приводятся возможные варианты перевода: 1. участие, вступление; 2. (воен.) введение в бой; 3. ставка; 4. залог; 5. вставка, прошивка; 6. (техн.) садка металла.

Абстрагируясь от конкретных значений, в качестве глубинной характеристики семантики этого слова можно отметить «динамичное действие», «результативность», «предельность». Эти категориальные признаки позволяют наметить рамки значений.

Например, смысл фразы “Der Einsatz ist zu Ende” можно себе представить как завершение некоего действия. Как и в случае с “Termin”, для адекватной интерпретации ситуации, недостаточен контекст в виде фразы. Даже контекст, состоящий из цепочки фраз, раскрывает смысл фразы неполно.

«Notaufnahme. Die Sanitäter warten bereits und heben das Unfallopfer aus dem Wagen. Die Ärztin steigt aus und sagt nur kurz: “Rippenbrüche und Schock”. Der *Einsatz* ist zu Ende».

Фраза *Einsatz ist zu Ende* подводит итог произошедшего события, обобщает все действия, которые в приведённом контексте остаются неназванными. Поэтому для полной передачи содержания слова необходимо описание всего события, для того чтобы перевести последнюю фразу как «Вызов закончен», в которой слово «вызов» тоже представляет собой лексему широкой семантики, смысл его также уточняется на фоне достаточно широкого контекста.

Подобные обобщающие семантические признаки присущи не только лексическим единицам, но и некоторым структурам с наречными компонентами. Обычно об этом свидетельствует широта сочетаемости, нечеткость, «расплывчатость» семантики таких структур. Рассмотрим сочетание, состоящее из трех компонентов — *so weit sein*, где *so* — так, *weit* — далеко, *sein* — быть. Словари приводят такие варианты перевода *so weit*: 1. в известной мере, в общем и целом; 2. насколько. Последнее *soweit* служит вводящим придаточное предложение и будет исключено из анализа. Рассмотрим контексты, содержащие данную структуру.

Nach dem Mittagessen ist mein Großvater allein ins Wohnzimmer gegangen und hat den Weihnachtsbaum geschmückt. Wir Kinder haben zusammen gespielt und waren natürlich fürchtbar aufgeregt. Später hat meine Oma uns eine Weihnachtsgeschichte vorgelesen.

Endlich *war es soweit* und der Opa hat uns ins Wohnzimmer gerufen. — Наконец *настало время* и дедушка позвал нас в гостиную.

Абсолютно очевидно временное значение структуры. Речь идет о подготовке к Рождеству, когда взрослые украшают елку, укладывают под елку подарки для детей, и только потом наступает временной момент, когда взрослые приглашают детей для поздравления и празднования.

Sie soll warten bis ich *so weit bin*. — Она должна подождать, пока я не закончу.

Es ist bald wieder so weit — Скоро наступит (это) время.

В первой фразе должно быть закончено некое действие, для уточнения его требуется более широкий контекст. Акцент сделан автором на неопределённой длительности, которая должна закон-

читься в определённой точке времени. Во второй фразе речь идет о наступлении момента времени, с началом которого должно нечто произойти. И только последующее описание событий могут дать полную картину предстоящих событий.

Представленные особенности лексических единиц с широкой семантической основой обусловили выбор метода анализа, который, как представляется, максимально соответствует исследуемому объекту. Семантическое моделирование, опирающееся на семантическую иерархию компонентов лексической единицы, оказывается чрезвычайно важным для нашего анализа, поскольку рассматриваемые лексемы характеризуются широким семантическим содержанием, границы которого нечётки, расплывчаты. Возможность представить семантическую структуру слова в качестве комплекса элементарных смыслов, называемых семами, позволяет выделить такие, которые составляют конкретное, предметное значение, и архисемы или обобщающие семы, отражающие признаки содержания понятий, свойственные ряду понятий, объединяемых в классы. Конкретный смысл лексических единиц с широкой семантикой актуализуется в определённом типе контекста, где происходит такая модификация, при которой архисема сохраняется и дополняется другими семантическими компонентами. Анализ материала показывает, что обобщающий семантический компонент каждого из лексико-семантических вариантов остаётся постоянной величиной, а набор дополнительных признаков варьируется от контекста к контексту и от языка к языку, поскольку лексические единицы являются элементами системы языков, в которых семантизация действительности, присущая данному языку, наделяет языковые знаки своим набором дифференциальных семантических признаков.

Проблематичным остаётся вопрос, каким должен быть набор элементарных смыслов для достижения эквивалентности. Эксперименты показывают [Гарбовский, 2007], что для достижения эквивалентности переводного текста исходному оказывается достаточно передать половину общего набора элементарных смыслов. Наш эксперимент подтверждает идею теоретиков перевода о том, что при переводе происходит скорее увеличение элементарных смыслов, нежели их сокращение.

Что касается качественной и количественной характеристик контекста, необходимого и достаточного для понимания смысла, то анализируемый материал показывает, что минимальный контекст должен содержать столько и те лексические единицы, которые способны актуализовать дифференциальные семантические компоненты, активные в данной ситуации.

Список литературы

Гак В.Г. Языковые преобразования. М., 1998.

Гарбовский Н.К. Теория перевода. М., 2007.

Дзенс Н.И., Перевышина И.Р., Кошкарров В.А. Теория и практика перевода
СПб., 2007.

Комиссаров В.Н. Теория перевода. М., 1990.

Швейцер А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М., 1988.

Эко У. Сказать почти то же самое. СПб., 2006.

Honig H.G. Konstruktives Übersetzen. Studien zur Translation. Bd. 1. Tübingen,
1997.

М.Ю. Палажченко,

кандидат культурологии, старший преподаватель Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова

О НЕКОТОРЫХ СПОСОБАХ И ОСОБЕННОСТЯХ ПЕРЕВОДА ПОЛИТКОРРЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ

В статье анализируются различные способы перевода политкорректной лексики, вопросы, встающие перед переводчиками, и трудности, которые им приходится преодолевать. Отдельное внимание уделяется культурным различиям, которые, с одной стороны, затрудняют перевод, а с другой — наполняют заимствованные из языка-донора лексемы новым содержанием.

Ключевые слова: политическая корректность, способы перевода, эвфемистические замены, внутрисемиотический и межъязыковой перевод.

Marina Yu. Palazhchenko,

Cand. Sc. (Culture Studies), Senior Teacher at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov MSU, Russia.

On Certain Ways of Translating Politically Correct Lexemes

The article analyses different ways of translation of the politically correct lexemes, questions challenging the translators, and difficulties to be overcome. Special attention is paid to the cultural differences which, on the one hand, make the translation irrelevant and on the other — give a new substance to the borrowed lexemes.

Key words: political correctness, ways of translation, euphemistic substitutes, intersemiotic.

Когда на определённом этапе развития американского общества появилась необходимость в новом языке, который уважал бы основные права личности и обладал соответствующим словарным запасом, в университетах и колледжах США началась работа над созданием новой терминологии, целью которой было устранение расовой, гендерной и иных видов дискриминации. Такая терминология получила название политически корректной, а её главным принципом стало стремление избегать употребления лексем, обидных для представителей той или иной социальной группы, иначе говоря, так называемых «меньшинств», например расовых, сексуальных и т.п., чьи гражданские права ущемляются или не осуществляются в полной мере.

Таким образом возникла проблема внутриязыкового перевода с привычного английского, не считавшегося с чувствами и переживаниями традиционно притесняемых социальных групп, на новый язык, чуткий по отношению к вышеупомянутым слоям общества. Противники политической корректности сопротивлялись появле-

нию новых терминов, высмеивали их (иногда вполне заслуженно), называли презрительно *новоязом* (*Newspeak*). Но как бы то ни было вначале американцам, а за ними и прочим англоговорящим народам пришлось столкнуться с проблемами внутриязыкового перевода как минимум на бытовом уровне, так как несоблюдение правил политкорректности могло привести к самым серьёзным и драматическим последствиям: потере работы, разрыву отношений с друзьями и близкими, выплате крупных денежных штрафов по решению суда.

Перед теми, для кого английский язык не является родным, помимо необходимости усвоения новых терминов встаёт и проблема их адекватного перевода на родной язык. Необходимо принять во внимание то обстоятельство, что для большинства обладателей русской и — шире — российской ментальности политкорректность представляет собой довольно-таки новое явление языка и культуры. Это в свою очередь означает, что перевод новых английских терминов неизбежно будет сопровождаться трудностями при подборе соответствующих лексем русского языка.

Как это часто бывает, в тех случаях, когда в принимающей культуре отсутствует та или иная традиция и связанная с ней проблематика, то и в языке-реципиенте наблюдаются соответствующие лакуны. В подобной ситуации мы имеем дело не столько с подбором эквивалента, сколько с заимствованием нового понятийного аппарата и соответственно новой терминологии. Прежде всего, сами термины *политическая корректность* и *политически корректный* представляют собой перевод с английского языка на русский путём транслитерации. Это не означает, однако, что не было никаких попыток их смыслового перевода: например, Г.В. Чернов предлагал переводить *politically correct* как *общественно приемлемый*¹. То что этот вариант перевода не получил широкого распространения в языке-реципиенте, свидетельствует о весьма существенных различиях в особенностях двух культур — дающей (американской) и принимающей (русской): что является *общественно приемлемым* для американцев, не обязательно является таковым и для россиян. Интересно, что в процессе заимствования в языке-реципиенте появились не только сами приведённые выше словосочетания, но и их стянутые в одно слово формы — *политкорректность* и *политкорректный*. Общепринятую же для языка-донора аббревиатуру *PC* заимствовать не стали, видимо, потому, что в сознании людей, говорящих по-русски, она прочно ассоциируется с аббревиатурой для термина «персональный компьютер» [Чернов, 1996, с. 750].

В настоящей работе мы намерены рассмотреть ряд терминов, появление и существование которых обусловлено политкоррект-

¹ См.: Чернов Г.В. Американа. Лингвострановедческий словарь. М., 1996. С. 750.

ностью. В частности, с концептом политической корректности тесно связано явление, для обозначения которого в английском языке используется существительное *multiculturalism* и родственное ему прилагательное *multicultural*. Перенесение этих лексем на русский язык осуществляется на основе транслитерации и калькирования в довольно причудливых сочетаниях: *мультикультурализм* и *мультикультурный*, *многокультурализм*, *поликультурализм* и *многокультурность*, *поликультурность*. Несмотря на то что все эти слова отнюдь «не ласкают» русского уха, хотелось бы предостеречь от попыток переводить термин *multicultural* как *многонациональный*. Хотя эти лексеммы и имеют общее семантическое ядро, все-таки во многом они отличаются друг от друга.

Именно с существованием понятия *multiculturalism* связано появление таких этнонимов, как *Afro-American*, *Afro-Canadian*, *Afro-Caribbean* и прочих эвфемистических замен неpolitкорректной лексеме *negro*. В русский язык через заимствование попали *афро-американец* (возможно как слитное написание, так и через дефис), *афро-канадец*, встречается также употребление терминов *афро-бразилец* и *афро-россиянин*, *афро-русский* и даже *афро-москвич*. Лексеме *Native American*, по-видимому, соответствует *коренной американец*, а *Native Alaskan* можно перевести как *коренной житель Аляски*.

Необходимость адекватного перевода заставляет напомнить ещё об одном понятии, весьма актуальном для современного западного общества, а именно — о *sexual harassment*. С переводом этого термина на русский язык дело обстоит следующим образом: его пытаются переводить как *сексуальное домогательство* или *сексуальное преследование*, либо транслитерируют как *сексуальный харассмент* или даже транскрибируют — *сексуал харассмент*. Необходимо заметить, что этим термином обозначается не любое сексуальное преследование, а то, которое совершается на рабочем месте и ассоциируется с оскорбительными действиями сексуального характера со стороны мужчин по отношению к своим коллегам-женщинам; это, как правило, преследование начальником своих подчинённых. Для наиболее адекватного перевода этого термина необходимо помнить о существенных различиях в российской и американской культурных традициях — отсюда и весьма различающееся понимание того, что принято обозначать словосочетанием *sexual harassment*. Сложившаяся у нас производственная традиция вполне позволяет мужчинам оказывать коллегам-женщинам знаки внимания, выражающиеся в комплиментах по поводу внешнего вида, а также предлагать свою помощь при выполнении физически тяжёлой работы. В США, где отношения мужчин и женщин на производстве должны носить сугубо официальный характер, подобное поведение является совершенно недопустимым. На наш взгляд, перевод анализируемого английского термина зависит

от того, что под ним подразумевается: если речь идет о таких действиях, словах или жестах, которые большинством россиян воспринимаются как оскорбительные, то термины *домогательство* и *преследование* представляются наиболее уместными эквивалентами английской лексемы *harassment*. В остальных случаях больше подходит лексема *харассмент*, отличающаяся «иностранным» звучанием и весьма размытой семантикой.

Говоря о размытой семантике, мы подразумеваем, что наряду с *sexual harassment*, который происходит главным образом на работе, существует и так называемый *street harassment* (*уличный харассмент*). *Уличный харассмент* подразумевает как вербальные замечания, так и невербальные комментарии со стороны мужчин, сопровождающие появление или присутствие женщины в общественном месте и имеющие сексуальную направленность. Помимо этого современный английский политкорректный язык предлагает различать следующие виды сексуального домогательства: *ocular harassment excessive eye contact* (*чрезмерный зрительный контакт*), *insufficient eye contact* (*недостаточный зрительный контакт*). Также разновидностью сексуального преследования считается публичная демонстрация *obscene female nudity* (*непристойно обнажённой женской натуры*).

Неизбежно возникает «хороший», как говорят англичане, вопрос по поводу возможных переводов лексемы *harassed*: следует ли прибегнуть к дефинированию (например, *подвергшийся домогательствам*) или к использованию уже существующего, но имеющего более широкое значение в языке-реципиенте эквивалента *преследуемый*, или изобрести новый — что-нибудь вроде *харасснутый*?

Сегодня в сознании носителей английского языка термины *chauvinism*, *chauvinist* и *chauvinistic* чаще всего ассоциируются с мужским превосходством, в то время как их русские эквиваленты *шовинизм*, *шовинист*, *шовинистский* и *шовинистический* — с крайней степенью национализма. Это различие хорошо иллюстрирует следующий пример: на занятиях по английскому языку студентам МГУ предлагалось выполнить упражнение из популярного учебника, которое заключалось в заполнении пробелов подходящими по смыслу словами. Всего было 12 предложений, представляющих собой дефиниции разных терминов, и 12 лексем, заданных списком, выбрав которые надо было заполнить пустоты в предложениях. Одним из них было следующее: “A/an... person is someone who believes that the sex he or she belongs to (male or female) is better than the opposite sex in all ways” [Watcyn-Jones, 1988, p. 8]². Не все студенты догадались, что правильным выбором была в данном случае лексема *chauvinistic*. Даже те, кто сумели справиться с остальными 11-ю фразами, говорили, что в 12-й какая-то ошибка, ведь

² Watcyn-Jones P. Test Your Vocabulary. Book 4. London: Penguin English, 1988. P. 8.

шовинист и *шовинистический* применяются по отношению к радикальному национализму.

На наш взгляд, английское существительное *chauvinism* следует переводить на русский язык как *мужской шовинизм*, а *мужской шовинист* — менее удачный, но все-таки приемлемый (поскольку позволяет сэкономить на комментарии) перевод английского *chauvinist*, а вот адекватный перевод *chauvinistic* при помощи однокоренного прилагательного уже неосуществим. Можно было бы переводить его как *сексистский* при условии, что значение этого термина понятно большинству. Но у нас нет уверенности, что сегодня достаточно перевести *sexist* как *сексист*, а *phallocrat* как *фаллократ* без разъяснения, что этими терминами обозначают людей, по-прежнему считающих, что «курица — не птица, баба — не человек».

С целым рядом лексем ситуация еще сложнее, так как, кажется, их даже транслитерировать или транскрибировать трудно в силу того, что они «не ложатся» на русскую фонетику. Так, например, обстоит дело с термином *ablism*. Такие лексемы, как *lookism*, *sizeism*, *fattism*, *weightism*, в принципе можно позаимствовать путём транслитерирования или транскрибирования (что и произошло со словом *эйджеизм* — переводом английского *ageism*), но соответствующие им русские эквиваленты *смотризм*, *размеризм*, *жирдизм*, *весизм* и *возрастизм* представляются не вполне приемлемыми и не всем понятными. Думается, в таких случаях английские термины лучше всего переводить путём их дефинирования, например *lookism* — *дискриминация по внешним данным*, *sizeism* — *дискриминация по физическим параметрам*, *fattism* — *дискриминация полных людей*, *weightism* — *дискриминация по признаку физического веса*, *ageism* — *возрастная дискриминация*, *ablism* — *дискриминация по физическим способностям*. С последним непосредственно связан другой термин — *disabled*, который рекомендуется использовать вместо *invalid*.

В современном русском языке можно говорить о наметившейся тенденции проявлять чуткость по отношению к людям, которых до недавнего времени называли *инвалидами*: теперь их все чаще называют *людьми с ограниченными физическими возможностями*. Думается, что это выражение можно с полным основанием считать удачным переводом английского словосочетания *disabled people*. Вместе с тем это не единственная попытка его перевода: предлагался и такой вариант — *люди, не могущие совершать некоторые физические функции*³. Этот перевод, однако, также страдающий некомпактностью, содержит и очевидную ошибку в сочетаемости слов: *функции*, в отличие от *действий*, нельзя «совершать».

³ См.: Бовт Г. Не спрашивай и не скажу: Политкорректность эффективна даже с недостатками // Известия. 16.11.2002.

Помимо людей с ограниченными физическими возможностями в современном русском языке иногда употребляются и такие словосочетания, как *особенные дети* вместо привычного *дети-инвалиды*, а также люди с ограниченными возможностями слуха или зрения (вместо политнекорректных лексем *глухой* или *слепой*). Нам представляется, что подобные положительные сдвиги в российском общественном сознании произошли, в том числе, и благодаря влиянию английского языка, который всегда был более чутким в вопросах бережного отношения к личности. Итак, очевидно, что когда приходится иметь дело с переводом новых терминов, то зачастую речь идёт либо об их прямом заимствовании, либо о толковании.

Однако политкорректная лексика перестаёт быть безэквивалентной, когда сам язык ощущает необходимость появления новых лексем. Тогда и проблем с переводом становится значительно меньше. Характерным примером такого рода является термин *проститутка*, который считается оскорбительным как в английском, так и в русском языках. Еще со времён перестройки в советском, а затем и в российском обществе наметилась тенденция романтизации самого занятия проституцией и поиска эвфемизмов, призванных сгладить, смягчить грубое звучание привычного слова. Так, в языке появились всевозможные *путаны*, *жрицы любви*, *ночные бабочки* и т.п. По наблюдениям отечественных лингвистов, «нагруженность слова оценочными коннотациями иногда заставляет искать новые средства выражения той же идеи, но с другим оценочным значением»⁴. Зачастую импульсом для такого активного поиска является смена идеологических ценностных приоритетов, при которой некоторые слова с прочно закреплёнными за ними отрицательными коннотациями начинают заменяться на синонимичные им заимствования, которые вместо отрицательных коннотаций «преступности» имеют скорее положительные коннотации «заграничного шика»⁵.

Политически корректный английский предлагает следующие альтернативные варианты наименования представителей (причем безотносительно к их полу) древнейшей профессии: *sex workers*, *sex care providers*, *persons presenting themselves as commodity allotments within a business doctrine*. И на русский язык все эти словосочетания переводятся довольно легко: *сексуальные работники*; *лица, оказывающие сексуальные услуги*; *лица, выставяющие себя в качестве товарных лотов в рамках одной из доктрин бизнеса*.

⁴ Кобозева В.М. Лингвопрагматический аспект анализа языка СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учеб. пособие. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. С. 110.

⁵ Там же.

Такая готовность языка-реципиента к принятию новых лексем объясняется тем, что и в нём самом идёт поиск адекватных эквивалентов старому политнекорректному способу выражения. На самом деле, что касается «сексуальных работников» и «оказания сексуальных услуг», то трудно сказать, являются ли они дословным переводом с английского. Судя по материалам некоторых газетных и журнальных публикаций, это одна из немногих областей общественной российской жизни, где проблема речевой тактичности стоит особенно остро. Так, в общественное сознание ненавязчиво внедряется представление о том, что оказание услуг известного рода — это всего лишь один из видов профессиональной деятельности, которая не хуже и не лучше любой другой. Многочисленным «профессионалам» особенно импонирует словосочетание *сексуальный работник*, так как по своему звучанию оно очень напоминает выражение *социальный работник*, что придаёт ему определённую общественную значимость: «Во-первых, не проститутка, а *коммерческая секс-работница*. — Строго ответила Лера. — Это принципиально. И это принято во всем мире»⁶. Кстати, термин *проститутка* неудобен ещё и потому, что является существительным женского рода и применительно к мужчинам, занятым оказанием аналогичных услуг, звучит всегда вдвойне уничижительно.

Размышляя о политической корректности и проблеме межъязыкового перевода, мы пришли к выводу, что сегодня уже вполне уместно говорить о политкорректности и на материале русского языка. Отчасти под влиянием английского, отчасти по другим причинам, в нашем родном языке тоже появляются термины, которые с полным основанием можно назвать политически корректными. Так, уже говорилось о стремлении избегать употребления термина *проститутка* и о его возможной замене целым рядом альтернативных: *секс-работница* или *сексуальный работник*, *лицо, занятое в сфере секс-бизнеса* или *лицо, занимающееся оказанием сексуальных услуг*. В последнее время наметилась тенденция называть наркоманов *наркозависимыми* или *химически зависимыми людьми*, а ВИЧ-инфицированных *ВИЧ-положительными* или просто *положительными*. Если сравнить две лексемы: *наркоман* и *химически зависимый*, то сразу станет очевидным, что последняя не имеет той негативной стилистической окраски, которой обладает первая: если *наркоману* скорее всего следует ожидать общественного презрения и осуждения, то *химически зависимому* — сочувствия. Более того, *химическая зависимость* звучит скорее как название какой-нибудь болезни (вроде аллергии), в то время как *наркомания* — это крайне уродливый и опасный социальный порок (ср. *лекарствен-*

⁶ Московский комсомолец. 10.02.2001.

ная зависимость и алкогольная зависимость). И в данном случае мы имеем дело не только с переводом английского термина *chemically inconvenienced* на русский язык, т.е. с частным случаем межъязыкового перевода, но и с попыткой осуществить внутрисемиотический перевод уже в рамках лексической системы русского языка.

На наш взгляд, появление подобных лексем объясняется социальными и экономическими причинами. В последнее время в российском обществе и прежде всего в средствах массовой информации активно муссируется тема легализации проституции и легких наркотиков. Все чаще популярные телеведущие, журналисты, известные политики откровенно высказывают мысли о том, что давно настала пора приравнять занятие проституцией к любой другой профессиональной деятельности, а для этого открыть публичные дома и даже целые кварталы «красных фонарей». При этом, как правило, ссылаются на опыт «цивилизованных» стран, например Голландии. Та же Голландия часто приводится как пример гуманного отношения к наркоманам, и здесь нам предлагают использовать «передовой» опыт этой страны и прежде всего разрешить свободную продажу и чуть ли не бесплатную раздачу «легких» наркотиков. Если учесть, что наряду с торговлей оружием проституция и наркоторговля являются самыми доходными отраслями криминального бизнеса, то становится понятно, почему именно лексика, относящаяся к этим видам деятельности, попала в сферу соответствующего интереса.

Эвфемистические замены, которыми по сути и являются термины политической корректности, — это действенный прием создания положительного образа или нейтрализации негативных ассоциаций, возникающих у носителей языка при упоминании определенных лексем. Так, начавшееся после ельцинских «реформ» стремительное расслоение российского общества на богатых и бедных, потеря у одних людей накоплений и получение другими баснословных прибылей не могли не способствовать закреплению отрицательных коннотаций за лексикой, имеющей отношение к экономике и финансам. Например: «Не *эмиссия*, а *расширение денежной массы*» — так поправил В. Герашенко Е. Примакова (ОРТ. Время. 24.10.98). Вместо термина *капитализм* предпочтительнее употреблять другой — *экономика на реальных основах*; не следует вообще говорить о *богатстве*, лучше заменить эту лексему выражением *нажитое состояние*; поскольку слово *капитал* шокирует и отталкивает «простых» людей, то и его нужно заменить — *деньги* или *фонды, необходимые для большего накопления денег*⁷.

⁷ Примеры заимствованы: *Солганик Г.Я.* О языке и стиле газеты // *Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учеб. пособие.* М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. С. 276.

Однако в современной России собственный бизнес имеют не только «олигархи», но и мелкие предприниматели, которые считают термин *малый бизнес* не вполне политкорректным: во всяком случае, в одной из популярных телепередач его предложили называть *народным бизнесом* (НТВ. Свобода слова. 24.02.04).

Отечественное чиновничество также вносит посильный вклад в дело создания политкорректного лексикона на базе русского языка. Так, вместо лексемы *взятка* или *взятки* сегодня всё чаще встречается её политкорректная «альтернатива» *административная рента*, когда в СМИ появляется информация об очередной семье, вынужденной жить в аварийном доме, у местной администрации, как правило, существует иное, «политкорректное» видение этой ситуации — такая семья просто-напросто «проживает в *квартире с ограниченными удобствами*». Последнее словосочетание очень напоминает английскую эвфемистическую замену *substandard housing* для политнекорректной лексемы *slums* — трущобы. Когда же СМИ сообщают о замерзающих людях на Сахалине, Дальнем Востоке и в других регионах России, чиновники, который год не справляющиеся с выполнением своих обязанностей, отказываются признавать, что люди действительно *замерзают*: по их мнению, они просто *недополучают тепло*.

Как показали приведённые выше примеры, отечественные бюрократы умеют быть весьма изощрёнными в выборе политкорректных терминов, когда с помощью соответствующих эвфемизмов пытаются завуалировать ту или иную социальную проблему, требующую безотлагательного решения. Нежелание многочисленных чиновников нести персональную ответственность за неисполнение ими своих должностных обязанностей привело к появлению в русском языке словосочетания *человеческий фактор*. Видимо, появление этого термина призвано смягчить «нравственные страдания» творящих произвол бюрократов: во всяком случае, сегодня при анализе причин той или иной чрезвычайной ситуации часто можно услышать, что виновниками являются не конкретные люди, а пресловутый *человеческий фактор*.

Что же касается речевой тактичности по отношению к женщинам, людям с физическими или умственными недостатками и прочим традиционно притесняемым социальным группам, то здесь мы увидим очень мало изменений в лучшую сторону. Хотя справедливости ради следует отметить, что некоторые примеры политкорректной терминологии обнаруживаются и применительно к данной области. Так, Министерство образования приняло решение выдавать аттестаты нового образца детям с отклонениями в развитии. Дело в том, что прежние аттестаты содержали политически некорректную запись «*для детей с умственной отсталостью*». В но-

вых документах об окончании школы будет написано, что ребенок окончил «специальную (коррекционную) общеобразовательную школу». И в данном случае можно говорить о процессе внутриязыкового перевода, параллельно развивающемся в двух языках — английском и русском, если принять во внимание существование таких английских политкорректных терминов, как *mentally challenged*, *differently abled*, *children with learning disability*. Помимо приведённых выше политкорректными можно считать следующие русские термины: *люди с ограниченными физическими возможностями* (употребляемый взамен лексемы *инвалиды*), *люди с нетрадиционной сексуальной ориентацией* (как альтернатива лексеме *гомосексуалисты*).

На улицах больших российских городов часто можно встретить людей, раздающих листовки или с рекламными щитами на груди и спине, их так и называют *люди-щиты* или *люди-бутерброды*, хотя сами они предпочитают, чтобы для обозначения их деятельности использовались политкорректные синонимы: *рекламные агенты* или *промоутеры*. Это ещё один пример замены привычного, но грубого термина на его политкорректный эквивалент в рамках лексической системы русского языка.

Можно утверждать, что необходимость внутриязыкового перевода была вызвана изменениями в жизни общества (прежде всего американского), изменениями, связанными с предоставлением равных прав и возможностей для тех, кто прежде таковыми не обладал; с тем фактом, что большинство профессий в современном мире доступны как мужчинам, так и женщинам; с пониманием того, что нужно более чутко относиться к чувствам людей, не вписывающихся в так называемые «стандарты». То обстоятельство, что каждой лексеме, которую сочли неудачной, зачастую предлагается более чем один альтернативный вариант, свидетельствует о неустанной, кропотливой работе по созданию новой терминологии. Ведь с точки зрения языковой стилистики политическая корректность — это создание и сознательное использование эвфемизмов, т.е. наиболее благозвучных и наименее обидных слов.

Говоря об особенностях перевода политически корректной лексики с английского языка на русский, мы можем с определённой указать три основных способа его осуществления. Это, во-первых, прямое заимствование новой лексики на основе транслитерирования и транскрибирования, во-вторых, поиск возможных эквивалентов в русском языке и, наконец, в-третьих, описательный перевод. Кроме того, внутри самого русского языка происходит процесс поиска эвфемизмов, которые могли бы заменить собой существующие политнекорректные лексемы. Обе стратегии — перевод чужих политкорректных терминов и создание собственных — развиваются параллельно.

Мы видим, что необходимость перевода новых терминов с английского языка на русский побуждает и наших соотечественников серьёзно задуматься о вопросах более бережного отношения друг к другу, в том числе и за счёт использования соответствующего лексикона. Вместе с тем при изучении эвфемистических замен, которые уже сегодня применяются в русском языке, необходимо проанализировать принципы, по которым русские неполиткорректные лексемы или высказывания подвергаются «словесному облагораживанию». Очевидно, что в случае с политической корректностью адекватный и успешный перевод, как межъязыковой, так и внутрисемиотический, возможен только с учётом всех перечисленных выше обстоятельств.

Список литературы

- Виссон Л.* Русские проблемы в английской речи. Слова и фразы в контексте двух культур / Пер. с англ. М.: Р. Валент, 2003 192 с.
- Крысин Л.П.* Толковый словарь иноязычных слов. 2-е изд., доп. М.: Русский язык, 2000. 856 с.
- Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово/Slovo, 2000. 624 с.
- Чернов Г.В.* Американа. Лингвострановедческий словарь. М., 1996.
- Ayto J.* The Longman Register of New Words. 1990. Vol. 2.
- Beard H., Cerf C.* The Official Politically Correct Dictionary & Handbook // Harper Collins Publishers. 1992.
- Hornby, A.S.* Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English.
- Kramarae C., Treichler P.A.* A Feminist Dictionary. Boston: Pandora Press, 1985.
- Longman Dictionary of English Language and Culture.

ПЕРЕВОД И ЛИНГВИСТИКА

Е.А. Кожанова,

канд. филол. наук, ст. преп. кафедры теории и практики английского языка Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова.
E-mail: eklenushka@gmail.com

ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ПРОЦЕССА МЕТАФОРИЗАЦИИ (на материале английских метафор-неологизмов)

В данной статье рассматривается роль метафоры в процессе номинации новых объектов действительности, а также в формировании языковой картины мира. Основными сферами новообразований являются политическая, экономическая и сфера высоких технологий. В задачу входит выявление наиболее значимых экстралингвистических факторов возникновения метафор-неологизмов последних десятилетий.

Ключевые слова: метафора, неологизмы, языковая картина мира, экстралингвистический фактор, ассоциации.

Yelena A. Kozhanova,

Cand. Sc. (Philology), Senior Lecturer at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov MSU, Russia; e-mail: eklenushka@gmail.com

Extralinguistic Factors of Metaphoric Process in the Modern English Language

The article deals with the principle role of metaphors in the process of nomination. It illustrates how metaphoric constructions shape the linguistic worldimage. The dominant spheres of economy, politics and high technology provide new metaphors. The metaphoric constructions present a framework for viewing how the language changes along with the society and the world.

Key words: metaphor, neologisms, modernisms, linguistic world image, extralinguistic factors, associations.

Конец XX в. и начало нынешнего оказались богаты на события. Человеческое общество стремительно развивалось, а вместе с обществом обогащался и язык. Пожалуй, именно последние десятилетия оказались самыми продуктивными в плане появления в лексике новых единиц, новых слов и значений.

Глобальные процессы, произошедшие в мире в этот период, затронули все важнейшие сферы жизнедеятельности человека: социальную, экономическую, политическую, бытовую и новообразовавшуюся сферу высоких технологий. А именно эти сферы становятся источником неологизмов, в том числе и метафорических.

Рассматриваемая как способ создания языковой картины мира [Арутюнова, 1990, с. 1—5], метафора очень чутко реагирует на все

изменения в обществе. Дж. Лакофф подчёркивает, что «метафоричность — это не достоинство и не недостаток мышления; это просто неизбежность. При использовании метафор лучше воспринимаются абстрактные понятия и чрезвычайно сложные ситуации» [Лакофф, 1991, с. 387].

Поскольку языковая картина мира антропоцентрична по своей сути, то большинство новых номинаций связано с одной глобальной сферой *Человек и общество*. Надо сказать, что в прошлом веке общество перенесло ряд революций, что и привело к так называемому «неологическому взрыву».

Научно-техническая революция, сексуальная революция, развитие средств массовой информации, глобализация, формирование общества потребления, биполярный мир и последующий триумф капитализма — все эти экстралингвистические факторы обусловили огромный поток неологизмов, но некоторые так и не прижились. Им на смену пришли другие.

Именно тот факт, что формирование неологизмов в языке обуславливается развитием человеческого социума, позволяет с большой точностью определить, к какой эпохе относится то или иное слово, а также судить о состоянии языковой картины мира на тот момент.

Среди ключевых явлений последних десятилетий, повлиявших на обогащение языка новой лексикой, можно выделить прежде всего научно-технический прогресс и развитие средств массовой коммуникации, процессы глобализации, проблемы дискриминации и, конечно, мировой экономической кризис.

Одной из наиболее продуктивных сфер образования неологизмов является сфера новых технологий, которая возникла благодаря научно-технической революции XX в., которая привела к повсеместному распространению высокотехнологичных предметов (gadgets), тем самым повлияв практически на все области жизнедеятельности человека. Последние декады ознаменовались бурным развитием науки и техники, что обуславливает постоянный приток новых понятий для обозначения явлений, возникающих в жизни людей. Одни понятия приходят на смену другим, в связи с тем, что вместе с устаревающими технологиями устаревают и введённые для их обозначения термины. Так, например, вышел из обращения термин “floppy disk” (гибкий диск), на смену которому пришли другие устройства хранения информации, «флэшки» (flash memory stick).

Никого сейчас не удивит такими привычными метафорами компьютерной сферы, как window, icon, tools, frame и port.

Сегодняшнее киберпространство сравнивается с “my Grandmother’s kitchen” («кухня моей бабушки»). Базы данных представ-

ляются как памятные тарелки, которые обыкновенно висят на стенах в кухнях; поисковые системы тихо урчат как посудомоечные машины, а к концу дня накапливается куча мусора в виде корзины с файлами и письмами. Метафора “Grandfather’s clock” (высокие стоячие часы) вызывает ассоциации с возможностью повернуть время вспять. Любая компьютерная директория хронологически расширяется, позволяя изучить базу данных более детально. “The Junkyard” — метафора, которая семантически соотносит компьютер со «свалкой, кладбищем старых автомобилей», где заканчивают свой век старые файлы и ненужные данные.

Среди названий гаджетов и компаний компьютерных технологий популярна фруктовая тематика. Существует огромное количество версий, почему известная компьютерная корпорация Apple получила свое название. Наиболее правдоподобная утверждает, что основатель компании Стив Джобс сравнивал домашний компьютер с “a fruit of knowledge” («плод знаний»). Даже логотип компании представлен визуальной метафорой — «надкусанное яблоко» — мы все стремимся получить знания (откусить кусочек от плода). Надо отметить, что на первой эмблеме Apple был изображён Исаак Ньютон, сидящий под легендарной яблоней (как символ нового открытия). Вскоре ей на смену пришло сегодняшнее монохромное яблоко¹.

Весьма интересна история наименования знаменитого смартфона Blackberry (smartphone — «умный телефон»). После долгих поисков один из специалистов корпорации Lexicon предложил название “strawberry”, так как миниатюрные кнопки на телефоне напоминали крошечные зёрнышки земляники. Поскольку слово “straw” имеет долгий звук и не совсем благозвучно на слух, то его заменили на более краткий и открытый blackberry. Однако первоначально устройство называлось Leapfrog (перепрыгнуть), подразумевая, что технология телефона сумела опередить конкурентов на рынке.

Интересно, что это популярное устройство в США даже получило прозвище “CrackBerry” (по аналогии с наркотической формой кокаина, известной как «крэк») в связи с возможностью в реальном времени в любом месте получать почту, что входит в привычку и зависимость.

Другая интересная метафора, которая используется для обозначения группы смартфонов, — “thumb” («большой палец»). При наборе цифр и букв на панели телефона для быстроты и удобства пользователи обычно задействуют только большие пальцы. Слово

¹ Кстати, яблоко всегда ассоциировалось с какими-то достижениями, получением чего-то запретного: “apple of discord” («яблоко раздора»), “forbidden fruit” («запретный плод»).

может выступать и в роли глагольной метафоры: “to thumb” — посылать и получать текстовые сообщения.

Само слово “smart” очень продуктивно в образовании метафорнеологизмов. Так, появились smart board («умная доска», т.е. электронные интерактивные доски), smart card (пластиковая карта), smart device (интеллектуальное устройство), smart tool (компьютеризированное устройство), smart program (умная программа). По аналогии с метафорами из сферы высоких технологий возникли smart nutrition («умное питание» т.е. органическое, здоровое питание), smart money (умное капиталовложение или отступные), smart building («умный дом», т.е. интеллектуально оснащенный дом), smart economy («умная экономика») и т.д.

Несмотря на то что на Западе идут активные разговоры о «триумфе феминизма», метафора “glass ceiling” остается актуальной и часто встречается в прессе. В буквальном переводе “glass ceiling” означает «стеклянный потолок», что означает явление, заключающееся в том, что женщины, а также некоторые меньшинства (этнические/сексуальные) не получают возможности дальнейшего карьерного роста по достижении определённого уровня. Хотя де-юре (de jure) препятствий для этого не создается, де-факто (de facto) подняться по иерархической лестнице выше не представляется возможным. На основе этого понятия появилось еще одно — “marble ceiling” (“marble” — мрамор). Разница между этими понятиями заключается в том, что определенный класс людей не только не может занять важную должность (в данном случае в американском правительстве), но даже не может видеть, что происходит «наверху».

Во второй половине двадцатого века наплыв иностранной рабочей силы — в основном выходцев из стран Азии — вызвал распространение ксенофобии, что нашло своё отражение и в языке. Выражение “slant-eyed” (от “slant” — перекося и “eye” — глаз) стало использоваться для обозначения представителей монголоидной расы (например, китайцев).

Большой наплыв иммигрантов из Азии привёл к образованию в США смешанных семей. В эту эпоху американцев азиатского происхождения стали пренебрежительно называть “bananas” («бананы», жёлто-белые). Для выходцев из стран Ближнего Востока появился термин “towel-head” («towel» — полотенце, «head» — голова). Данная метафора основана на традиции представителей этой этнической группы носить тюрбаны.

Другим важным экстралингвистическим фактором, давшим почву для появления огромного количества новых значений, стала сексуальная революция, или революция нравов (“Sexual revolution”) — процесс и результат коренных изменений в нравственной

жизни общества, характерный существенным преобразованием нравственных ценностей, ориентаций, норм, санкций и отношений, освобождающих подавленную сексуальность, раскрепощающих личность и общество. Термин “sexual revolution” был введён психологом В. Райхом в 30-х гг. двадцатого столетия. Однако исторический период, с которым его соотносят, это 60-е гг. XX в. Именно в эту эпоху многие слова получают дополнительное значение.

Например, широкое распространение получило значение слова “gay” — «гомосексуалист». Этимология этого слова восходит к французскому языку. Изначально его значение было «весёлый, беззаботный». В XIX в. это значение видоизменилось, этим словом стали называть человека, ведущего разгульный, аморальный образ жизни. В настоящее время слово “gay” часто используется в разговорной речи как средство выражения своего негативного отношения к тому или иному явлению и может быть переведено как «скудный», «неприятный».

Другим примером слова, которое приобрело новое значение в результате революции нравов, может быть слово “stud”. В общебытовой лексике оно означает «гвоздь», «стойка». К концу XX в. этим словом стали называть любовника или любовницу (чаще его относят к мужчинам). В двадцатом веке слово получает новую метафорическую окраску и обозначает «душа компании».

Термин “metrosexual” (“metropolitan” — городской + “sexual”), введенный в 1994 г. британским журналистом Марком Симпсоном для обозначения современных мужчин любой сексуальной ориентации, имеющих ярко выраженный эстетический вкус и тратящих подчас много времени и денег на совершенствование своего внешнего вида и образа жизни, охарактеризовал переворот в индустрии красоты, пришедшийся на конец XX в. Этот переворот заключался в том, что теперь некоторые мужчины стали наравне с женщинами пользоваться услугами салонов красоты, косметологов и стилистов. В начале этого века появилась метафора “boytox” (“boy” — мальчик + “botox” — ботокс) для обозначения косметической операции с использованием ботокса, предназначенной для мужчин. Статистические данные в марте 2009 г. показали, что каждый пятый житель Великобритании, который соглашается на операцию с использованием ботокса в целях борьбы с признаками старения, — мужчина [Dent, 2008, p. 9].

Большое количество неологизмов также связано и с событиями в экономике. Главным событием в экономической сфере стал мировой финансовый кризис, для борьбы с которым в США была принята программа государственного финансирования обанкротившихся компаний. Это привело к возникновению термина “zombie company” (“zombie” — живой мертвец, ходячий труп), ко-

торый означает компанию, которая существует только благодаря вливанию денег со стороны государства.

Обсуждая экономику, президент США Барак Обама персонифицирует её и сравнивает с больным и ослабленным организмом: “Our economy is badly *weakened*...”

В своей речи в Университете Джорджтаун президент впервые упоминает излюбленную метафору медийщиков и экономистов “toxic assets” («токсичные активы») “...Our banks aren’t the only institutions affected by these *toxic assets* that are *clogging* the financial system.” Он широко использует метафору “*the heart of this financial crisis*” и продолжает: “...because it has stopped lending and the imagery created is suggestive of not only the crisis as a *cancer*, but also as a *blockage* that is clogging the *arteries* for credit flow.” Обилие медицинских терминов демонстрирует стремление Б. Обамы «вскрыть язвы и раны кризиса на теле экономики». Признавая, что любая рыночная экономика естественным путём испытывает “ebb and flow” (взлеты и падения), Б. Обама сравнивает кризис с “*a perfect storm* (идеальный шторм) of irresponsibility and poor decision-making that stretched from Wall Street to Washington to Main Street” [Barack Obama Progress of the American Economy: Speech at Georgetown University Washington, D.C. 14 April, 2009].

Примечательно, что эту метафору для описания глобального кризиса употребил и Российский премьер-министр В.В. Путин в своём выступлении на Экономическом Форуме в Давосе: «Есть известное понятие — идеальный шторм. Когда разыгравшиеся природные стихии сходятся в одной точке и кратно умножают свою разрушительную силу. Нынешний кризис похож именно на такой — *идеальный шторм*» [Путин В.В. Выступление на экономическом форуме в Давосе. 2009. Янв.].

В политическом дискурсе метафора очень часто используется политиками с персуазивной целью. Метафора, задействуя альтернативные схемы воздействия на аудиторию, является мощным приёмом политической манипуляции и своеобразным пиар-приёмом.

Недавним примером может считаться выражение “to push a reset button”, которое означает «начать с чистого листа, заново» (нажать на кнопку перезагрузки). Так, в интервью телекомпании NBC, говоря об отношениях между Россией и США, глава Белого Дома использует метафору “to reset U.S.-Russian relations”: “I think that it’s going to be important for us to *reset* U.S.-Russian relations” [Push for a Stimulus: Prime-Time Press Conference Washington, D.C. 9 February, 2009].

“Reset” — означает процесс перезагрузки системы. Также называется кнопка на корпусе прибора, которая вынужденно завершает все процессы и перезагружает систему. Неудивительно, что для

конкретизации новых установок сознания госсекретарь США Хилари Клинтон передала министру иностранных дел РФ Сергею Лаврову символическую «кнопку перезагрузки» — большую и красную, на желтой основе. Однако тут же выяснилось, что по стечению каких-то обстоятельств *произошел сбой системы*: по-английски на кнопке написали “reset”, а по-русски — «перегрузка». После всех прояснений этой описки Клинтон пообещала не допустить *перегрузки* в российско-американских отношениях.

Сама госпожа Клинтон не упускает возможности блеснуть красивыми метафорами. К примеру, основополагающим двигателем прогресса на международной арене Хилари видит в использовании “smart power” («силы здравого смысла»). Это понятие было разработано как альтернатива “hard power” («прямым военным действиям») и “soft power” («проявлениям мягкой силы») — дипломатия и использование субсидий для развивающихся стран.

Метафора “transparent” (прозрачный), можно сказать, стала ключевым словом в риторике Х. Клинтон при обсуждении международных отношений и политического курса других стран: “there must be ‘standards of *transparency* that provides credibility to the entire process’ of moving towards a treaty to tackle climate change” [No ‘transparency’, no climate deal: Hillary Clinton. — online edition The Times, December 12, 2009]. Комментируя инцидент с компанией Google в Китае в январе 2010 г., Госсекретарь заявила: “We also look for that investigation and its results to be *transparent*” [Hillary Clinton calls on China to probe Google attack. — online edition BBC News, January 21, 2010/news.bbc.co.uk].

«Технически подкованный» Б. Обама часто использует слова компьютерных технологий. Например: “our nation is at war, against a far-reaching *network* (сеть, система) of violence and hatred” [Barack Obama Inaugural Address Washington, D.C. January 20, 2009].

Но не только технические термины стали обыденными в политическом лексиконе президента. Совсем недавно в авторитетном издании “National Journal” появилась статья Уильяма Инглунда, где он использует цитаты президента Обамы о сравнении покера с политикой и жизнью, которые в свою очередь наводят на мысли об изменениях в его политическом курсе: “If there is a single game that comes closest to recapitulating modern existence — that both mimics and informs the logic of a cluttered, challenging, bewilderingly complicated, less-than-all-knowing, partially comprehensible human society — it is *poker*”.

Также Инглунд отмечает, что Обама не просто использует метафоры о покере в своих речах, но и является любителем поиграть в покер [Will Englund “Obama as a Poker player” — online edition of National Journal Magazine, December 5, 2009].

В общебытовой сфере метафора чаще всего выступает для придания высказыванию большей экспрессии, а также для выражения личностного отношения говорящего к происходящему. “Police chase” — участок дороги, который контролирует полицейский, что вынуждает водителей проезжать его на низкой скорости. “Chase” в данном случае означает «охотничьи угодья», полицейский соответственно предстает в роли охотника, а автомобилисты его добычей.

Другое выражение “Parade maker” применяется к водителю, который едет медленно по дороге, в условиях которой его невозможно обогнать остальным участникам движения. Таким образом, позади него выстраивается «хвост» из машин, или «парад». Это понятие имеет резкую негативную окраску. Агрессивного водителя представляют с помощью метафоры “goad hog” (hog — свинья, боров). Этот водитель ведёт себя нагло и грубо, мешая проезду другим машинам, занимая все пространство дороги, т.е. «жадничает как свинья»².

Как отмечалось ранее, на основе метафоры-неологизма можно судить в какую эпоху и в связи, с чем она возникла. Существуют также и метафоры, которые сами относят предмет или человека к какому-то временному периоду. Например, термин “baby-boomer”, т.е. человек, который родился в период пика роста рождаемости в США в послевоенный период (обычно между 1947 и 1961 гг.). Однако сам термин появился где-то в 1970-х гг. Другой, более «свежий» пример — выражение “Obama baby” — т.е. человек, родившийся в период президентства Барака Обамы. Избрание первого афроамериканца на пост президента США, безусловно, стало одним из ярких событий XXI в. и всей американской истории, поэтому и время его президентства станет целой эпохой, которая наверняка еще приведет к возникновению не одного неологизма.

Список литературы

- Арутюнова Н. Д.* Метафора и дискурс // Теория метафоры. М., 1990.
Лакофф Дж. Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М., 1991.
Трофимова З.С. Dictionary of new words and meanings М.: АСТ, 2006.
Dent Susie Words of the year. Oxford University Press, 2008.

² Следующие фразы “greedy as a pig” (жадный как свинья), “you’re making a pig of yourself” (объедаться, быть эгоистичным) и “corporate pig” (корпоративная свинья) содержат подобные ассоциации с качествами этого животного.

Л.А. Манерко,

докт. филол. наук, проф. Высшей школы перевода (факультета) МГУ
имени М.В. Ломоносова. E-mail: wordf2000@yahoo.com

АНГЛИЙСКАЯ НАУЧНАЯ РЕЧЬ: ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ

В данной статье раскрываются основные этапы формирования английской научной речи. Автор показывает, как постепенно появляется английская научная речь, как она обогащается словами из разных языков — арабского, латинского, греческого, французского и других, и как затем происходит формирование «малого» синтаксиса, становящегося частью более сложных синтаксических единиц письменной коммуникации. Довольно часто процесс заимствования был связан с появлением переводных книг. Развитие разных областей деятельности человека опиралось на открытия учёных, появление новых идей и было связано с обогащением представлений учёных об окружающем мире на основе эмпирических и теоретических знаний. Постепенно, пройдя столь долгий путь — от XIV до XVIII столетия, — в английском языке складывается не только особый научный стиль, но и специальный научный дискурс.

Ключевые слова: научная речь, перевод, английский язык, пополнение словарного состава языка, номинативные конструкции, термин, терминообразование, специальный научный дискурс.

Larisa A. Manerko,

Dr. Sc. (Philology), Professor at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov MSU, Russia; e-mail: wordf2000@yahoo.com

English Scientific Discourse: Steps of Shaping the Subject

Main stages of the English scientific discourse are presented in this article. The author focuses on the appearance of the English scientific prose, shows how the vocabulary of the language is enlarged and enriched by Arabic, Latin, Greek, French, and other languages' words, how phrases and sentence become part and parcel of the larger syntactical units of the written communication. Borrowings were often adopted from translated books written in other languages. The development of various spheres of human activity was based on experiments of scholars, the appearance of new ideas; it was associated with the expanding scientific outlook provided by empirical and theoretical knowledge. Gradually, having covered such a long path from the 14 up to the 18th centuries in English there appeared not only a special scientific style, but also a specialized scientific discourse.

Key words: scientific discourse, translation, interpretation, the English language, enrichment of the vocabulary in the language, nominal constructions, term, creation of terms, specialized discourse.

Английская научная речь, имеющая в данный момент свои характерные черты и отмеченная международным влиянием, которое предполагает развитие различных областей человеческого знания, рождается после нескольких значимых событий в истории Великобритании и истории английского языка. Эти события охватывают

четыре века, начиная с XIV и заканчивая XVIII в. Традиционно этот период связывают с периодом Возрождения или гуманизма, появлением новых идей и устремлений во всех сферах деятельности общества, которые постепенно подводят к следующему этапу, называемому историками «Новым временем», связанному с исследованиями в науках и развитием промышленности.

С оформлением лондонского диалекта в XIV в. появляются стихотворные произведения, среди которых во второй половине этого столетия особо выделяются труды замечательного английского поэта дошекспировской эпохи — Джеффри Чосера. Его стихотворные произведения “*Canterbury Tales*” («Кентерберийские рассказы»), “*A Legend of Good Women*” («Легенда о добропорядочных дамах») переписываются во многих экземплярах и расходятся по всей стране.

Но мало кому известен тот факт, что одной из первых попыток передачи технического описания средствами английского языка среднеанглийского периода является перевод Джеффри Чосером латинского текста “*Compositio et Operatio Astrolabii*” («Устройство и применение астрольбии»), который изначально был написан арабским астрономом Миехала. Это была инструкция, возможно переведённая Чосером для своего маленького сына, который еще не изучал латыни. В первой части этого трактата Чосер даёт комментарий по поводу ряда терминов, почерпнутых им из латыни, среди которых встречается слово *altitude* («высота»). Его комментарий звучит следующим образом: *Thyn astrolabie hath a ring to putten on the thombe of the right hond in taking the height of thinges. And tak kep, for henes forthward I wol clepen [call] the heighte of any thing that is taken by the rewle ‘the altitude’, withoute moo wordes* [Robinson, 1966, p. 546]. Джеффри Чосер заимствует слово *altitude* из латинского языка, хотя в предыдущий, древнеанглийский, период более распространённым средством пополнения словарного состава английского языка была калька. Переведённый Джеффри Чосером научный трактат про астрольбию показывает, что для средневекового мира арабская и греческая наука обладали большими приоритетами по сравнению с латинским языком. Вследствие этого в английском языке появляются заимствованные арабские термины по астрономии (*azimuth, zenith, nadir*), математике (*algebra, ciphers, zero, algorithm* — последнее слово восходит к имени мусульманского математика al-Khwarizmi), алхимии (*alcohol, alkali*), греческие термины были связаны в основном с геометрией, среди них — *diagonal, hypotenuse, pentagon, polynomial*.

Определённую роль в развитии английского языка сыграл Джон Виклиф, автор перевода библии на английский язык. Джон Виклиф, будучи теологом, хорошо знал латынь, писал на ней, он был уверен, что не только духовенство, но и простой люд должен читать, знать и понимать слова—откровения Бога. Библия должна

дойти до каждого, она может стать всенародной. Он считал своим долгом делиться знанием, которое было подсказано ему этой «священной» книгой. Н.К. Гарбовский отмечает, что «почти до конца жизни Виклиф писал на латыни. Но в 1380 г. он принимается за перевод Библии на английский язык, точнее, он берётся за перевод Нового Завета и, возможно, части Ветхого Завета» [Гарбовский, 2007, с. 62]. Ввиду того что латинский текст был ближе Джону Виклифу, считается, что сам теолог перевёл Евангелие от Матфея, Марка, Луки и Иоанна на свой родной английский язык. Этот текст был написан чётко, ясно и понятно, хорошим английским языком. Однако текст перевода дополнялся, переписывался и корректировался его друзьями и коллегами для создания письменных вариантов, известных под названием *lollards* — «рукописных свитков, произносимых шёпотом». Хотя перевод Библии является плодом явного коллективного творчества, так как первый вариант, содержащий «строгий и почти во всём следующий латинскому тексту», был обработан соратником Виклифа — Николасом Херефордом (Nicholas Hereford), а «второй — более свободный, более английский» — Джоном Пурвеем [Гарбовский, 2007, с. 62—63], весь текст Библии, появившийся уже после смерти Виклифа (1384), известен как выполненный им, священником-евангелистом из Оксфорда. Перевод Библии разошелся по всей Англии среди разнообразных общественных слоёв — ремесленников, купцов, мелкого духовенства и, вероятно, меньше всего среди аристократии.

Оксфордский словарь английского языка указывает на то, что Виклиф использует кальку с латинского грамматического термина *praepositio* при образовании нового термина *prepiscion*, хотя до него монах Эльфрик перевёл каждый из элементов лексической единицы отдельно, создав слово, построенное из исконных английских компонентов *foresetnys*. Порядок слов в предложениях английского текста Библии сохраняет синтаксическое построение латинского языка. Вместе с тем в переводе фиксируются слова не только латинского, но и французского происхождения, например *glory* и *order*.

XV век становится веком книгопечатания: Уильям Кэкстон издает свою первую книгу на английском языке “The Rescuell of the Histories of Troy” («Сборник рассказов о Трое») в Нидерландах в 1473 г., которая была переведена с французского языка. Шрифт напоминал готический алфавит, распространённый в европейских странах северной Европы. В целом книгопечатание стимулировало появление большого количества переводов с классических на английский язык. По возвращении в Англию в 1476 г. Кэкстон опубликовал в своей Лондонской типографии “The Dictes and Sayings of the Philosophers” («Афоризмы и высказывания философов») [Иванова, Чахоян, 1999, с. 31]. Это была одна из первых книг, в ко-

торой появляется много заимствованных слов из латинского и греческого языков.

Все эти изменения внутри страны всецело опирались на те события, которые происходили в других странах Европы. В это время вершиной новой культуры по праву можно назвать Италию, где в конце XV — начале XVI в. сформировалось явление, названное впоследствии **гуманизмом** (от лат. *humanus* — человеческий). Петрарка был страстным любителем античной истории, и именно с него начинается изучение наследия Рима, а через него и Греции, в котором видное место занимало мировоззрение, свободное от отрешённости и аскетизма.

В Европе престиж латинского языка был чрезвычайно велик, он был основным средством общения. По мнению В.Н. Ярцевой, «само положение латинского языка... в эпоху Возрождения резко отличалось от положения всех других языков. С одной стороны, это был мёртвый язык в том смысле, что не существовало территории, где бы он использовался как язык народа, населяющего эту территорию, но с другой стороны, это был язык, которым в большей или меньшей степени активно владела определённая группа людей...» [Ярцева, 1985, с. 132]. Но в Италии, той самой стране, которая была ближе всего к латинскому языку, рождаются мысли о том, что следует больше внимания уделять своему родному итальянскому языку. Данте Алигьери в трактате «Пир» отметил: «Латинский комментарий был бы благом лишь для немногих, народный же окажет услугу поистине многим», кроме того, обиходный язык он уподобил хлебу из ячменя, а не из дорогой пшеницы [Гуманисты, 2007, с. 261].

Но, как отмечает Г.А. Дианова, до XVI в. серьёзная проза (научная, философская, дидактическая) была областью, где безраздельно господствовал латинский язык [Дианова, 1995, с. 32]. «Родной язык еще не опирался на традицию и не настолько сформировался, чтобы на нём могли излагаться научные рассуждения и технические проблемы. Здесь предстояло еще заново создать слова и выражения, предложения и стиль, и выработка научной и технической прозы представляла гораздо большую трудность, нежели выработка литературной прозы, ибо путём приспособления мыслей к фактам надо было добиться такой объективности и однозначности выражения, которой поэтическая речь поступает в пользу красоты, выразительности, фантазии и настроения» [Ольшки, 2000, с. 36].

XVI столетие для Европы прошло под знаком всё возрастающего интереса к утерянному знанию классических времён (the revival of learning). Учёные хотят расширить своё представление об окружающей действительности, а для этого им нужно экспериментиро-

вать, осваивать новые земли и территории, развивать торговлю. Экспансия человека, продиктованная необходимостью продвигаться всё дальше на запад в Америку и на восток в Индию, поддерживалась открытиями в науке. В этот период происходит несколько очень важных открытий, которые постепенно меняют представления людей: открытие магнетизма привело к изобретению компаса, фиксируются достижения в картографии, которая была жизненно необходима морякам и путешественникам, научной революцией было создание новых теорий в астрономии и описание движения земли по отношению к другим планетам и звёздам, разработанное Коперником. Католическая церковь, как мы знаем, не приветствовала новых идей, хотя ей не нравилась не сама суть гелиоцентрической теории, а то, что гуманистическая наука предоставляет множество свобод и интеллектуальную независимость учёным, возможность доказывать свои идеи эмпирически или посредством рациональных аргументов.

Для Англии XVI век является также не менее показательным в плане развития научной речи. В 1531 г. Томас Элиот написал книгу “The Governour” («Наставник»). Это была первая попытка создать учёный труд на родном языке. Т. Элиот сделал это вполне сознательно: в предисловии он объясняет, что ему было бы проще её написать по латыни, но он хочет доказать, что и на английском языке можно писать на серьёзные темы [Иванова, Чахоян, 1999, с. 32].

В XVI в. появляется В. Шекспир и другие авторы той великой елизаветинской эпохи, которые вместе со своими произведениями несли новую культуру в английскую цивилизацию. Заимствуется большое количество новых слов, расширяется словарный состав английского языка, создаются новые лексемы в соответствии с типичными английскими моделями слов. Среди лексических инноваций В. Шекспира, которые пополняют английский язык, мы встречаем такие, как *antipathy, critical, demonstrate, emphasis, horrid, prodigious, vast*. Точно известно, что Шекспир образовал новые лексические единицы, которые сохранились в английском языке и сегодня — *accommodation, assassination, dislocate, obscene, pedant, reliance, submerged* [Graddol, Leith, Swan, 1997, p. 145]. Среди созданных Шекспиром неологизмов мы находим расширение использования существующего слова за счёт его перехода в другой грамматический класс: он употребляет существительное вместо глагола и глагол вместо существительного. Так, например, король Лир так описывает свою дочь Корделию в первом акте первой сцены:

*“Unfriended, new-adopted to our hate,
Dower’d with our curse, and stranger’d with our oath”.*

Будучи драматургом, Шекспир, без сомнения, желал изобразить мир состоящим из событий и происшествий, вследствие этого пере-

ход глагола в существительное несёт не стилистический оттенок, а направлен на воплощение в языке процессуальности событийного имени. Процессы, действия, ситуации, изменения, положения дел локализованы во временном пространстве и представляют собой сущности мира событий. В отражении события основным является признак релевантности, выделенности из потока происходящего [Аругюнова, 1999]. Следует обратить внимание на то, что этот драматический мир сильно отличается от предлагаемого предлагается гуманистической наукой, которая пыталась внести порядок в быстротечный ход истории, в результате чего появляется мир, состоящий из бесчисленного количества вещей и разнообразных объектов, достойных изучения. Английский язык постепенно становится общенациональным языком, что находит воплощение и в зарождающихся стилях речи образованных горожан в столице Англии.

Период Реформации даёт много положительных моментов для развития просвещения и появления английского языка нового периода: перевод Библии на английский язык, выполнен в период правления короля Иакова, законодательство пишется и осуществляется на английском языке, вследствие этого возникает необходимость создания множества новых понятий и закрепления за ними создаваемых лексических единиц. Важной причиной, которая помогла людям все чаще обращаться к изучению естественного мира, было понимание того, что человек, а не Бог является творцом всего того, что он видит вокруг себя [Graddol, Leith, Swan, 1997, p. 138].

Пуритане проявили интерес к языку, на который они могут влиять в соответствии со своими пожеланиями. Вследствие этого появляются трактаты о языке, составляются грамматики и словарные источники английского языка. Учёные-пуритане говорят о «чистоте» английского языка, стараются подтолкнуть его развитие, указывая на его превосходство в отражении реалий окружающего мира над латинским языком, и вместе с тем пуритане закладывают основы английского красноречия и риторики, которые по уровню должны быть не ниже возможностей латинского языка [Graddol, Leith, Swan, 1997, p. 153]. Заимствование диалектной лексики создаёт основу для развития интереса к истории на основе широкого изучения социальных условий в стране, подготавливает фундамент для осознания английского языка как национального языка, способного объединить всех англичан перед Богом.

Кроме того, XVI век в Англии был не только эпохой Возрождения, но и веком складывания нации. В Европе того времени велась ожесточённая борьба против схоластики. Защитники латыни стремились сохранить кастовость науки и религии. Использование родного языка как для научных трудов, так и для ведения теологических диспутов открыло широкие возможности для ознакомления

непосвящённых с обсуждаемыми вопросами, что, с точки зрения представителей схоластического мировоззрения, было в высшей степени нежелательным.

Зарождение функционально ограниченного стиля английской научной прозы относится именно к XVI в. «Английский язык... в XVI веке начинает всё больше проникать в область серьезной литературы» [Ярцева, 1969, с. 95]. В Англии складывается своеобразная и противоречивая ситуация. С одной стороны, отмечается громадный интерес к античному наследию, большой престиж классических языков в глазах писателей и ученых XVI в., резкое увеличение переводов с латинского языка. Об этом свидетельствует тот факт, что фундаментальные работы в это время пишутся на латинском языке, а менее значительные по своему научному содержанию — на английском, причём, как правило, в стихотворной форме [Ольшки, 2000, с. 23]. Кроме того, в середине XVII столетия существовала оппозиция между двумя группами лиц: с одной стороны, это учёные и джентельмены, которые понимали латынь, а с другой — купцы и торговые люди, у которых отсутствовало классическое образование.

Суть проблемы столкновения английского языка с латинским «состояла... не в том, что английский язык должен был просто заменить собою латинский в некоторых традиционных сферах этого последнего. Объём новых идей и представлений, новые горизонты науки, открывавшиеся перед всеми областями человеческого знания в эпоху Возрождения, требовали и нового, не скованного традициями орудия мысли. Латинский язык в той форме, в которой он был узаконен многими столетиями средневековой философии, религии, риторики, не мог удовлетворить новые требования... Латинский язык в Англии был чужим языком в чужой стране. Времена двуязычия, когда свой язык и чужой язык разграничивали сферу своего использования в Англии, безвозвратно прошли. Создание языка, единого для всей государственной территории с теми социальными ограничениями, которые вызывались классовым строением общества, требовалось условиями формирования английской нации, одним из признаков которой была общность языка» [Ярцева, 1969, с. 114].

Вместе с тем с оформлением национального самосознания английского общества, изменениями в структуре общественных отношений встаёт вопрос о появлении стандарта английского языка и стандартизации в английском языке. По мнению Д. Лейта и Д. Грэдолла, «английский был языком, преобразованным из разговорной формы в стандартизированный вариант, который мог бы идентифицироваться с Англией как государством нации» [Graddol, Leith, Swan, 1997, p. 138]. Стандартный язык согласуется с имею-

щимися нормами, обычно кодифицируемыми в словарях и грамматиках, связан с более широкими **институциональными целями**, направленными на образование, правительство и науку и представленными в печатном виде для образованных людей.

Стандартизация прежде всего опиралась на письменную форму языка. Четыре основных процесса ведут к стандартизации:

— **отбор** одного из вариантов языка, который становится государственным, национальным языком и который используется и поддерживается наиболее влиятельной, социальной или этнической группой людей;

— **кодификация** связана с упорядочением внутренней вариативности, установлением норм грамматического, лексического использования, правильного написания слов;

— **совершенствование** предыдущей формы для новых нужд или создание новой формы языка для разнообразных функций, что требует расширения ресурсов языка, создание нового специального вокабуляра и даже новых морфологических и словообразовательных структур; Эйнар Хауген в 1966 г. предложил следующую известную формулу применительно к социолингвистике: «Минимальная вариативность в форме, максимальная вариативность в функции»;

— **осуществление, выполнение**: на языке должны составляться тексты, использование языка для официальных целей, поощрение тех, кто развивает лояльность и гордость за свой родной язык [Graddol, Leith, Swan, 1997, с. 138].

Появление научного дискурса, характеризующегося как институциональный, связан с XVII столетием. В это время в Европе возникли первые научные общества, академии, научные журналы. Те же процессы мы наблюдаем и в Англии. В 1660 г. по указу Карла II учёные Джон Валлис и Джон Вилкинс помогают создать Королевское общество, которое должно было пропагандировать эмпирические научные исследования. Основатели Королевского общества считали, что необходимо представлять новые данные, получаемые эмпирическим путём. При этом члены Королевского общества сталкиваются с трудным выбором: для обмена идеями нужно использовать латынь как некий *lingua franca* или следует писать о своих открытиях на своём родном языке. Использование латинского как международного языка привлекало публику Европы и других стран, но в то же время отталкивало часть образованных людей внутри страны, которые бы хотели приобщиться к учёному кругу. С другой стороны, английский язык достигал разных слоёв населения, поэтому на этом языке поначалу появляется только лишь научно-популярная литература.

Интересным фактом является то, что **математики** в середине XVII столетия предпочитали использовать латинский язык, для того «чтобы сохранять свои открытия и доказательства в секрете, записав их шифрами, особым языком, а затем отправив свои описания Королевскому обществу в специальных ящичках, скреплённых печатями. ...Медицина и хирургия, больше специализирующаяся на латыни, использовала этот язык как “внутренний язык для общения”» [Graddol, Leith, Swan, 1997, p. 173]. Необходимо, однако, заметить, что в «Новое время» характер научной латыни значительно изменяется: она обретает специализацию в зависимости от обслуживаемой ею области, чего не знала латынь эпохи Возрождения, но именно латинский язык даёт модели для образования терминов и иных специальных слов. Медицина, фармакология и хирургия впитывают эти элементы в большом количестве. В латинском языке появляется много высокопродуктивных суффиксов и префиксов, которые будут в дальнейшем использоваться в терминообразовании разных областей знания, представленного на английском языке. В английском языке постепенно появится множество слов, почерпнутых латынью из греческого и создаваемых на основе основ, называемых «радиксоидами» или интернациональными элементами. По мнению А.В. Суперанской, «греческий в силу специфики своего строя оказался удобным для создания специальных слов. Латинский в силу своей распространенности на огромной территории оказался переносчиком и передатчиком специальной лексики на значительные расстояния» [Суперанская, 2005, с. 242].

На развитие естествознания и философии в течение более чем двух тысячелетий большое влияние оказывали взгляды Аристотеля. Ценность его теорий заключалась в идейном богатстве, многообразии и убедительности аналитико-синтетических построений, а также в широких возможностях их применения учёными различных школ. Аристотель был одним из первых учёных-греков, который говорил о знании, которое может быть интуитивным, куда не вторгается наблюдатель, и которое приходит само собой, и дискурсивно-рассудочным, опосредованным с помощью умозаключений и логических доказательств [Новодранова, 2007, с. 137]. Знание для Аристотеля означало знание первых причин или элементов вещи: 1) сущности и «суть бытия вещи»; 2) материи, или «того содержимого вещи, из чего она возникает»; 3) источника движения, или «того, откуда начало движения»; 4) цели, или «того, ради чего» создаются вещи и движение в наблюдаемом мире [Аристотель, 1976, т. 1, с. 70; 146; Манерко, 2006, с. 65]. «Всякое научное знание, по Аристотелю, — это знание об общем. Знание универсалий (прежде всего четырех причин) постепенно усваивается через ступени

познания: ощущение — память — опыт — наука» [Новодранова, 2007, с. 137].

Умозаключения Аристотеля были теоретической основой учения о трансмутации в **алхимии**¹, в котором воплотилась мечта о превращении неблагородных металлов в золото и серебро при помощи химических реакций. Аристотель утверждал, что перво-материя (*materia prima*) — основа органической и неорганической природы, но из неё можно создать и вторичную материю (*materia secunda*).

Неудивительно, что «химики» не видели существенной разницы между живой и неживой природой. Это подтверждают некоторые названия, широко применявшиеся в алхимических трактатах: «кровью голубя», например, назывался свинцовый сурик, «костями тифона» — железо, «кровью» и «костями дракона» — оксиды щелочных металлов, «беглецом», «летающей» или «лёгкими облаками» именовалась ртуть, «свернувшейся кровью» или «красной» — медь, «волком» — свинец [цит. по: Дианова, 1995, с. 32].

Г.А. Дианова отмечает, что появившиеся три алхимических принципа: — «философская ртуть» — носитель металлических свойств, «философская сера» — горючее начало, которое делает возможным разложение металлов, придаёт им летучесть, и «философская соль», которая придает телам вкус, твердость, способность растворяться в воде. Эти три алхимических принципа назывались *tria prima* или гипостатическими принципами, поскольку они являлись основой вещества и были не веществами, а метафизическими абстракциями свойств, определяющих природу веществ» [Partington, 1948: vol. 1, p. 431; Цит. по: Дианова, 1995, с. 32]. «Серу», «ртуть», «соль» нельзя смешивать с общеупотребительными: они представляют только отвлеченные понятия, удобные для обозначения группы свойств.

Алхимики представляли свою теорию в виде треугольника, символа абсолютного равновесия: в первом углу они ставили знак серы — символ силы, во втором — знак ртути — символ материи, в третьем — знак соли — символ движения [Пуассон, 1984, с. 13]. «Процесс Великого Деяния алхимики осуществляли в сосуде, который они называли яйцом, принимая во внимание его форму и считая, что философский камень выходит из него как из яйца... Алхимики сравнивали процесс Великого Деяния с музыкой. Они придерживались учения Пифагора о космической “гармонии сфер”, согласно которой в основе музыкальных тонов и гармоний

¹ Следует заметить, что само слово «алхимия» появилось от латинского слова *alchemia, alchymia* — от египетского слова *chemi*, что означает «черный», причём в греческом языке, который почерпнул эту лексическую единицу из египетского, есть слово *χημα*, которое обозначает «сплав (металлов)», «литье», «поток», а также *χημεισις* — «смешивание», отсюда появляется известная всем единица «химера».

лежит количественно определённый интервал» [Дианова, 1995, с. 15]. Поскольку учёные «были людьми религиозных убеждений, неудивительно, что их работы были пронизаны доктринами христианства. Так, алхимики обычно уподобляли христианскую мистику о триединстве Бога алхимической мистике о триединстве философского камня. Джордж Рипли, каноник из Бридлингтона, предпослал своей работе “Compounds of Alchemia” следующую молитву: “O Unity in the Substance? And Trinity in the Godhead // As Thou didst make all things out of the chaos, so let me be skilled to evolve our microcosm out of one substance in its three aspects of Magnesia, Sulphur, and Mercury”» [цит. по: Дианова, 1995].

Согласно мнению Г.А. Диановой, «с того момента, когда алхимия перестала быть тайной и встала на службу человеку, коренным образом изменился и её язык. Книги пишутся уже не только для посвящённых, а для широкого круга лиц. Об этом специально указывается на титульном листе книги: “...published for the good and benefit of the public”, “...in tendency to a common good? And the increase of the true Science” и т.д. Жанровая дифференциация в этот период начинает только оформляться» [Дианова, 1995, с. 24—25]. Столь популярная в предыдущий период алхимическая поэма прекращает свое существование, самой распространённой формой изложения является трактат.

В литературе того времени встречаются также замечания и о том, что английский язык ещё не был оснащён специальными языковыми средствами, предназначенными для научной аргументации.

Научное Королевское общество высказывает идею о создании комитета, который бы смог утверждать новые формы английского языка, подобно тому как это было осуществлено в академиях других европейских стран. Сначала Джон Валлис — один из основателей Королевского общества — публикует в 1653 г. свою грамматику английского языка, которая рассматривалась как самая первая попытка систематизировать структуру английского языка, отличающуюся от категорий и терминологии, предлагаемой латинскими грамматиками. А затем в 1664 г. Королевское общество проголосовало о создании комитета, который бы улучшал английский язык. Тот же Джон Валлис чуть позже публикует работы по математике, изобретает математический знак бесконечности, разрабатывает специальные шифры для секретных посланий во время военных действий, создаёт систему обучения глухих, а также прикладывает руку к архитектуре, разработав проект для самоподдерживающейся крыши Шелдонского театра (Sheldonian theatre) в Оксфорде.

Можно сказать, что Королевское общество направляет деятельность учёных, будучи неким социальным институтом. Институциональность связывают с особенностями организации и подачи на-

учной информации посредством ясного и логичного изложения мысли. Английская письменная речь должна характеризоваться максимальной эксплицитностью, доказательностью изложения, некоторой клишированностью в соответствии с нормами общества. Наука связывается с формой общественного сознания, которой должен обладать каждый член всего научного сообщества. Индивидуальные варианты научной картины мира объективируются в виде научных текстов, в которых растолковываются какие-либо понятия, связи и отношения между наблюдаемыми процессами и явлениями, учёные высказывают своё мнение о состоянии какого-либо отдельного фрагмента научной картины мира.

Среди тех, кто первым описывает на английском языке свои эксперименты с микроскопом, был Роберт Хук в монографии «Микрография». Эта работа в большей степени является повествовательной по своему стилю, была похожа на запись лекций и конкретных экспериментов. Предложения связаны друг с другом, они подводят читателя к сути представленного описания и рассмотренного им опыта.

Каждый раз учёные индивидуально решали, на каком языке им следует писать свои труды. Некоторые из них описывали свои опыты на латинском, а затем представляли этот материал на английском, другие учёные изначально доказывали, что и на английском можно изложить научные идеи. По мнению А.В. Суперанской, важным было то, что «при наличии свободного выбора для учёного, на каком языке писать, он не всегда избирал свой родной, потому что возникает вторая дилемма — кому адресована научная мысль: жителям ограниченной территории или международному содружеству учёных» [Суперанская, 2005, с. 131]. Многие учёные того периода (Ф. Бэкон, И. Ньютон, Р. Бойль) издавали свои труды на латинском и английском языках. Так, Ф. Бэкон написал свои «Эссе» на латинском и английском языках, поскольку был глубоко убеждён, что «латинский том будет жить столько, сколько будут жить книги, ибо латинский язык — вечный язык» [Bacon, 1883, p. 227]. Вместе с тем Ф. Бэкон, является родоначальником жанра эссе в английской литературе. Относительно самого слова эссе Бэкон пишет следующее: «*Certain brief notes set down rather significantly than curiously? Which I have called "Essays". The word is late, but the thing is ancient. For Seneca's Epistles to Lucilius, if one mark them well, are but Essays, that is dispersed meditations, though conveyed in the form of epistles*» [Bacon, 1883, p. 227]. «Каждое эссе Бэкона представляет собой законченное литературное произведение, написанное простым и ясным языком» [Дианова 1995: 25]. Другой учёный, Р. Бойль, предпочитает писать на английском языке. В его работе, которая называется «Электричество и магнетизм» ("Electricity and

magnetism”), появившейся в 1675 г., используются номинативные конструкции, такие как *the modification of motion in the internal parts, the Emanations of the Amber, an equal degree of heat, the Attraction*. Эти субстантивные фразы в большей степени, чем глагольные, создавали синтез смысла, передавали научное содержание идей и описываемых явлений, способствовали точности передаваемого понятия в предложении. Ср.: “...*it has been observ’d, etc., warm’d by the fire, does not attract so vigorously, as if it acquire an equal degree of heat by being chaf’d or rubi’d: So that the modification of motion in internal parts, and in the Emanations of the Amber, may, as well as the degree of it, contribute to the Attraction” [Boyle, 1927, p. 8—9]. Предложения становятся всё более длинными, распространёнными, сложносочинёнными и сложноподчинёнными.*

Следует отметить и тот факт, что начиная с XVII в. значительно возрастает количество научных публикаций. Это объяснялось прежде всего тем, что в период флогистона² научные исследования распространились на область техники, что привело к быстрому развитию новых производств. Научные общества и академии наук, часто субсидируемые промышленниками, проводили открытые обсуждения результатов научных исследований. С появлением периодической литературы учёные получили доступ к результатам работ своих современников и могли рассматривать их в свете собственных изысканий.

С марта 1665 г. в Лондоне начал издаваться научный журнал общества “Philosophical Transactions”³. Это был первый английский научный журнал, созданный для распространения в научном сообществе, в котором поощрялся жанр научной речи, фокусирующейся в основном на экспериментальной работе. Однако один из историков историографии науки отмечал, что тот английский язык, который используется для написания статей, не столь красив, “being clumsy in the English language” [Hunter, 1989, p. 250].

Конец XVII и начало XVIII в. считаются поворотным периодом в развитии английского языка и оформлении стандартного литературного варианта языка, а также с неиндивидуальных, а коллективных концептуальных систем научного дискурса. Этот период связан с совершенно новым этапом в развитии социального и культурного контекста среднего класса общества. Именно этот слой формирует выдающиеся умы английской нации.

² Научная теория, популярная в конце XVII и в начале XVIII в.; термин «флогистон» образован от греческого слова “phlogistos”, что означает «воспламеняемый», «горючий».

³ Почти в то же время такие научные журналы появляются и в других странах: в Париже — *Journal des savants* (1665), в Лейпциге — *Acta eruditorum* (1682), в Италии — *Giornale de letterati* (1710).

В этот период происходит формирование жанрово-стилистических разновидностей научной литературы. Наиболее характерными формами изложения становятся трактат (treatise) и рассуждение (discourse). Причём эти понятия не всегда чётко разграничиваются самими авторами. Так, Р. Бойль называл своё сочинение “The Sceptical Chymist” to discourse, to treatise, не проводя между этими названиями различия. И. Ньютон пишет статьи, называя их только treatise.

Англия была одной из первых стран, где учёные с большим энтузиазмом. приняли и опубликовали идеи Коперника о том, что центром вселенной является Солнце, а не Земля. И. Ньютон публикует в «Сообщениях Королевского общества» первую научную работу о новой теории света, озаглавленную “Opticke or a Treatise of the Refractions, Inflexions and Colours of Light” [Newton, 1952]. Это был новый для Европы пример короткой научной публикации на английском языке. На основе ньютоновской статьи по оптике можно схематически показать эволюцию научного дискурса и способ представления мира. Для описания физических явлений используется форма: A happens, so X happens («если что-то происходит, то и другое явление происходит») [Halliday, 1993]. Такой грамматической структурой подчеркивается, что события описываются с помощью глагола в обычной повествовательной форме. Подобное выражение мысли направлено на то, чтобы показать роль исследователя, который наблюдает за явлением, не вторгаясь в процесс, а затем описывает его. Тот научный стиль с использованием большого количества аналитических конструкций в английском языке начинает складываться вместе с появлением трактатов, навейных рассуждениями учёных в конце XVII и начале XVIII столетия.

Только позже, в XX столетии, появятся номинативные формы: happening A is the case of happening X («изменение какого-либо объекта происходит в случае или в результате того, что происходит изменение другого объекта»). А. Хэллидей отмечает, что «специальные языки в общем не характеризуются наличием особых структур, которые не фигурируют в каких-либо иных языковых подсистемах; их специфическим признаком являются особые лексические средства, которые не встречаются за их пределами» [Halliday, 1993, с. 37].

Учёные излагают свои работы и в личной форме, ср., например, описание экспериментального метода в работе И. Ньютона по оптике: “*I took a black oblong still paper... This paper I view'd through a prism of solid glass*”. Описания экспериментальных работ характеризовались преобладанием личных активных форм глагола, в которых присутствовал семантический оттенок «оценки», авторское «я»

встречалось при описании эксперимента, методики, наблюдения, суждения, предположения и т.д. Но в некоторых работах постепенно учёный отдаляется от наблюдаемого, делает выводы, открытия, предположения, и здесь используются безличные конструкции, например как в работах И. Ньютона по механике и физике: “*It is necessary that the force be of a just quantity, and it belongs to the mathematicians to find the force that may serve exactly to retain a body in a given orbit with a given velocity; and vice versa, to determine the curvilinear way into which a body projected from a given place, with a given velocity, may be made to deviate from its natural rectilinear way, by means of a given force. The quantity of any centripetal force may be considered as of three kinds: absolute, accelerative, and motive*” [Newton, 1967, p. 2].

В 1667 г. И. Ньютоном были сформулированы три знаменитых закона движения. Величайшим прозрением Ньютона было предположение, что сила тяготения Земли, действующая на Луну, должна убывать как квадрат расстояния между этими телами [Вавилов, 1945, с. 189]. Теория тяготения Ньютона согласовывалась с наблюдениями за движением планет с точностью порядка 10%. Однако ученый оставил занятия небесной механикой и не публиковал свои результаты.

В 1684 г. по настоянию молодого астронома Эдмонда Галлея Ньютон заново решил задачу, расширив изложение до большой статьи по основным законам механики и движения планет. Наконец, Галлей убедил Ньютона собрать вместе исследования по физике и астрономии в одну книгу. После полутора лет напряжённой работы Ньютон опубликовал в 1687 г., возможно, самую великую из всех написанных книг по физике: “*Philosophiae Naturalis Principia Mathematica*” («Математические начала натуральной философии»), или, как сокращённо говорят, «Начала».

Первая часть «Начал» состоит из семи дефиниций (Definitions), в которых И. Ньютон определяет такие понятия, как: “*the quantity of matter*”, “*the quantity of motion*”, “*the innate force of matter*”, “*an impressed force*”, “*a centripetal force*”, “*the absolute quantity of a centripetal force*”, “*the accelerative quantity of a centripetal force*”, “*the motive quantity of a centripetal force*”.

Для толкования физических понятий и явлений учёный использует популярный язык и стиль, неизбежно прибегая, однако, к использованию физической терминологии: “*velocity*”, “*curvilinear*”, “*a body projected*”, “*rectilinear*”, “*accelerative*”. В них изобилуют как безличные конструкции, так и выражение собственного мнения, а также имеется указание на «мы» или «нас», чем достигается полная объективность высказывания и указание на вещественность описываемых событий. Ср. отрывок, в котором И. Ньютон гово-

рит о пространстве: *“Place is a part of space which a body takes up, and is according to the space, either absolute or relative. I say, a part of space; not the situation, nor the external surface of the body. For the places of equal solids are always equal; but their suffices, by reason of their dissimilar figures, are often unequal. Positions properly have no quantity, nor are they so much the places themselves, as the properties of places. The motion of the whole is the same with the sum of the motions of the parts; that is, the translation of the whole, out of its place, is the same thing with the sum of the translations of the parts out of their places; and therefore the place of the whole is the same as the sum of the places of the parts, and for that reason, it is internal, and in the whole body”* [Newton, 1967, p. 4].

По мнению В.Н. Топорова, пространство по И. Ньютону — это «нечто первичное, самодостаточное, независимое от материи и не определяемое материальными объектами, в нём находящимися...» [Топоров, 1983, с. 228]. Такое понимание пространства характеризует точку зрения человека, пытающегося описать то, как человек видит, воспринимает и описывает мир вокруг себя. И. Ньютон пытается показать идею физического пространства, принципиально отвлекаясь от фактора восприятия пространства человеком. Его пространство принадлежит физике, геометрии, астрономии. Он констатирует уровень творца вещей, описание пространства несколько иное, чем пространство у Г. Лейбница, в котором находятся различные предметы и в котором находится сам наблюдающий.

Таким образом, становление английской научной речи прошло длительный период с XIV по XVIII столетие, чтобы стать именно тем языком, который используется сейчас и известен как «специализированный научный дискурс». Важно то, что, вобрав в себя множество заимствованных слов и элементов из разных языков, английский становится всё более аналитическим языком. В нём происходит постепенный отход от выражения личного мнения по поводу наблюдаемого явления, научное знание выражается объективно и точно. Постепенно в каждой отдельной области знания появляются определённые совокупности терминов, которые выражают точные, однозначные понятия. Для нужд терминологии используется конверсия, чтобы передавать как можно больше процессуальности и указывать на результаты наблюдаемых явлений. Стиль английского трактата и научной статьи вбирает множество номинативных фраз, безличных и пассивных конструкций, меняется порядок слов в предложении, а само предложение вписывается в большие синтаксические единицы — абзацы, сверхфразовые единства и т.д. Речь учёного всё больше становится похожей на современную профессиональную коммуникацию.

Список литературы

- Аристотель*. Метафизика // Аристотель. Соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1976. Т. 1.
- Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999.
- Вавилов С.И.* Исаак Ньютон. 2-е изд. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1945. С. 185—201.
- Гарбовский Н.К.* Теория перевода: Учебник. 2-е изд. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007.
- Гуманисты // Всемирная энциклопедия для детей. 2007. С. 261—263.
- Дианова Г.А.* Язык алхимии. Становление языка английской химической литературы XV—XVIII веков. М.: Изд-во МАЛЛ, 1995.
- Иванова И.П., Чахоян Л.П., Беляева Т.М.* История английского языка: Учебник. Хрестоматия. Словарь. СПб.: Лань, 1999.
- Манерко Л.А.* Наука о языке: парадигмы лингвистического знания: Учеб. пособие. Рязань, 2006.
- Новодранова В.Ф.* Типы знания и их репрезентация в языке для специальных целей // Когнитивная лингвистика: Новые проблемы познания: Сб. науч. тр. / Под ред. Л.А. Манерко. Вып. 5. М.; Рязань, 2007. С. 136—140.
- Ольшки Л.* История научной литературы на новых языках. Т 1. Литература техники и прикладных наук от средних веков до эпохи Возрождения / Пер. с нем. Ф.А. Коган и др. М.: Изд-во МЦИФИ, 2000.
- Разинкина Н.М.* Развитие языка английской научной литературы: Лингвостилистическое исследование. М.: Высшая школа, 1978.
- Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В.* Общая терминология. Терминологическая деятельность. М.: Едиториал УРСС, 2005.
- Ярцева В.Н.* История английского литературного языка IX—XVI вв. М.: Мысль, 1969.
- Bacon F.* Essays. N.Y.: The Mershon Company Publishers, 1883.
- Boyle R.* Electricity and Magnetism. Old Ashmolean Reprints, 7, series / Ed. by R.W.T. Gunter. Oxford Univ. Press, 1927.
- Robinson R.N.* The Works of Geoffrey Chaucer. 2nd ed. Oxford Univ. Press, 1966.
- Graddol D., Leith D., Swan J.* English: History, Diversity and Change. London; N.Y.: Routledge, 1997.
- Halliday M.A.K.* On the Language of Physical Science // Halliday M.A.K. Writing Science: Literacy and Discursive power. Basingstoke: Palmer, 1993. P. 17—33.
- Hunter M.C.W.* Establishing the New Science: The Experience of the early Royal Society. Woodbridge, Boydell, 1989.
- Newton I.* Opticks. 4th ed. L., 1730; repr. N.Y.: Dover, 1952.
- Newton, I.* The Mathematical Papers of Isaac Newton: In 8 vols. / Ed. by D.T. Whiteside. Cambridge: Cambridge University Press, 1967—1981.

Немонежная В.Ю.,

кандидат филологических наук, преподаватель Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: vika_ne@mail.ru

**ИНОЯЗЫЧНЫЕ ВКРАПЛЕНИЯ И СТИЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
(на материале исторического романа А. Конан Дойля «Белый отряд»)**

Данная статья посвящена проблеме влияния иноязычных вкраплений на стиль произведения и его адаптацию, выявлению случаев, когда форма высказывания является более важным аспектом, нежели содержание.

Ключевые слова: иноязычный, вкрапления, стиль, адекватный, эквивалентный.

Victoria Yu. Nemonezhnaya,

Cand.Sc. (Philology), Teacher at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov MSU, Russia; e-mail: vika_ne@mail.ru

Foreign Disseminations and the Style of Narration (based on the historical novel “The white Company” by Arthur Conan Doyle)

This article is devoted to the problem of foreign disseminations impact on the style of narration and its adaptation, spotting instances when the form of the statement is more important than the meaning.

Key words: foreign, dissemination, style, adequate, equivalent.

Наиболее полное определение иноязычных вкраплений, на наш взгляд, можно найти у С. Влахова и С. Флорина. Прочитав их, можно сказать, что иноязычные вкрапления — это «...слова и выражения на чужом для подлинника языке, в иноязычном их написании или транскрибированные без морфологических или синтаксических изменений, введённые автором для придания тексту аутентичности, для создания колорита, атмосферы или впечатления начитанности или учёности, иногда — оттенка комичности или иронии»¹.

По исторической традиции иноязычные фразы или афоризмы на латыни или древнегреческом языке в тексте считались признаком эрудиции, и многие учёные люди действительно так говорили.

Иноязычные слова и выражения в произведениях современных авторов уже давно перестали считаться варваризмами, однако они не могут похвастать той коннотацией и стилистической окраской, которую привносили их «аналоги» в начале XIX столетия.

Иноязычные вкрапления всегда вводились в текст с той или иной целью. Одно дело, когда в тексте оригинала встречается кры-

¹ Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения. 1980. С. 263.

латое выражение на латыни, легко распознаваемое любым читателем и не требующее дополнительных пояснений. В таких случаях переводчик чаще всего оставляет подобные вкрапления без каких бы то ни было изменений и пояснений. Совершенно по-иному обстоит дело с теми единицами чужого по отношению к оригиналу языка, которые автор вводит с целью повысить или понизить регистр речи, показать уровень образованности того или иного героя, намекнуть на что-то. В таких случаях переводчику приходится выступать ещё и в роли некоего «адаптера», поясняющего тот или иной момент оригинального произведения, который по ряду причин не может быть воспринят рецептором должным образом.

Часто перед переводчиком стоит задача ещё и адаптации текста к мировоззрению современного читателя. Даже носителю культуры автора того или иного произведения по прошествии определённого количества времени становится непонятно то или иное иноязычное высказывание, не вызывавшее никаких вопросов у современников текста. Тем более сложно решить эту проблему переводчику. Для того чтобы добиться значимого результата, нужно поставить перед собой и решить ряд задач: во-первых, с какой целью автор вводит в текст иноязычное вкрапление; следует ли его переводить или оставить без перевода и объяснений; во-вторых, насколько знаком язык вкрапления читателю оригинала и перевода; в-третьих, что делать с собственным переводом вкрапления самого автора и с вкраплениями на языке читателя перевода.

Произведение, выбранное нами для анализа, — исторический роман Артура Конан Дойля «Белый отряд». Действие романа разворачивается в самый разгар средневековой войны за территориальное господство между Англией и Францией. Эта война вошла в историю под названием Столетней (1337—1453). В произведении ярко отобразены быт и повседневная жизнь практически всех слоёв населения Англии: от монахов до рыцарей Его Величества. Автор намеренно «старит» сам текст романа, дабы придать ему должный колорит «средневековости» и помочь читателю перенестись в другую эпоху. Так, например, часто встречаются формы средне- и древнеанглийского языка, а также слова, давно вышедшие из повседневного обихода современных автору англичан. Таких слов и выражений в произведении порядка 70 единиц.

e.g. thee; hast; thou; canst; rede; nay; quotha...

Подобными словами, посредством этого лексического приёма автор помогает нам почувствовать атмосферу своего произведения, перенестись в мир его героев. Хотя используемые им формы и устарели, они всё равно понятны читателю оригинала, даже если он не является носителем языка. С точки зрения перевода задача здесь не является особо сложной. В любом языке найдутся адекват-

ные и эквивалентные устаревшие формы языка перевода, которые с лёгкостью возьмут на себя все функции, которые выполняли в оригинальном тексте английские формы.

Помимо хотя и устаревших, но всё же собственно английских форм текст романа пестрит различного рода иноязычными вкраплениями, в основном французскими, реже латинскими, ещё реже испанскими и итальянскими. И здесь переводчику следует быть особенно внимательным. Одно дело, когда в речи монахов периодически встречаются молитвы или небольшие изречения на латыни, которые, учитывая специфику англиканской и католической церквей, где многие обряды до сих пор происходят на латыни, являются в общем понятными. В таких случаях оригинальный текст обычно оставляют нетронутым, давая по желанию сноску с пояснением, или при невозможности такового, проводят аналогию с тем или иным явлением в конфессии рецептора. В «Белом отряде» около 20 единиц такого рода.

e.g. One thousand aves and as many credos, said standing with arms outstretched before the shrine of the Virgin...

— Одну тысячу Ave* и столько же Credo** . Прочтешь их стоя, с воздетыми руками, перед алтарем пресвятой Девы.

* Богородице, дево, радуйся (лат.).

** Верую (лат.).

По-другому обстоит дело с иноязычными вкраплениями и целыми пассажами на иностранном языке. Чаще всего, используя эти вкрапления, автор желает обратить наше внимание на ту или иную черту характера своего героя или передать дух времени, атмосферу. Этот приём зачастую используется даже в стилистических целях и здесь простой перевод высказывания иногда бывает недостаточен. Ведь одного понимания, о чём идёт речь, мало, надо ещё и сохранить авторский стиль и все имплицитные значения (положительные, отрицательные, указывающие на образованность говорящего или на его принадлежность к определённому социальному слою населения), связанные с использованием того или иного иностранного языка в той или иной культуре. Чаще всего переводчики либо переводят фразу, давая ниже объяснения, если таковые необходимы, либо, сохраняют высказывание на языке оригинала и намекают на его значение в следующем предложении, либо, переводя фразу, добавляют «сказал он [допустим] по-французски...». Так, И. Левый считает по данному вопросу, что «чужой язык, принятый в среде, где создавался оригинал, часто бывает непонятен читателю перевода, поэтому чужезычную речь нельзя в переводе сохранить... Если заменить чужезычные выражения фразами на литературном языке переводчика, они утратят своё художественное качество; обычный перевод в сносках непригоден здесь, так же как

и подстрочные объяснения исторических реминисценций... Наиболее приемлемым решением здесь будет перевести на свой язык важнейшие в смысловом отношении фразы и намекнуть на атмосферу чужезычности сохранением в переводе приветствия и кратких реплик, содержание которых ясно из контекста»².

Так, в романе Конан Дойля читать, писать и соответственно говорить по-французски могут люди только благородного происхождения. Английские лорды и рыцари могут говорить с равными себе по происхождению французами на их языке, показывая тем самым свою грамотность, а следовательно, и принадлежность к высшему обществу. Язык играет здесь особенную роль. Каждый герой романа, не важно кто он по национальной принадлежности, дорожит своим родным языком и употребляет его с особым акцентом. Естественно, регистр речи при подобных вкраплениях сразу поднимается, и это очевидно для рецептора оригинала. Рецептору же перевода остаётся уповать на профессионализм и смекалку переводчика, которому нужно заменить имеющиеся единицы оригинала не просто, чтобы была ясна семантика высказывания, но ещё и сохранялся бы при этом авторский стиль. Так, например, все важные депеши и письма при английском дворе писались на французском языке. В романе Конан Дойля встречается много таких вкраплений. Как правило, переводчик В. Станевич оставлял сами вкрапления в тексте перевода на их исходном языке и ниже давал сноску с переводом. Большинство таких вкраплений в тексте на французском языке (около 55 единиц), есть также на итальянском (около 5) и испанском (порядка 4) языках.

e.g. *“Ouvre,” he cried, “ouvre” or some such word, making signs for me to open the gate.*

“Ouvre!” — кричит, — “Ouvre!” — или что-то в этом роде и делает мне знаки, что, дескать, отпри ворота.*

** Открой (франц.).*

Также в тексте произведения часто встречаются иноязычные вкрапления (в основном на французском и испанском языках) междометийного характера, передающие эмоциональное состояние того или иного героя. С такими вкраплениями В. Станевич поступал иначе. Переводчик оставлял их в исходном виде, не давая при этом никакого перевода или объяснений. Подобных случаев в переводе романа «Белый отряд» встречается порядка 62 единиц.

e.g. *“Hola! mon petit. By my hilt! I thought there had been a camisade. What then, mon gar?”*

Hola, mon petit! Клянусь эфесом, я подумал, что на нас напали среди ночи! Что случилось, mon gar?

² Левый И. Искусство перевода. М., 1974. С. 137—138.

При работе над подобными вкраплениями переводчику нужно решить, рассчитывал ли автор произведения на определённого рода грамотность и подготовленность своего читателя. Ведь зачастую сама форма высказывания более важна, чем его содержание, которое обычно ясно из контекста.

Список литературы

Конан Дойль А. Собр. Соч.: В 8 т. Т. 5. М.: Правда, 1966.

Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1980.

Левый И. Искусство перевода. М., 1974.

Conan Doyle A. The White Company. СПб.: Химера, 2001.

ВОПРОСЫ ТЕРМИНОЛОГИИ

М.О. Алексеева,

преподаватель Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени
М.В. Ломоносова. E-mail: monorime@mail.ru

ИЗУЧЕНИЕ ТЕРМИНОЛОГИИ ПРАВОСЛАВИЯ КАК ОДИН ИЗ АСПЕКТОВ ПОДГОТОВКИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ-ПЕРЕВОДЧИКОВ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ)

В статье рассматривается необходимость включения терминологии православия в лексикографический курс изучения русского языка для иностранных студентов-переводчиков. Утверждается, что терминология православия, являясь не только специальной лексикой, обслуживающей важную сферу жизни русского общества, но и частью общенационального языка, аккумулирует в себе большой объём страноведческой, культурологической и исторической информации. Наиболее интересным аспектом изучения терминов православия представляется наличие в них эмоционально-экспрессивных, национально-культурных и идеологических коннотаций.

Ключевые слова: терминология православия, религионим, эмоционально-экспрессивные, национально-культурные и идеологические коннотации, пейоративность, мелиоративность.

Marianna O. Alekseyeva,

Teacher at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov MSU, Russia; e-mail: monorime@mail.ru

Studying Orthodox Terminology as one of the Aspects of Teaching Translation to Foreign Students (Theoretical Premises)

The article studies the necessity of including the Orthodox terminology into the lexicographic course of Russian language for foreign students. Not only is the Orthodox terminology a specific vocabulary that serves an important sphere of life of the Russian society; it is part of the national language and accumulates a significant part of cultural and historical information. The most interesting aspect of studying the orthodox terminology is emotionally expressive, national, cultural, and ideological connotations.

Key words: orthodox terminology, religionym, system of terms, emotionally expressive, pejorativity, meliorativity.

Фидеистическая лексика всегда существенно влияла на самосознание общества, но в разные исторические периоды играла неодинаково значимую роль в его жизни. Церковная обрядность, гимнография, литургические тексты, церковная книжность раздвинули этнические рамки русского языка. Н.Б. Мечковская в монографии «Язык и религия» утверждает: «В основе... связи языка и религии лежит не случайность или недоразумение архаического

сознания. Дело в том, что религия — это область повышенного внимания к слову» [Мечковская, 1998, с. 4].

В последние годы осуществилась переориентация общественного языкового сознания, произошло усиление в русском языке значимости слов с религиозной семантикой, или религионимов, т.е. слов или составных наименований, используемых в религиозной сфере и обозначающих конфессиональные понятия. Поскольку религиозная лексика перешла в активный словарный запас носителей языка, она нуждается в систематизации, анализе и оценке. В советский период религионимы практически не изучались, однако в последние годы фидеистическая лексика исследовалась в концептуальном, общекультурном и религиозном дискурсах.

Лексика русского православия представляет собой значительный корпус терминов, охватывающих различные сферы жизни русского общества и непосредственно связанных с православной религией и церковной практикой. Очевидной представляется необходимость анализа этой терминологии, её структурно-семантических характеристик и функциональных особенностей, так как она позволяет получить информацию об одном из наиболее значимых фрагментов картины мира носителей русского языка и прийти к лучшему пониманию их менталитета, что принципиально важно в переводческой практике.

Выявление характерных особенностей специальной лексики каждой области человеческой деятельности имеет немаловажное значение (теоретическое и практическое) не только для изучения механизма функционирования отдельных терминологий, но и для понимания глубинных закономерностей функционирования языка в целом. Особенно это касается сложившихся и устоявшихся терминологий, в которых процесс формирования завершён — именно к такому типу относится конфессиональная специальная лексика. Актуальность исследования терминов русского православия обусловлена уже тем фактом, что данная терминология находится в сфере интересов широкого круга субъектов: церковнослужителей и прихожан, богословов и философов, культурологов и религиоведов, историков и искусствоведов, лингвистов и студентов, изучающих русский язык, а также архитекторов и мастеров, изготавливающих церковную утварь, ткани и облачения. Специфика данной лексики, т.е. те языковые особенности, которые позволяют говорить о ней как об особой лексической группе, связана с распространённостью и общепонятностью многих составляющих ее компонентов, с их органическим вхождением в литературный язык. Мы можем сказать, что термины, обслуживающие церковно-религиозную сферу общества, занимают некое промежуточное положение между отраслевой терминологией и областью разговорного языка.

Описание и систематизация православной лексики имеют очевидную страноведческую ценность для изучающих русский язык студентов-переводчиков, поэтому представляется немаловажным включение этой лексики в различные методики изучения русского языка как иностранного. Ориентированность профессиональной деятельности автора на иностранную аудиторию требует, чтобы группа терминов, знакомящих иностранных учащихся с религией и церковной жизнью страны изучаемого языка, а следовательно, и с историей, культурой, обычаями, традициями и тенденциями развития духовной жизни русского общества, была описана с той степенью полноты и точности, которые позволили бы наиболее оптимальным путём презентовать её иностранной аудитории.

Специальная лексика составляет едва ли не подавляющее большинство слов современных европейских языков, и, по мнению многих исследователей, именно в ней реализуется и наглядно проявляется связь языка и национальной культуры, как материальной, так и духовной. Данное утверждение как нельзя более справедливо и для терминологии русского православия, аккумулировавшей в себе лексику различных сфер жизни общества. Важность введения такой лексики в активный словарный запас учащихся неоспорима, как неоспорима и зависимость качества преподавания русского языка от такого лингвистического описания православной лексики, которое учитывало бы её специфику: органическое вхождение в общелитературный язык при сохранении терминологической точности, теснейшую соотнесённость с экстралингвистической действительностью, её идеологическую детерминированность, интернациональный характер значительной её части, наличие в семантике термина разного рода коннотаций и т.д. В соответствии с этой спецификой должны быть сформулированы принципы работы над лексикой русского православия для иностранной аудитории и подготовлена возможность ее изучения в курсе лексикологии. Термины, связанные с православной верой и церковной практикой, должны привлечь внимание преподавателей русского языка как иностранного при создании спецкурсов и учебных пособий, а также в методической организации преподавания русского языка.

1. Специфика терминологии русского православия

Лексика, связанная с православной церковью в России, неуклонно разрасталась и обогащалась в течение многих веков. Опираясь на «Полный православный богословский энциклопедический словарь», можно выделить четыре исторических этапа развития русского православия (и соответственно четыре пласта терминов, сформировавшихся для обслуживания этой сферы жизни общества).

Первый — период распространения христианской веры от апостольских времён до торжества над язычеством при Константине Великом (34—313), второй — период становления христианства, разделения Западной и Восточной церквей и формирования собственно русской христианской церкви (313—1054), третий — период окончательного разделения церквей и утверждения православия на территории России (1054—1653), четвёртый — период, связанный с расколом православной церкви, вызванным реформами патриарха Никона, предпринявшего исправление церковных книг и обновление обрядов, и с дальнейшим существованием и развитием православия (1653 — до наших дней).

В каждом из этих исторических периодов был сформирован определённый лексический пласт терминов, органически вошедший в современную терминологию православия и в существенной своей части — в общенациональный русский язык. Новые исторические реалии, возникающие по мере становления и развития православной церкви, находили своё отражение в лексике: терминологизировалась общеупотребительная лексика, возникали и фиксировались термины-неологизмы, вводились в корпус терминов заимствования и кальки из греческого, латыни и древнееврейского языков. Одновременно определённое количество терминов устаревало или переходило в разряд историзмов (если содержание понятия не менялось, но термин выходил из повседневного употребления с исчезновением реалий) и архаизмов (если происходило изменение содержания понятия или форма слова в речевом обиходе воспринималась как устаревшая).

Несмотря на то что прочные социолингвистические традиции в изучении лексики, связанной в той или иной степени с жизнью общества, утверждают зависимость развития лексических единиц от изменений, происходящих в нём, в данном случае мы имеем дело с достаточно замкнутой терминологией, так как изменения в церковно-религиозной сфере крайне незначительны: фидеистические терминологии никогда не отличались мощными динамическими процессами в силу своей консервативности и клишированности.

Обращает на себя внимание также интердисциплинарный характер лексики православия: большая часть терминов связана с самыми разными сферами человеческой деятельности — философией, живописью, архитектурой, музыкой, пением, риторикой, этикой, правом, различными ремёслами и т.д., так как все они органично включены в церковный обиход, в обрядовость и являются естественной составляющей религиозной жизни. «Ничто подлинное в жизни и мире, в человеке и обществе не чуждо языку церкви и вместимо в нем... он отражает все явления и события обоих миров, накапливая в себе все живые образы и ассоциативные ряды», — утверждает священник Георгий Кочетков [Кочетков, 2002, с. 23].

Характерной чертой терминологии православия является наличие в ней значительного слоя полифункциональной лексики, обслуживающей одновременно и общелитературный язык, и терминологию: «**воскресение**», «**подвижничество**», «**откровение**», «**коленопреклонение**» и др.; часть терминов православия входит в общеупотребительную лексику, не подвергаясь никаким изменениям, так как связана с конкретными реалиями: «**свеча**», «**храм**», «**молитва**» и т.п. (при этом, естественно, в семиотическом дискурсе план содержания терминов и общеупотребительных слов различается).

Интерес к лексике русского православия во многом определяется именно экстралингвистическими причинами: её функционирование связано с наукой, историей, литературой, бытом и т.д. Нельзя не отметить и её близость к лексике народного языка: например, такие слова, как «**святки**» или «**колядка**», по сфере употребления принадлежат к этому корпусу лексики, одновременно являясь частью русского фольклора.

Таким образом, можно говорить о замкнутости терминологии, с одной стороны, и о широком использовании терминов православия в общелитературном языке — в разных сферах человеческой деятельности, т.е. о её открытости — с другой.

В терминологиях, обслуживающих религиозные и церковные потребности общества, мы сталкиваемся со своеобразными семантическими процессами: с различными явлениями многозначности, с существованием вариантов и дублетов, с синонимией, омонимией, паронимией и даже с энантисемией. Но одним из самых интересных явлений нам представляется наличие в семантике терминов православия разного рода дополнительных коннотаций. Именно этот аспект изучения терминологии православия, с нашей точки зрения, наиболее интересен для студентов-иностранцев, так как он отражает общеязыковые процессы, а также позволяет охватить весь ареал значений термина и связать их со значениями слов национального языка.

2. Коннотации в терминологии православия

Современная семиотика выделяет в языке два плана — денотативный и коннотативный. Объект номинации отражает денотативное значение слова, а дополнительная смысловая информация считается коннотативной. Р. Барт писал, что все денотативные значения проявляются отчётливо, эксплицитны, а коннотативные значения, напротив, носят имплицитный характер. Коннотативные смыслы, содержащиеся в денотате, суггестивны, их расшифровка предполагает значительную долю субъективности. Коннотации могут характеризовать сам денотат или выражать отношение к нему субъекта, они раскрывают коммуникативную ситуацию и указывают

на тип употребления дискурса, т.е. коннотативный знак встраивается в знак денотативный [Барт, 1989, с. 15—18].

Эти утверждения справедливы и для терминов. Вопрос о наличии или отсутствии коннотаций в термине является одним из самых спорных в терминоведении. В идеале термин должен быть абсолютно нейтрален (А.А. Реформатский и многие другие лингвисты считали, что нужно стремиться к отсутствию коннотаций у термина), но в реальности значение термина может включать дополнительные семантические или стилистические элементы, устойчиво связанные с основным значением в сознании носителей языка (об этом, в частности, говорили О.Г. Ревзина и Н.З. Котелова), т.е. термин передаёт разнообразные коннотации, создаваемые под влиянием дискурсивных причин. Р. Барт утверждал также, что коннотативные смыслы «могут иметь форму ассоциаций» [там же]. Термин «коннотация» в современной лингвистике употребляется в широком и узком значениях. В широком значении под это понятие подводится почти не ограниченный круг ассоциаций (социальных, идеологических, этических, этнографических, культурных и др.), отражающихся в языке. В узком значении коннотацией называется наличие сопутствующей информации, совокупности определённых семантических элементов, дополняющих значение слова.

Вслед за целым рядом лингвистов мы можем разделить коннотативные смыслы на три группы: экспрессивно-эмоциональные, национально-культурные и идеологические. За счёт этих коннотаций может варьироваться объём семантики отдельного православного термина.

2.1. Экспрессивно-эмоциональные коннотации

Об экспрессивности специальной лексики писала еще Е.М. Галкина-Федорук: «Экспрессивность свойственна не только языку писателей-художников, но и языку общественных деятелей, публицистов, даже учёных, хотя на первый взгляд кажется, что речь учёного бесстрастна, спокойна, лишена аффективности» [Галкина-Федорук, 1958, с. 108], однако долгое время утверждалось отсутствие экспрессивности у терминов. Сегодня наличие пейоративности (негативной окрашенности) или мелиоративности (положительной окрашенности) в семантике термина уже не оспаривается.

Включение экспрессивно-эмоциональных коннотаций характерно для терминов православия: так, например, мелиоративная коннотация содержится в бинарном термине «**великая схима**» — образ жизни монахов, подразумевающий отказ от связей с миром, отшельничество и строгость обетов и вызывающий особое уважение в обществе (термин «**малая схима**» означает жизнь в монастыре

единой жизнью с другими монахами, при которой сохраняется некоторая связь с миром). Следует вспомнить, что Д.С. Лотте негативно относился к терминам-аспективам (терминам, в состав которых входят качественные прилагательные), считая их недостаточно информативными. Однако в терминологии православия таких терминов довольно много: «**большой покров**» — «**малые покровцы**», «**большой омофор**» — «**малый омофор**», «**великий пост**» и т.д.

Любопытная ситуация складывается в названиях сект и еретических вероучений. По-видимому, отрицательную коннотацию, выраженную в использовании стилистически окрашенных суффиксов «-ов(-ев) + -щин» несут термины, сформированные самой православной церковью: «**беспоповщина**», «**онисимовщина**», «**еписфановщина**», «**малеванщина**», «**филипповщина**» и др. Эти термины отражают негативный взгляд официальной церкви, претендующей на роль единственной хранительницы вероучения, воспринятого ей от Христа, и осуждающей те религиозные течения, которые рассматривались как отклонение от христианской ортодоксии. Многие термины имеют два или даже три варианта, один из которых является положительно, а другой отрицательно окрашенным: так, из трёх терминов, означающих мистическую секту: «**хлысты** — **хлыстовство** — **хлыстовщина**» последний, очевидно, содержит негативную коннотацию. При этом сами члены этих сект не принимали ни один из них (они даже утверждали, что название секты произошло не от слова «хлыст», а от имени «Христос», поэтому правильное название — «христовцы»), а себя именовали «**богомилами**», «**духовными христианами**» и даже «**купидонами**», т.е. пользовались безусловно положительно маркированными терминами. Но даже от имени Христос может быть образовано негативно окрашенное название секты — «**христовщина**». Стилистическую маркированность имеет и термин «**азинарии**» — насмешливое название христиан, указывающее на их мнимое поклонение ослу (по-латыни asinus): Христос, как известно, въехал в Иерусалим на осле.

Пейоративность видна в терминах «**дьячок**» и «**поп**»: так называли церковно- и священнослужителей, если хотели подчеркнуть свое негативное отношение к русскому священству. Негативную коннотацию, вызванную самим фактом отлучения священнослужителей от церкви и лишения сана, содержат также термины «**распоп**» и «**расстрига**».

2.2. Национально-культурный компонент

Необходимо отметить наличие у ряда терминов православия национально-культурного компонента, который отчётливо проявляется в данной терминологии, несмотря на обилие в ней заимствований и калек. Так, например, у русского человека слова «**голов-**

щик» (главный помощник регента) или **«звезда»** (установленные определённым образом дуги для дискоса) вызывают вполне определённые ассоциации.

Национально-культурный компонент отражает совокупность знаний национального или регионального характера и передаёт специфическое отражение этих знаний в сознании носителей языка, т.е. национально-культурный компонент отображает культурные традиции общества. Очевидно, что у носителя языка некоторые термины вызывают вполне определённые ассоциации, связанные, в частности, с этимологией слова. Об этом писала А.А. Брагина: «Забвение в термине этимологического содержания со всеми коннотативными оттенками лишает его сути, ради которой он был образован» [Брагина, 1981, с. 63]. У большинства заимствованных терминов русского православия отмечается наличие национально-культурного компонента: **«девятины»**, **«сороковины»** — обряд поминовения усопших соответственно на девятый и сороковой день, **«тяжкая»** — одно из названий звона, издаваемого самым большим колоколом, **«полунощница»** — церковная служба, которая совершается в период от полуночи до утра, **«сорокоуст»** — богослужения, в которых усопший поминается в течение сорока дней после кончины, **«послушание»** — назначается настоятелем монастыря для исправления братии, задание или дело, которое обязательно (послушно!) должно быть выполнено по повелению настоятеля монастыря.

Национально-культурный компонент содержат собственно русские термины, означающие названия частей храма: **«усыпальница»** — особое помещение при храме или часовне, где покойники находятся перед церковным погребением; **«горнее место»** — часть православного храма напротив престола; а также названия церковной утвари: **«купель»** — сосуд, употребляемый в православной церкви для совершения обряда крещения; **«складень»** — так в древней Руси называли триптих, складную икону; **«теплота»** — горячая вода, которая вливается в потир и соединяется с вином, и многие другие.

Виден национально-культурный компонент и в терминах, означающих облачения священнослужителей: **«набедренник»** — знак духовного отличия священников в виде прямоугольного плата, на котором изображён крест; носится на бедре с правой стороны; **«наперсный крест»** — крест, который священники носят на груди поверх облачения; **«поручи»** — специальные нарукавники, являющиеся частью священнического облачения, стягивающие рукава подризника на запястьях, **«звонцы»** — принадлежность архиерейской одежды в виде маленьких бубенчиков, нашивающихся на саккосы и мантии.

Почти все русскоязычные названия сект и ересей содержат национально-культурные коннотации. Они отчётливо видны в целом ряде названий, образованных от ключевых слов еретического вероучения: «**дырники**» — раскольническая секта (XVII в.), члены которой молились не на иконы, а просто на восток, для чего продельвали отверстия в стене, «**столпники**» — отшельники, подвизавшиеся стоянием на столбе (IV в.), «**самокрепченцы**» или «**бабушкино согласие**» (члены этой раскольнической секты крестили себя сами, а младенцев крестили повивальные бабки), «**субботники**» — секта, признающая превосходство иудаизма над христианством, члены которой празднуют субботу, «**прыгуны**» — приверженцы этой ереси прыгают с пением стихов до полного изнеможения, и многие другие.

В названиях церковных должностей и званий также выявляется национально-культурный компонент: «**послушник**» — лицо в православных монастырях, готовящееся к принятию монашества и выполняющее определённое послушание, «**помазанник**» — лицо, над которым совершён обряд помазания, «**молчальник**» — монах или отшельник, давший обет молчания, «**каравайник**» — тот, кто несёт хлеб (каравай) к церкви и от церкви во время свадьбы, «**звонарь**» — лицо, звонящее в церковные колокола.

Следует отметить, что именно национально-культурный, а не идеологический компонент содержится в терминах «**белое духовенство**» и «**черное духовенство**», так как здесь имеет значение не оппозиция «белое — черное», которое носителями языка привычно осмысливается как антитеза «добро — зло», а цвет облачений священников женатых и священников монашествующих, где белый означает святость и чистоту, а чёрный — отказ от земных радостей.

2.3. Идеологический компонент

Р. Барт писал, что идеология — это коллективно вырабатываемая ценностно-смысловая сетка, помещённая между индивидом и миром и опосредующая его отношение к этому миру [Барт, 1989, с. 309]. Именно он связал идеологию с феноменом коннотации и определил, что коннотации способны к идеологическому насыщению. Проблему идеологического компонента принято рассматривать в семантике языка на примере общественно-политической лексики. В определенном смысле термины, связанные с религией, относятся именно к такой лексике.

Отчётливая идеологическая коннотация возникает в целом ряде однокоренных терминов с корнем «благо»: «**благоволение**», «**благословение**», «**благовест**», «**благочестивый**», «**благорастворение**», «**благочинные**» и т.д., а также в терминах с корнем «свят/свящ» —

«**святой**», «**святителище**», «**священство**», «**священник**» и т.д. или в бинарных терминах — «**благая весть**», «**святые дары**», «**святое причастие**», «**святой дух**», «**священные сосуды**» и т.д. Положительно маркирован также термин «**богомилство**», означающий название ереси.

Очевидно наличие идеологического компонента в терминах: «**красный угол**» — угол в доме или комнате, обращённый обычно на юго-восток, в котором помещаются иконы; «**царские врата**» — большие, богато украшенные средние двери, ведущие в алтарь; «**красовуль**» — драгоценный ковш для евхаристии.

Не будем забывать, что в самих терминах «**православие**», «**православная вера**», «**православная церковь**» также содержится положительная оценка, связанная с корнем «прав». Следует отметить, что ещё в античности понятия «право» и «лево» несли в себе, соответственно, позитивный и негативный смыслы; связанная с ними окрашенность проявляется в названии секты «**десное братство**». Основатель этой секты штабс-капитан Ильин делил всех людей на десных (правых), которые должны войти в царствие небесное, и ошуйных (неправых), обречённых на гибель, — так что в самом названии заложено утверждение априорной истинности вероучения, т.е. содержится мощная идеологическая составляющая. Ряд названий сект несёт в себе положительную идеологическую коннотацию, ощущаемую в таких словах, как «согласие», «братство» (или «братья»), «свободный дух», «церковь»: «**лужковское согласие**», «**апостольские братья**», «**братья свободного духа**», «**абиссинская церковь**». Связано это, по всей видимости, с тем, что такие термины формировались самими членами этих религиозных обществ и выражали позитивное отношение к неканоническим вероучениям, которые они исповедовали. Следует заметить, что еретические верования основывались не на отрицании канонического учения как такового, а были связаны с ревизией какого-либо пункта этого учения, при этом их последователи считали себя истинными выразителями христианской идеи. Напротив, в терминах, обозначающих секты, названия которых были сформированы православной церковью, проявляется негативная идеологическая коннотация, содержащаяся в словах «ересь», и «секта»: «**хлебопоклонническая ересь**», «**башкина ересь**», «**ересь Маркелла**», «**секта марьянцев**». Негативная идеологическая коннотация ощущается также в терминах «**раскольник**» и «**крамольник**».

Виден идеологический компонент и в названиях церковных должностей и званий: «**благочинные**» — помощники епископов в надзоре за духовенством; в различных титулах и именовании: «**святейшество**» — патриарший титул в поместных церквях; «**преосвященство**» — титул епископов; «**владыко**» — именование всех

высших иерархов церкви; а также различные именованья русских святых: «равноапостольный», «священномученик», «великомученик», «преподобный». А термин «блаженный» содержит целый веер идеологических коннотаций, причём разноокрашенных — от сумасшедшего до святого, богоугодного.

Итак, мы видим, что, поскольку термины православия связаны с общенациональным языком (ибо носители определённой терминологии являются также носителями общелитературного языка, а сама терминология — частью русского литературного языка, в котором разные виды окрашенности широко распространены), стилистически маркированных терминов в православной специальной лексике довольно много. Рассматривая функции коннотаций у терминов, некоторые лингвисты утверждают, что коннотации способствуют формированию номинативного значения (а именно дополнительных признаков специального понятия). Однако трудно согласиться с мнением, что термин, содержащий коннотации, всегда указывает на отношение носителя терминологии к обозначаемому. Очевидно, что соотношение сигнификата и элементов коннотации в момент образования термина и в использовании уже устоявшегося (в течение многих веков!) термина далеко не одинаковы: со временем окрашенность неизбежно стирается и перестаёт влиять столь отчетливо на восприятие термина носителями языка в процессе коммуникации. Тем интереснее её выявление в процессе изучения фидеистической лексики с иностранными студентами.

Вопрос о «полезности» или «вредности» коннотаций представляется праздным [Прохорова, 1996, с. 23]: сама активность образования содержащих коннотации терминов, их живучесть и устойчивость, а также словообразовательная активность говорят о том, что коннотации следует воспринимать как неотъемлемую составляющую плана содержания, способную не только корректировать, но и, зачастую, существенно менять значение религионима. Фиксация разного рода коннотаций в терминах православия с привлечением обширного экстралингвистического материала позволит иностранным студентам в процессе изучения русской лексики раскрыть внутреннюю форму слова, увидеть его образную опору в изучаемом языке, ощутить заложенный в нем эмотивный заряд.

Список литературы

- Барт Р.* Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989.
Брагина А.А. Лексика языка и культура страны. М., 1981.
Галкина-Федорук Е.М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке // Сб. статей по языкознанию: Памяти проф. Моск. ун-та акад. В.В. Виноградова. М., 1958.

- Котелова Н.З.* Первый опыт лексикографического описания русских неологизмов // Новые слова и словари новых слов. Л.: Наука, 1978.
- Кочетков Г.* Язык церкви как дар Слова и плод Духа // Язык церкви: Мат-лы Междунар. богословской конф. М., 2002.
- Лотте Д.С.* Основы построения научно-технической терминологии. М., 1961.
- Мечковская Н.Б.* Язык и религия. М., 1998.
- Прохорова В.Н.* Русская терминология (лексико-семантическое образование). М.: Филологический факультет, 1996.
- Ревзина О.Г.* О понятии коннотации // Языковая система и ее развитие во времени и пространстве. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001.
- Реформатский А.А.* Лингвистика и поэтика. М., 1987.
- Татаринов В.А.* Теория терминоведения. Т. 1. М., 1966.
- Clendenin Daniel B.* Eastern Orthodox Christianity. A Western Perspective. Baker Books, 1994.

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

ГЛОБАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ И МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ

28—29 января 2010 г. в Женеве прошёл ежегодный форум Постоянной международной конференции университетских институтов подготовки переводчиков (CIUTI).

Форум, практическая организация которого осуществлялась Высшей школой перевода Женевского университета, собрал преподавателей перевода и руководителей ведущих переводческих школ мира, представителей лингвистических служб международных организаций, устных и письменных переводчиков, заинтересованных в совместном обсуждении вопросов подготовки профессиональных переводчиков в новых геополитических условиях. В работе форума приняли участие заместитель Генерального секретаря Организации Объединённых Наций — Генеральный директор отделения ООН в Женеве Сергей Орджоникидзе, президент Международной федерации переводчиков (FIT) Марион Боерс, президент Международной ассоциации синхронных переводчиков Бенуа Кремер, директор Главного управления устного перевода и конференций Европейского Парламента Ольга Космиду, директор Главного управления устного перевода Европейской Комиссии Марко Бенедетти, президент Европейского лингвистического совета Вольфганг Макевич и другие официальные лица.

Российская Федерация была представлена Высшей школой перевода Московского государственного университета и МГИМО, т.е. вузами, подписавшими с ООН меморандумы о взаимопонимании и сотрудничестве в деле подготовки переводчиков для этой организации, а также Астраханским государственным университетом, осуществляющим лингвистическую поддержку работы Шанхайской организации сотрудничества.

Заседания форума проходили в одном из залов заседаний женевского отделения Организации Объединённых Наций. Такой выбор места проведения форума неслучаен, ведь, именно в недрах Организации Объединённых Наций родилось понятие «глобальное управление».

Глобальное управление — это система как формальных, так и неформальных институтов, механизмов, отношений и процессов,

распространяющихся на государства, рынки, отдельных граждан, межправительственные и неправительственные организации, посредством которой на глобальном уровне определяются коллективные интересы, устанавливаются права и обязанности, разрешаются споры¹.

В новых геополитических условиях вновь остро встал вопрос о роли переводчиков в обеспечении международных отношений, межкультурной коммуникации, межкультурного диалога.

Организация Объединённых Наций первой забила тревогу: в ближайшее десятилетие в связи с естественным старением кадров только в её структурах должны быть заменены сотни устных и письменных переводчиков. Смогут ли сегодняшние школы перевода, факультеты и институты подготовить в сравнительно короткие сроки необходимое количество переводчиков-профессионалов, способных решать задачи самого высокого уровня ответственности, обеспечивая деятельность международных организаций? В какой мере лингвистические службы международных организаций могут включиться в подготовку переводчиков и осуществлять поддержку профильных образовательных учреждений? Как международные и национальные объединения переводчиков могут способствовать подготовке профессиональных переводческих кадров? Каковы должны быть компетенции современного переводчика в новых геополитических условиях? Таков был круг вопросов, предложенных для обсуждения на форуме.

Первое заседание после открытия форума президентом Постоянной международной конференции университетских институтов подготовки переводчиков, директором Школы перевода Женевского университета Ханнелорой Ли-Янки, было посвящено главным образом общим вопросам лингвистического обеспечения международной деятельности организаций и институтов в новых политических и экономических условиях.

Последующие заседания были посвящены обсуждению вопросов переводческой деятельности и обучения переводчиков в разных регионах мира: Азия и Латинская Америка, арабский мир и Россия.

Выступление делегации Высшей школы перевода Московского университета было посвящено состоянию переводческой практики в России (Н.К. Гарбовский) и подготовке переводчиков в Высшей школе перевода МГУ (О.И. Костикова).

В докладах отмечалось, что анализ переводческой деятельности в современной России, являющейся важным звеном международ-

¹ См.: *Weiss Th., Thakur R. The UN and Global Governance: An Idea and its Prospects. University of Indiana Press, 2003.*

ных отношений в новых геополитических условиях, сложившихся после распада Советского Союза и социалистической системы в целом, целесообразно осуществлять с учётом трёхуровневого лингвистического контекста, который представляется в виде концентрических кругов: внутреннее российское языковое пространство, языковое постсоветское пространство, мировое языковое пространство. Лингвистическая ситуация в каждом из этих кругов имеет свою специфику и предполагает разные подходы к подготовке переводчиков, выбору языковых комбинаций, преимущественному развитию тех или иных переводческих навыков.

Современная ситуация характеризуется явными вызовами, с которыми сталкиваются российские школы подготовки переводчиков, а именно: хаотичность рынка переводческих услуг; отсутствие точных критериев оценки качества переводческого труда и организмов, способных оценить это качество; падение престижа переводческой профессии; радикальная реформа высшего образования, ломающая традиции отечественной переводческой школы; лингвистическая ограниченность среднего образования, практически полностью перешедшего к обучению только английскому языку.

Попыткой ответить на эти вызовы современности и стало создание в Московском университете нового факультета — Высшей школы перевода, — ориентированного на инновационные программы обучения, на новейшие образовательные технологии, на немедленное реагирование на все изменения, происходящие на рынке переводческих услуг как внутри России, так и за рубежом. Целью образовательной деятельности Высшей школы перевода МГУ является подготовка специалистов, способных выполнять роль посредников в межкультурной коммуникации, обеспечивая тем самым дальнейшее развитие и углубление экономических, политических, научных, технологических и культурных отношений России с партнёрами по международному диалогу в новых геополитических условиях, и демонстрируя при этом уважение к многообразию языков и культур.

В докладах подчёркивалось, что организация обучения в Высшей школе перевода строится вокруг четырёх основных принципов — гибкости, открытости, синергии, и инновационности — и направлена на подготовку кадров универсальных переводчиков, способных отвечать запросам лингвистических служб международных организаций, предприятий, научных центров, информационных центров, издательств и переводческих компаний.

Прошедший форум позволил ещё раз задуматься о самых насущных проблемах, стоящих перед переводческими школами в современном мире, о новых социально-экономических вызовах и возможных способах ответа на них. Форум продемонстрировал готовность ведущих переводческих школ мира, лингвистических служб международных организаций, профессиональных переводческих объединений объединить усилия для нахождения решений и технологий, способных оптимизировать подготовку переводчиков, создать «глобальное управление» этим процессом, имеющим исключительную социальную значимость.

Информация для авторов журнала

Журнал “Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода” выходит один раз в три месяца.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Требования к формату текста статьи:

- объём рукописи 10—15 стр.;
- поля 2,54 × 3,17 см;
- полуторный междустрочный интервал;
- шрифт Times New Roman (12 кегель);
- текстовый редактор.

Требования к статье:

- необходимо предоставить 2 рецензии;
- текст отправляется по электронной почте на адрес vestnik22@mail.ru или приносится лично в комнату № 1150 первого гуманитарного корпуса МГУ (на диске в формате RTF);

- *таблицы, схемы, иной иллюстративный материал* необходимо сохранить отдельными файлами и распечатать на отдельных листах;

- необходима *аннотация* (3—5 предложений) на русском и английском языках;

- наличие списка *ключевых слов* после аннотации на русском и английском языках;

- *примечания* в виде подстраничных сносок;

- *список литературы* сразу после статьи: без нумерации, в алфавитном порядке по фамилиям авторов. В тексте в квадратных скобках указывается фамилия автора(ов), год издания и страница. Например: [Иванов, 1998, с. 125]. При повторном цитировании: [там же, с. 128] для русскоязычных источников или [Ibid., p. 123] для иноязычных источников;

- данные *об авторе* (на русском и английском языках) — фамилия, имя, отчество (полностью), учёная степень, учёное звание, полное название научного или учебного учреждения и его структурного подразделения, контактный телефон и адрес электронной почты автора.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведённых фактов, цитат, экономико-статистических данных, имён собственных, географических названий и иных сведений.

Материалы присылать по адресу: 119899, Москва, Ленинские горы, МГУ, ГСП-2, 1 учебный корпус ГФ, факультет “Высшая школа перевода”, комн. 1150. Тел.: 8-495-939-33-48. Адрес электронной почты: vestnik22@mail.ru

Плата с аспирантов не взимается. Рукописи не возвращаются. Во всех случаях полиграфического брака просьба обращаться в типографию.

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

ГАРБОВСКИЙ Н.К., главный редактор,
ДИАНОВА Г.А., зам. главного редактора,
КОСТИКОВА О.И., зам. главного редактора,
МОЗГОВАЯ Л.А., ответственный секретарь,
БЕЛЬСКИЙ Е.В., **ВИССОН ЛИНН (США)**, **ЕСАКОВА М.Н.**,
ЗАБРОВСКИЙ А.П., **КОЛЬЦОВА Ю.Н.**, **МАТАСОВ Р.А.**,
МИШКУРОВ Э.Н., **РЕЗНИЧЕНКО О.Л.**, **ТОРСУКОВ Е.Г.**,
ШАБАГА И.Ю.

Редактор *М.Л. Балашова*

Технический редактор *З.С. Кондрашова*

Корректор *А.Я. Марьясис*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-28752 от 4 июля 2007 г.

Адрес редакции:

*125009, Москва, ул. Б. Никитская, 5/7.
Тел. 697-31-28*

Подписано в печать 05.04.2010. Формат 60×90^{1/16}. Бумага офс. № 1.
Гарнитура Таймс. Офсетная печать. Усл. печ. л. 10,0. Усл. кр.-отг. 1,4.
Уч.-изд. л. 10,5. Тираж 250 экз. Заказ № . Изд. № 9013.

Ордена “Знак Почета” Издательство Московского университета.
125009, Москва, ул. Б. Никитская, 5/7.
Типография ордена “Знак Почета” Издательства МГУ.
119992, Москва, Ленинские горы.

ИНДЕКС 20408 (каталог «Роспечать»)
ИНДЕКС 88134 (каталог «Пресса России»)

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

ISSN 0201-7385. ISSN 2074-6636.

Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2010. № 1. 1—160.

ISSN 0201-7385
ISSN 2074-6636